

ISSN 2413-2004

ВАЗОРАТИ МАОРИФ ВА ИЛМИ ҶУМҲУРИИ ТОҶИКИСТОН
Донишгоҳи давлатии ҳуқуқ, бизнес ва сиёсати Тоҷикистон

МАҶАЛЛАИ ИЛМӢ-НАЗАРИЯВИИ
«АХБОРИ ДДҲБСТ»

Силсилаи илмҳои гуманитарӣ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН
Таджикский государственный университет права, бизнеса и политики

НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
«ВЕСТНИК ТГУПБП»

Серия гуманитарных наук

EDUCATION AND SCIENCE MINISTRY OF TAJIKISTAN REPUBLIC
Tajik State University of Law, Business and Politics

SCIENTIFIC-THEORETICAL JOURNAL
“BULLETIN OF TSULBP”

Series of Humanitarian Sciences

№4 (65), 2015

Хучанд – Khujand

Маҷаллаи «Ахбори ДДХБСТ» аз соли 2000 на кам аз 4 маротиба бо забонҳои тоҷикӣ, русӣ ва англисӣ нашр мешавад.

*Маҷалла дар Вазорати фарҳанги Ҷумҳурии Тоҷикистон ба қайд гирифта шудааст
(Шаҳодатномаи № 0233/МЧ аз 18.08.2015).*

Маҷалла аз июни соли 2011 ба Рӯйхати маҷаллаҳо ва нашрияҳои илмӣ пешбар, ки ҷони муҳимтарин дастовардҳои илмӣ рисолаҳо барои дарёфти унвонҳои номзад ва докторони илм дар онҳо ҳатмӣ мебошад, дохил шудааст.

Маҷалла ба Индекси иқтибоси илмӣ Русия (РИНЦ) ворид аст.

ҲАЙЪАТИ ТАҲРИР

Сармуҳаррир: *Қўрабев Қ.Ҳ.*, доктори илмҳои таърих, профессор

Ҷонишини сармуҳаррир: *Ғиёсов Н.И.*, номзоди илмҳои филология, дотсент

Азимова М.Н., доктори илмҳои филология, профессор; *Зоҳидов О.Х.* доктори илмҳои фалсафа, профессор; *Исомитдинов Ж.Б.*, номзоди илмҳои таърих, дотсент; *Раҳимов И.* доктори илмҳои филология, профессор; *Раҳимов Н.Т.*, доктори илмҳои таърих, профессор; *Самадова Р.О.*, доктори илмҳои филология, профессор; *Сулаймонов О.Ш.*, номзоди илмҳои филология, котиби масъул; *Султонов Ш.М.*, доктори илмҳои таърих, профессор; *Турсунов Н.О.*, доктори илмҳои таърих, профессор; *Усмонов Р.А.*, доктори илмҳои филология, профессор; *Ҳасанов А.А.*, доктори илмҳои филология, профессор; *Шокиров Т.С.*, доктори илмҳои филология, профессор.

ШҶҶРОИ ТАҲРИР

Раиси шӯрои таҳрир: *Сайфуллоев А.С.*, доктори илмҳои филология, профессори ДДХБСТ (Хуҷанд); **Ҷонишини раис:** *Мирбобоев А.К.*, доктори илмҳои таърих, профессори ДДХ ба номи акад. Б. Ғафуров (Хуҷанд); **Ҷонишини раис оид ба робитаҳои байналмилалӣ:** *Қўраев А.Х.*, номзоди илмҳои фалсафа, дотсенти ДДХБСТ (Хуҷанд); *Зоҳидов Н.Ш.*, доктори илмҳои филология, профессор (Душанбе); *Иброҳим Худоев*, доктори илмҳои филология (Ҷумҳурии Ислонии Эрон), *Олимов К.О.*, академики АУ ҚТ, доктори илмҳои фалсафа, профессор (Душанбе); *Орехов А.М.*, доктори илмҳои фалсафа, дотсент (Москва); *Пирумишов Х.П.*, доктори илмҳои таърих, профессор (Душанбе); *Салимов Н.Ю.*, академики АУ ҚТ, доктори илмҳои филология, профессор (Душанбе).

Журнал «Вестник ТГУПБП» основан в 2000 году, выходит не менее четырёх раз в год на таджикском, русском и английском языках

*Журнал зарегистрирован в Министерстве культуры Республики Таджикистан
(Свидетельство №0233/МЧ от 18.08.2015)*

С июня 2011 г. журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

*Главный редактор: Джурабаев Д.Х., доктор исторических наук, профессор
Зам. главного редактора: Гиясов Н.И., кандидат филологических наук, доцент
Азимова М.Н., доктор филологических наук, профессор; Захидов О.Х., доктор философских наук, профессор; Исомитдинов Ж.Б., кандидат исторических наук, доцент; Рахимов И., доктор филологических наук, профессор; Рахимов Н.Т., доктор исторических наук, профессор; Самадова Р.О., доктор филологических наук, профессор; Сулейманов О.Ш., кандидат филологических наук, ответственный секретарь; Султанов Ш.М., доктор исторических наук, профессор; Турсунов Н.О., доктор исторических наук, профессор; Усманов Р.А., доктор филологических наук, профессор; Хасанов А.А., доктор филологических наук, профессор; Шокиров Т.С., доктор филологических наук, профессор.*

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель: Сайфуллаев А.С., доктор филологических наук, профессор ТГУПБП (Худжанд); зам. председателя: Мирбобоев А.К., доктор исторических наук, профессор ХГУ им. акад. Б.Гафурова (Худжанд); зам. председателя по международным связям: Джураев А.Х., кандидат философских наук, доцент ТГУПБП (Худжанд); Захидов Н.Ш., доктор филологических наук, профессор (Душанбе); Ибрагим Худоёр, доктор филологических наук (Исламская Республика Иран); Олимов К.О., академик АН РТ, доктор философских наук, профессор (Душанбе); Орехов А.М., доктор философских наук, доцент (Москва); Пирумишоев Х.П., доктор исторических наук, профессор (Душанбе); Салимов Н.Ю., академик АН РТ, доктор филологических наук, профессор (Душанбе);

© ТГУПБП, 2015

The journal "Bulletin of TSULBP" based in 2000 is issued no less than 4 times a year in Tajik, Russian and English

*The journal is registered in the Ministry of Culture of Tajikistan Republic
(Licence №0233/ MJ from 18.08.2015)*

Since June 2011 the journal is included into the Inventory of leading scientific journals and editions under review; major scientific results presented in dissertations aspiring for Doctor's or Candidate's degree being bound to be published in the present periodical

The journal is included into the Russian index of scientific citing (RISC)

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief: *Jurabayev J.Kh., Dr. of History, Professor*

Vice-editor-in-chief: *Ghiyasov N.A., Candidate of Philology, Associate Professor*

Azimova M.N., Dr. of Philology, Professor; Zahidov O.H., Dr. of philosophy, Professor; Isomitdinov J.B., Candidate of History; Rakhimov I., Dr. of Philology, Professor; Rahimov N.T., Dr. of History, Professor; Samadova R.A., Dr. of Philology, Professor; Suleimanov O.Sh., Candidate of Philology, Responsible Secretary; Sultonov Sh.M., Dr. of History, Professor; Tursunov N.O., Dr. of History, Professor; Usmonov R.A., Dr. of Philology, Professor; Hasanov A.A., Dr. of Philology, Professor; Shokirov T.S., Dr. of Philology, Professor.

EDITORIAL COUNCIL

Chairman: *Sayfulloyev A.S., Dr. of Philology, Professor of TSULBP (Khujand); Vice-chairman: Mirboboyev A.K., Dr. of History, Professor of KSU named after acad. B. Gafurov (Khujand); Vice-chairman in reference to the International relations: Jurayev A.Kh., candidate of philosophical sciences, Associate Professor of TSULBP (Khujand);*

Zahidov N.Sh., Dr. of Philology, Professor (Dushanbe); Ibrohim Khudoyor, Doctor of Philology (Islamic Iran Republic); Olimov K.O., academician of RT, Dr. of Philosophy, Professor (Dushanbe); Orekhov A.M., Dr. of Philosophy, Associate Professor (Moscow); Pirumshoyev Kh. P., Dr. of History, Professor (Dushanbe); Salimov N.U., academician of RT, Dr. of Philology, Professor (Dushanbe).

© TSULBP, 2015

07 00 00 ИЛМҶОИ ТАЪРИХ ва АРХЕОЛОГИЯ
07 00 00 ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ и АРХЕОЛОГИЯ
07 00 00 HISTORICAL SCIENCES and ARCHEOLOGY

07 00 02 ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ
07 00 02 HOME HISTORY

УДК 94(47)

ББК 63.3 (2)62. 67.721-91

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ
ПРОКУРАТУРЫ ПО НАДЗОРУ
ЗА ОКАЗАНИЕМ ПОМОЩИ
ФРОНТУ И СЕМЬЯМ
ФРОНТОВИКОВ В
ТАДЖИКИСТАНЕ В ГОДЫ ВОВ
(1941-1945 гг.)**

**PROCURATOR'S OFFICE
ACTIVITY CONCERNED WITH
SURVEILLANCE OVER
RENDERING HELP TO FRONT
AND FAMILIES OF WAR
PARTICIPANTS IN TAJIKISTAN
IN THE YEARS OF THE GREAT
PATRIOTIC WAR (1941 – 1945)**

Исамитдинов Жорабек Бобобекович.,

*к.и.н., доцент, завкафедрой истории
таджикского народа ТГУПБП*

(Таджикистан, Худжанд)

Мухаммадиев Изатулло Сайфуллоевич,

*зам. прокурора Согдийской области,
советник юстиции первой степени, к.и.н.*

(Таджикистан, Худжанд)

Isamitdinov Zhorabek Bobobekovich,

*candidate of historical sciences, Associate Professor,
chief of the department of the history of the Tajik
nation under the Tajik State University of Law,
Business and Politics (Tajikistan, Khujand)*

Mukhammadiev Izatullo Sayfulloyevich,

*deputy prosecutor of Sughd viloyat, justice councillor
of the first degree, candidate of historical sciences
(Tajikistan, Khujand)*

E-MAIL: Isomatdinov1961@mail.ru

Ключевые слова: Великая Отечественная война, прокуратура, прокурорский надзор, помощь фронту, подарки для фронта, семьи фронтовиков.

В статье исследуется деятельность органов прокуратуры Таджикистана по осуществлению надзора за соблюдением законности по оказанию помощи фронту, семьям военнослужащих-фронтовиков. На основе разнохарактерных источников и прежде всего архивных материалов проанализированы вопросы отправки подарков на фронт, оказания помощи семьям фронтовиков, проведение месячников помощи семьям военнослужащих, сбор материальных ценностей и денежных средств населением для фронта, выявление фактов хищения и разбазаривания государственных средств, собранных в ходе месячников, а также продовольствия и др. Обобщены вопросы надзорной деятельности органов прокуратуры по оказанию помощи фронту, укреплению тыла, борьбе с наруше-

ниями дисциплины, соблюдения прав семей фронтовиков, социальному обеспечению лиц, непосредственно занятых укреплением обороноспособности страны.

Key words: *Great Patriotic War, procurator's office, prosecutor's surveillance, help to front, presents for front, families of war participants*

The article is a research concerned with the activity of the bodies pertaining to the Procurator's office and aimed at the surveillance over legality observance related to rendering help to front and to the families of war participants. Proceeding from diverse sources and, first of all, from archival materials, the authors have analyzed the issues dealing with such items as: dispatch of presents to the front, rendering help to the families of war participants, month campaigns aimed at rendering the help in question, collection of material values and monetary resources on the part of the population for the front, elicitation of the facts of embezzlement and state resources wasting in regard to the things and food stuffs collected. The authors summarized the questions dealing with surveillance activities effectuated by the Procurator's office bodies and aimed at rendering help to the front, strengthening of the rear, combat with breakers of discipline, observance of the rights of the families whose members fought against the enemy, social insurance of the persons directly engaged in defence capability of the country.

Тяжелейшим испытанием для всех граждан Советского Союза явилась Великая Отечественная война. Для того, чтобы победить фашизм, потребовалось колоссальное напряжение усилий военнослужащих действующей армии и тружеников тыла. Советскому народу ради Победы над фашистской Германией и ее сателлитов пришлось истратить огромные материальные и людские средства. Жертвы Советского государства были огромными. Сложившаяся обстановка военного времени требовала создания в стране единого военного лагеря и перестройки всей экономики на военный лад. В этом деле большую роль сыграли организаторские способности Коммунистической партии и ее руководителя И.В. Сталина в деле мобилизации страны на отпор врагу.

Деятельность партийных советских органов по оказанию помощи военнослужащим в годы Великой Отечественной войны 1941-1945 гг. была разносторонней и получила широкий размах. С первых дней войны население было вовлечено в патриотическое движение за сбор и отправку на фронт помощи для воинов. Уже в 1941 году десятки миллионов человек во всех областях, краях и республиках стали участвовать в сборе подарков для фронтовиков. Советские люди помогали фронту не только своим самоотверженным трудом на фабриках и заводах, на колхозных полях, но они оказывали помощь своими личными средствами, сбором теплых вещей и подарков для бойцов Красной армии и флота.

В созданный в начале войны по инициативе трудящихся Москвы и Ленинграда Общенародный фонд обороны Родины, трудящиеся Таджикистана только за первую декаду августа 1941 г. передали 510 тыс. рублей деньгами и около 5 млн. рублей облигациями госзаймов (4). А за все время войны трудящиеся Таджикистана внесли в фонд обороны 30500 тыс. рублей деньгами и 45 207 000 рублей облигациями. Было собрано 40 750 пудов зернопродуктов. За годы войны на фронт отправлялись посылки. Эшелоны сопровождали представители трудящихся. Всего за время войны был отправлен 151 вагон подарков весом 89 930 пудов (12, с. 136).

Стараясь улучшить бытовые условия семей фронтовиков, в ряде мест открывали специальные магазины и столовые для их обслуживания. В Таджикистане

республиканские и местные органы власти принимали практические меры по материально-бытовому обслуживанию семей военнослужащих, организовывали месячники помощи семьям военнослужащих и инвалидам войны. В период месячника организовывали сбор средств, продуктов питания, одежды, белья и обуви, ремонт квартир военнослужащих и инвалидов войны, обеспечивали их топливом на зиму (7, с.63).

В годы войны за проведенные три месячника помощи семьям военнослужащих и инвалидов Отечественной войны, в республике было собрано 14 422 тыс. рублей деньгами, 82 тыс. пудов зерна, муки, круп, 14 тыс. пудов овощей, 530 пудов масла, 9 106 голов скота и большое количество одежды и обуви (12, с. 138).

Мастибек Тошмухаммедов констатирует, что оказанная семьям фронтовиков помощь имела большое значение не только для тех, кто ее получил, но и радовала воинов, находящихся на фронте. Он в своей книге приводит выдержку из письма офицера В.В. Горлова на имя военкома, где говорилось об оказании помощи его жене военкоматом для пошива обуви и обеспечения семьи дровами. В письме В.В. Горлов благодарит военкома за оказанную его семье помощь и добавляет, что данная забота воодушевляет его еще сильнее бороться против фашистских извергов. [13, с. 24]

Вопросы оказания семьям фронтовиков помощи всесторонне обсуждались местными представительными и исполнительными органами власти с участием прокуроров, осуществлялась большая профилактическая работа среди населения для разъяснения необходимости оказания помощи в виде назначения пособий и предоставления льгот и поощрений семьям фронтовиков.

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 июня 1941 года «О порядке назначения и выплаты пособий семьям военнослужащих рядового и младшего начальствующего состава в военное время» был рассмотрен на VI сессии Сталинабадского областного Совета в июне 1942 года, где был поднят вопрос о его исполнении и принято соответствующее решение. Из материалов сессии усматривается, что за период с 26 июня 1941 года по 1 июня 1942 года по Сталинабадской области 8 484 семьям военнослужащих были выданы пособия на сумму более 2 776 тыс. рублей, оказана единовременная помощь на сумму 10 088 рублей, выдано 4 827 кг продуктов питания, оказана помощь в ремонте квартир 572 семьям военнослужащих, а 1854 члена семей военнослужащих, т.е. их жены, были устроены на работу (15).

Целевое использование собранных средств, зерна, продуктов и вещей, исполнение законодательства о выплате пособий и пенсий, о рассмотрении заявлений по назначению пенсий и пособий находились под постоянным надзором органов прокуратуры республики. Несмотря на проведенную работу в этой области, в работе местных органов имели место серьезные недостатки.

Сбор материальных ценностей и денежных средств в больших размерах привлекал к себе некоторых нечистых на руку должностных лиц различных рангов. Случаи хищений и недостач выявлялись, и виновные лица привлекались к ответственности. И.о. прокурора Ура-Тюбинского района А. Амировым было установлено, что 7 апреля 1944 года председатель правления колхоза «Мехнат», якобы для оказания материальной помощи семьям защитников Родины, выписал и отпустил согласно ордеру 600 кг пшеницы. Однако пшеницу получили не семьи защитников, а член колхоза Р.Ю., который после помола отвез председателю райисполкома 400 кг и начальнику райземотдела - 200 кг муки. Кроме того, начальник РЗО (райземотдела- авторы) Р. незаконно производил в колхозе посев 8 гектаров ячменя и 20 гектаров пшеницы для работников райземотдела и 2 гектаров пшеницы лично для себя. Посев, уборка и обмолот урожая производились за счет

колхозников, семена также принадлежали колхозам. Виновные были привлечены к ответственности (2).

В первые месяцы войны мошенники организовали хищения на некоторых пунктах приема подарков для бойцов Красной Армии, и никакой контроль исполкома за приемкой и отправкой на фронт подарков не осуществлялся. Подарки принимались по весу, независимо от ценности вещей и предметов, сдаваемых в пункты приема подарков. Отправка подарков также производилась по весу, но уже включая вес тары. Всё это создавало условия для хищения. Придавая большое политическое значение борьбе с указанными фактами, Прокурор СССР Г. Сафонов 15 сентября 1941г. поручил в десятидневный срок организовать и провести проверку деятельности пунктов по приему подарков для Красной Армии и указал расследование по делам этой категории производить в кратчайшие сроки и обеспечить по этим делам поддержку обвинения в суде (11).

Во исполнение приказа Прокурора СССР В. М. Бочкова от 25 июня 1941 года № ПР/57с прокуратура Таджикской ССР и прокурор Ленинабадской области поручили горрайпрокурорам установить надзор за точным соблюдением торгующими организациями правил торговли, в особенности норм отпуска населению продовольственных и промышленных товаров, проводя решительную борьбу со всякого рода злоупотреблениями при продаже товаров спекулянтами и их пособниками, а также немедленно проверить своевременность выплаты всем мобилизованным военнообязанным заработной платы по месту их работы, двухнедельного выходного пособия и компенсаций за неиспользованный отпуск (10).

15 сентября 1941года был издан специальный приказ Прокурора СССР «О надзоре за деятельностью пунктов по приему подарков для бойцов Красной Армии» (12). Прокурорам поручалось систематически осуществлять самый тщательный надзор над тем, как функционируют пункты по приему подарков для военнослужащих действующей армии, привлекая в случае необходимости для проверки работы этих пунктов органы контрольно - ревизионного управления Наркомфина, в десятидневный срок организовать и провести проверку деятельности пунктов по приему подарков для Красной Армии, неуклонно привлекать к уголовной ответственности лиц, виновных в хищении или присвоении подарков, предназначенных для фронта, квалифицируя действия этих лиц как правило по закону от 7-го августа 1932 г., расследование по делам этой категории производить в кратчайшие сроки и обеспечить по этим делам поддержку обвинения в суде (11).

В соответствии с письмом прокурора Таджикской ССР поручалось проверить на базах, в отделениях, агентствах и конторах связи сохранность приёма и своевременность вручения воинских посылок, выявить факты хищения воинских и невоинских посылок, установить постоянный надзор за прохождением этих посылок. В отделениях связи проверить рассмотрение и разрешение жалоб семей военнослужащих на хищение и утери воинских посылок, установив также постоянный надзор за состоянием рассмотрения жалоб этой категории и реагирование на них руководства отделов связи. В случаях обнаружения фактов утери и хищения воинских посылок, виновных в этом предписывалось подвергать аресту, обеспечив быстрое рассмотрение дел этой категории. Каждое дело о хищениях или утере воинских посылок следовало брать под личный контроль, обеспечив немедленное рассмотрение судами дел этой категории и строгое наказание виновных (9).

В условиях военного времени к работе прокуроров по общему надзору предъявлялись самые высокие требования. В приказе Прокурора Союза ССР от 5 июня 1942 г. за № 54 было отмечено, что в условиях военного времени работа органов прокуратуры по вопросам беспрекословного выполнения законов, постановлений и распоряжений

Государственного Комитета Обороны имеет исключительно важное значение для укрепления нашего тыла и оказания всемерной помощи фронту (8, с. 49). В целях устранения недостатков Прокурор СССР поручил прокурорам обратить внимание надзорной деятельности на то, как точно и неуклонно исполняются законы и постановления правительства о военных заказах и поставках для Красной Армии, как укрепляется трудовая дисциплина на предприятиях и в колхозах, как осуществляется уборка урожая и заготовка продуктов сельского хозяйства, а также как обеспечиваются семьи военнослужащих и инвалидов войны.

Прокуратура Таджикской ССР в годы войны уделяла особое внимание вопросам систематической организации надзора над выплатой пособий и пенсий, перевода денег, отправки адресатам писем, подарков и посылок, осуществлением льготной помощи семьям военнослужащих и граждан, эвакуированных в тыл.

Например, помощник прокурора Кокташского района (ныне район Рудаки) Сталинабадской области, производя проверку правильности распределения единовременной помощи семьям военнослужащих, установил, что подарки роздаются не по назначению. Заместитель председателя Кокташского райисполкома выдал одно пальто своей дочери, одно пальто спецпереселенке Вальской, не являющейся членом семьи военнослужащего. Сотрудникам отдела гособеспечения, торготдела, райсобеса и других органов выдавались вещи и пайки, предназначенные для детей фронтовиков. Виновные в этом были привлечены к уголовной ответственности (2).

Произведенной проверкой прокурором г. Ленинабада были установлены факты хищения средств, предназначенных для оказания единовременной помощи семьям военнослужащих в размере 3 750 руб. Инспектор отдела государственного обеспечения (гособеспечения) района Кагановичабад Курган-Тюбинской области С.А. присвоил подарки, которые были отправлены в Таджикистан американцами и предназначались для раздачи семьям военнослужащих, за что был привлечен к уголовной ответственности (2).

Органы прокуратуры проводили проверку выполнения директив правительства о размещении эвакуированных в Таджикскую ССР предприятий и заводов, предоставления помещений и материалов, необходимых для размещения и организации их снабжения и материально-бытового обслуживания, об учете и сохранности прибывающих эвакуированных ценностей, в частности оборудования, пуска и использования производства в установленные правительством сроки. Органами прокуратуры после осуществления проверки на местах принимались соответствующие меры по устранению нарушений, и виновные привлекались к ответственности.

Органами прокуратуры при проведении прокурорских проверок выявлялись факты хищения государственных средств и разбазаривания собранных в ходе месячников средств и продовольствия. Отдельные должностные лица вместо оказания помощи семьям военнослужащих злоупотребляли служебным положением и присваивали средства, предназначенные семьям военнослужащих. Так, заведующий Уратюбинским отделом районного гособеспечения и бытового устройства семей военнослужащих райисполкома А. и завскладом Б. присвоили более 7000 кг зерна, собранного в колхозах в ходе месячника в помощь семьям военнослужащих. Указанные лица были арестованы прокуратурой и привлечены к уголовной ответственности по закону от 7 августа 1932 года и осуждены (3).

В Пахтаабадском районе Сталинабадской области при проверке склада, в котором хранились продукты, собранные во время месячника помощи семьям военнослужащих, у завскладом Н. была выявлена недостача в 6 голов мелкого скота, за что он был привлечен к уголовной ответственности. А прокуратурой Сталинабадской области был привлечен к

ответственности Р.М. - секретарь Нурекского райкома партии по кадрам, который в период хлебозакупок требовал у председателей колхозов передачи ему бесплатно части промтоваров, предназначенных для колхозников. В начале 1944 года он, вступив в преступную связь с председателем кишлачного совета Н.М., присвоил денежные средства на общую сумму 13 тыс. рублей, которые были собраны колхозниками на строительство эскадрильи самолетов «Таджикистан». Решением Сталинабадского областного суда Р.М. был осужден по совокупности преступлений к 5 годам лишения свободы на основе части 1 статьи 133 и части 2 статьи 141 Уголовного кодекса Таджикской ССР (14).

Органами прокуратуры нарушители закона привлекались к ответственности несмотря на занимаемую должность и общественное положение. Так, прокуратурой Ленинабадской области был привлечен к уголовной ответственности инструктор Пенджикентского РК КП (б) и зав. заготовительным районного потребительского общества, член ВКП (б) Ю. И., который, занимая ответственный пост, злоупотреблял служебным положением, присвоил 2 850 руб. из собранных для фронта средств для танковой колонны и 2 головы лошадей на сумму 1500 рублей. Вина Ю. И. была доказана в ходе следствия, он был осужден по ст. 133 ч.1, 206, 145 УК Таджикской ССР к 8-ми годам лишения свободы и к 2 годам поражения права (1).

22 января 1943 года ЦК ВКП(б) было принято постановление «О мерах улучшения работы советских и местных партийных организаций по оказанию помощи семьям военнослужащих» (6, с.204), в котором было указано, что во многих городах и районах имеют место многочисленные нарушения органами власти законов о выдаче пособий и предоставлении различных льгот семьям военнослужащих, а также факты преступно – бюрократического отношения к жалобам и материально – бытовым нуждам этих семей. Невнимательное отношение к семьям военнослужащих ослабляло мощь Красной Армии. Отмечалось, что обеспечение каждой без исключения семьи военнослужащего своевременной выдачей и предоставлением пособий и льгот, предусмотренных законом, а также повсеместная забота о семьях военнослужащих и удовлетворение их материально – бытовых нужд имеет огромное значение в военно – политическом отношении и приравнивается к заботе государства о Красной Армии.

Органы прокуратуры республики в конце 1944 года осуществили проверку и обобщили деятельность 211 учреждений, предприятий, организаций и органов представительной и исполнительной власти городов и районов в плане исполнения ими постановления ЦК ВКП (б) от 22 января 1943 года и последующих постановлений ЦК КП(б) Таджикистана и СНК Таджикской ССР и законов, посвященных охране прав и интересов семей фронтовиков и инвалидов войны (5).

В результате проверок за безответственность и халатное отношение к семьям фронтовиков и инвалидов войны были привлечены к дисциплинарной и партийной ответственности 26 человек, к уголовной - 15 человек, прокуратура внесла 134 протеста на незаконные приказы, решения и распоряжения, 55 представлений были вынесены руководителям учреждений, предприятий и советских органов для устранения нарушений закона. Прокурором Таджикской ССР по результатам проверок и обобщений была направлена информация в ЦК КП (б) Таджикистана и СНК Таджикской ССР. Перед секретарями обкомов КП(б) Таджикистана и председателями областных исполнительных комитетов была поставлена задача, чтобы они на местах систематически контролировали выполнение вышеназванных постановлений, касающихся исполнения законов, направленных на охрану прав и интересов семей фронтовиков и устранения выявленных недостатков (5).

Таким образом, с самого начала войны прокуратура Таджикистана осуществляла надзор за точным и неуклонным исполнением постановлений Государственного Комитета Обороны. Органы прокуратуры всемерно содействовали оказанию помощи фронту, укреплению тыла, борьбе с нарушениями дисциплины, следили за соблюдением прав семей фронтовиков, борьбе с детской беспризорностью, восстановлением на новых местах эвакуированных предприятий, сохранностью оборудования, социальным обеспечением лиц, непосредственно занятых повышением обороноспособности страны. Прокуратура осуществляла надзор за деятельностью республиканских, областных и районных учреждений и организаций, исполнительных комитетов, отделов и управлений, ведающих социальным и государственным обеспечением, устройством семей военнослужащих, жилищной площадью, коммунальным хозяйством, финансами, здравоохранением, земельными делами, пунктами по приему подарков для военнослужащих действующей армии. В результате прокурорских проверок принимались меры по устранению нарушений законов, возбуждались уголовные дела, привлекались к ответственности виновные лица, допускавшие нарушения прав семей фронтовиков, занимавшиеся злоупотреблениями и хищениями.

Список использованных источников и литературы:

1. Государственный архив Согдийской области (ГА СО). – Ф. Р. 30. – Оп. 1. – Д. 16. – Л. 6.
2. ГА СО. – Ф. Р. 30. – Оп. 1. – Д. 87. – Л. 45.
3. Доклад прокурора Ура-тюбинского района, юриста 1 класса Ирмухамедова по общему надзору за 2-й квартал 1945 г. // ГА СО. – Ф. Р. 30. – Оп. 1. – Д. 82. – Л. 7.
4. Известия, 13 декабря 1941 г.
5. Информация Прокурора Таджикской ССР от 27 января 1945 г. № 381 в ЦК КП[б] Таджикистана и СНК Таджикской ССР. //ЦГА РТ. – Ф. 329. - Оп. 20. - Д.77. - ЛЛ. 6-18.
6. История Великой Отечественной войны Советского Союза, Т.3. -М.: Воениздат, 1961. – 652 с.
7. Назаров Н., Якубов М. Таджикская милиция в годы Великой Отечественной войны [1941-1945 гг.]. – Душанбе: Хумо, 2005. - 140 с.
8. Паламарчук В.А., Бессарабов В.Г. История становления общего надзора и задачи органов прокуратуры по надзору за исполнением федерального законодательства // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации.-№6.[26]-2011.- С.47-58.
9. Письмо зам. облпрокурора, советника юстиции Касимова от 21.VI. – 1945 г № 89/с // Архив прокуратуры г. Исфары.-1945 г.- Папка входящих документов №4.- С. 67.
10. Приказ Прокурора СССР «О точном соблюдении законов в условиях военного времени» от 25 июня 1941г. за № 57/с и приказ прокурора Ленинабадской области Таджикской ССР от 8 июля 1941 года «О надзоре за точным исполнением законов в условиях военного времени»№ 1/СС // Архив прокуратуры г. Исфары.-1941 г.- Папка входящих документов №1.- С. 86
11. Приказ Прокурора СССР от 15 сентября 1941г.за № 1201 «О надзоре за деятельностью пунктов по приему подарков для бойцов Красной Армии» // ЦГА РТ. –Ф. 329. –Оп.20. –Д.30. –Л. 76
12. Таджикская ССР за 20 лет. – Сталинабад: Таджикгосиздат, 1949. -184 с.
13. Таимухаммедов М. Во имя родины. -Душанбе, 1969 - 38 с.
14. ЦГА РТ. – Ф.329. –Оп.20. –Д.77. –Л.79.
15. ЦГА РТ.- Ф.713. – Оп.2. – Д.208. – Л. 9.

Reference Literature:

1. *State Archive of Sughd Viloyat (SASV). f. inv. 30 – inv.1. – c.16. – sh.6.*
2. *SASV. – f. inv. 30. – inv. 1. – c. 87. – sh. 45.*
3. *Report of Ura-Tyube Rayon Prosecutor, Jurist of the first Class over General Surveillance, for the 2-nd Quarter of 1945 // SASV. – f. inv. 30. – inv.1. – c.82. – sh. 7.*
4. *«Izvestiya». December 13, 1941.*
5. *Information of Tajik SSR Prosecutor from January 27, 1945, #381 Submitted to the Central Committee of the Communist Party of Tajikistan and the Council of People's Commissars of the Tajik SSR. // Central State Archive (CSA) of Tajikistan Republic. – f. 329. – inv.20. – c.77. – sh.6 – 18.*
6. *The History of the Great Patriotic War of the Soviet Union. V.3. – M.: Voenizdat (publishing-house of military thematics), 1961. – 652 pp.*
7. *Nazarov N., Yakubov M. Tajik Militia in the Years of the Great Patriotic War (1941 – 1945). – Dushanbe: Khumo (bird bringing luck), 2005. – 140 pp.*
8. *Palamarchuk V.A., Bessarabov V.G. History of Formation of General Surveillance and Objectives of Procurator's Office Bodies Concerned with Surveillance over Execution of Federal Legislation // Bulletin of the Academy under the General Procurator's Office of Russian Federation. – #6 (26), 2011. – pp. 47 – 58.*
9. *Letter by Oblast Deputy Prosecutor, Justice Councillor Kasimov from 21.VI.1945; #89/c // Archive of the Procurator's Office of Isfara-town. – 1945. – File of entering documents #4. – p.67.*
10. *USSR Prosecutor's Order «On Exact Observance of Laws under War Time Conditions» from June 25, 1941 and the Order of the Prosecutor of Leninabad Oblast of the Tajik SSR from July 8, 1941 «On Surveillance over Exact Observance of Laws under War Time Conditions» #1/CC // Archive of the procurator's office of Isfara-town. – 1941. – File of entering documents #1. – p. 86.*
11. *USSR Prosecutor's Order from September 15, 1941, # 1201 «On Surveillance over Activities of Stations on Reception of Presents for Red Army Warriors» // CSA of Tajikistan Republic. – f.329. – inv.20. – c.30. – sh.76.*
12. *Tajik SSR for 20 Years. – Stalinabad: Tajikgosizdat, 1949. – 184 pp.*
13. *Tashmukhammedov M. In the Name of Motherland. – Dushanbe, 1969. – 38 pp.*
14. *TR CSA. – f.329. – inv.20. – c.77. – sh. 79.*
15. *TR CSA. – f.713. – inv.2. – c.208. – sh. 9.*

УДК – 930.85
ББК – 63.3 (5 Ирн)

**СТРЕЛЬБА ИЗ ЛУКА
В ВИЗУАЛЬНЫХ
ИСТОЧНИКАХ КУЛЬТУРЫ
ИРАНСКИХ НАРОДОВ**

**ARCHERY IN VISUAL
SOURCES OF THE IRANIAN
PEOPLES` CULTURES**

Касымова Манижа,
аспирант кафедры истории таджикского народа
Таджикского государственного университета
права, бизнеса и политики (Таджикистан, Худжанд)

Kasymova Manizha,
post-graduate of the Tajik people history department
under Tajik State University of Law, Business and Politics
(Tajikistan, Khujand)
E-MAIL: maniga2003@rambler.ru

Ключевые слова: изобретение лука, лук и стрелы, визуальные источники, арийский лук, лучники, сцены охоты, луки Вароруда.

Статья посвящена изучению эволюции лука в визуальных источниках древности и раннего средневековья. Автор подробно анализирует источниковую базу: изображения лука на петроглифах, барельефах, настенной живописи, вазописи и торевтике. Дана краткая характеристика видов и типов лука, распространённых в ареале проживания арийских, позже - ираноязычных племён и народностей - предков таджикского народа. Автор использовал определённый круг изобразительных источников арийского периода, эпохи Ахеменидов и Сасанидов, раннесредневековой Средней Азии. В статье рассматриваются батальные сцены, сцены охоты с использованием разных видов лука. По изображениям прослеживается эволюция лука от простых до сложных, композитных вариантов. Автор на основе рассмотренных материалов приходит к заключению о важном вкладе иранских народов в развитие стрельбы из лука и в мировую культуру в целом.

Key words: invention of archery, archery and arrows, visual sources, Aryan archery, archers, scenes of hunt, archeries of the Varorud

The article dwells on the studies of archery evolution through visual sources of antiquity and Early Middle Ages. The author analyzes in details the original base: depictions of archery in petroglyphs, bas-reliefs, wall painting, vase painting and tauretics. She gives brief characteristics of archery types and kinds spread in the areas of habitation connected with Aryans, later on – Iranian-speaking tribes and nationalities, ancestors of the Tajik people. The author used a certain quantum of depictive sources appertaining to Aryan period, epochs of Akhemenids and Sasanids, Early Middle Ages of Central Asia. The article includes battle scenes, those ones of hunt with utilization of different types of archery. Proceeding from the available depictions, you can trace back archery evolution comprising the range of simple variants up to complicated ones with fastidious structure. Designing on the premise of the materials dealt with the author comes to the conclusion about an important contribution of Iranian peoples into the art of archery being a part of world culture.

Стрельба из лука – весьма древнее занятие, это одновременно способ добычи средств к существованию, военное дело, искусство и спорт, в целом - неотъемлемая часть челове-

ческой культуры. Изобретённый в глубокой древности, ещё в эпоху среднекаменного века (мезолита), лук внёс поистине революционные изменения в жизнь человека, многократно усилил возможности человека, его физической, мускульной силы. Развитие человеческого общества, его переход от одной стадии к другой, интеллектуальные достижения и опыт сопровождались соответствующими изменениями в конструкции лука, его роли в жизни человека и функциональных назначениях. Изучение истории каждого народа, и таджиков в том числе, будет неполной без страниц, отражающих место лука в общей материальной и духовной культуре. Актуализация проблемы истории лука и стрельбы из лука напрямую связана с необходимостью всестороннего изучения отечественной истории.

В силу недолговечности материалов, из которых изготавливаются луки и стрелы, мы можем изучать их по фрагментарным источникам. Материалы по истории лука сохранились в письменных источниках, так, например, при описании вооружения древние авторы дают сведения о видах лука, способах стрельбы, об известных лучниках и т.п. Немаловажное значение имеют археологические источники: находки наконечников стрел, разных элементов композиционных луков из кости или металла и т.д. Пожалуй, полнее всего лук и стрельба из лука отражены в визуальных источниках: петроглифах, настенных росписях, вазописи, барельефах, торевтике, книжных иллюстрациях и т.п.

История лука и стрел как вида оружия и как вида современного спортивного состязания в истории иранских народов изучена очень слабо. Конечно, во многих исследованиях проблем древности лук и стрелы так или иначе фигурируют. Лук богато представлен в изобразительном искусстве древности, найденные наконечники стрел хорошо изучены в работах археологов. Почти во всех исследованиях по вооружению древнего населения даны материалы и по луку и стрелам. Среди работ, посвящённых истории лука, наиболее значимой представляется книга М.В. Шокарёва «История лука и арбалета» (9, с. 176). Эта работа примечательна широким охватом вопросов: здесь история лука, данные об устройстве, боевых качествах и видах лука (охотничьего и боевого оружия) и т.п.

К числу важных работ по истории лука можно отнести статью А.Г. Берсенева, А.Г. Епимахова и Д.Г. Здановича «Синташтинский лук: возможности реконструкции» (1, с. 150-154), которая является одной из немногих насыщенных материалом работ по рассматриваемой теме. Исследование выполнено на основе анализа находок погребений синташского типа на Южном Урале. Здесь археологи выявили 46 случаев нахождения фрагментов оружия дистанционного боя - это костяные остатки лука, колчаные наборы и наконечники стрел. Учёные выявили свидетельства использования композитного луков в синташтинское время, когда арийские племена жили на огромных просторах. Исследователи предлагают реконструкцию синташского лука в таком виде, как они его представляют. В то же время следует отметить, что предки таджиков - арийские племена и древние иранские народности - оставили много памятников искусства и культуры с изображением лука и стрельбы из него. Это следует из содержания работ по изучению петроглифов, настенных росписей, торевтике и т.п. К сожалению, вопрос о месте лука в образах древнего и средневекового изобразительного искусства остаётся до настоящего времени мало изученным.

В настоящее время точно не установлено место и время появления лука. Однако принято считать, что лук появился в эпоху среднего каменного века - в период мезолита. По поводу причины изобретения существуют несколько версий. Так, начало мезолита совпадает с окончательным оттаиванием ледников. Это привело к изменению ландшафта, климата и фауны. Освободившиеся ото льда пространства покрылись лесами, в которых

водились благородные олени, лоси, зубры, кабаны, косули и другие животные. Лесные животные были быстроногими и некоторые из них - нестадными. Для охоты на них прежние методы и орудия не годились. Именно это - новые условия жизни - привело к развитию высокосовершенной микролитической техники, метательного оружия, к изобретению лука и стрел (7, с. 54). Найденные на стоянках эпохи мезолита наконечники стрел показали, что для них широко использовались микролиты - кремневые изделия небольших размеров (длиной 1-2 см). Кремневые пластины подвергались дополнительной обработке. В эпоху мезолита люди научились делать орудия труда из микролитов - мелких частей камня. Привязанный к палке заостренный осколок камня превращал палку в дротик или копье - оружие, способное поражать животное на определённом расстоянии. Человек стал бросать копье или дротик, но часто птицы находились на определённой высоте или отдалённости, для преодоления которой мускульной силы человека было недостаточно. Стремление поражать птиц и животных, не позволяющих человеку приблизиться к себе, стало стимулом к созданию лука. Натянутая на согнутую палку тетива при распрямлении давала стреле механическую скорость, которая многократно превышала ту, которую давала мышечная сила человеческой руки. Изобретение лука и стрел и их использование стали огромным прогрессом для человечества. Дальнейшая работа по усовершенствованию лука привела к созданию более мощных, но мягких и практичных видов луков. О значении лука в истории человечества Ф.Энгельс писал: «Лук, тетива и стрела составляют уже очень сложное оружие, изобретение которого предполагает долго накапливаемый опыт и более развитые умственные способности, следовательно, и одновременное знакомство со множеством других изобретений» (10, с. 29).

Лук, изготовленный из разных пород дерева с использованием сухожилий в качестве тетивы, не мог сохраниться, поэтому не найдено практически ни одного лука мезолитического времени при раскопках стоянок мезолита. В то же время найдено много каменных наконечников стрел, древко которых истлело.

К числу наиболее ранних пунктов с остатками стрел на территории Таджикистана относится Истыкская пещера недалеко от поселка Чештебе Мургабского района, точная датировка которой - 7010 лет до н. э. (9-10 тыс. лет назад). В первом горизонте памятника, наряду с другими каменными орудиями труда (отщепы, нуклеусы, чопперы) найдены три наконечника стрел.

Хорошей иллюстрацией и визуальным источником по истории лука являются петроглифы - наскальные изображения. Среди петроглифов эпохи мезолита много сцен охоты на животных с применением лука и стрел. В гроте Шахты (ГБАО РТ) сохранились рисунки, нанесённые минеральной краской - охрой. Особый интерес представляют стрелы, которые нарисованы в теле животных: в фигуру яка вонзились сразу две стрелы, а третья стрела летит в морду зверя (6, с. 70-77).

В других частях Центральной Азии также найдены наскальные рисунки, в которых есть изображения человека, вооружённого луком. Эти петроглифы относятся к разным историческим эпохам: к мезолиту, неолиту и бронзовому веку. Часто изображены всадники с луком. По мнению учёных, подобные рисунки отражают сцены охоты древних людей.

На территории Таджикистана скопления петроглифов, содержащих изображения лука, отмечены в горах Кураминского и Туркестанского хребтов и на Памире. Так, например, в исторической науке получили широкую известность петроглифы Акджилга на Памире, выбитые на высоте 3800 м над уровнем моря. Среди изображений - лучники с большими луками, один - в островерхой шапке (4, с. 62-68).

Большая часть петроглифов с луком относятся к бронзовому веку и эпохе раннего железа. Этническая принадлежность рисунков с изображением лучников трудно определяема, так как на рисунках нет явных признаков какого-либо этноса. Предположительно, рисунки на скалах с изображением лучников оставили сакские племена.

Предки таджиков - ираноязычные племена древности - очень рано познакомились с луком и широко использовали его на охоте, в войнах и состязаниях. Наличие множества изображений человека с луком на петроглифах ареала расселения древних ираноязычных племен (Южный Урал, Средняя Азия, Семиречье, Южная Сибирь и Алтай) указывает на его важность в жизни человека. Среди петроглифов много рисунков лучников, некоторые - на охоте, лучник, стреляющий в оленя, ритуальные танцы, есть и изображения сражающихся воинов. Иногда на петроглифах можно проследить тип наконечников стрел и их форму.

Судя по изображениям раннего периода, лук имел очень простую форму: тонкая палка, стянутая тетивой. Для стрел также использовались тонкие высушенные ветки деревьев. Сначала заострённые концы стрел постепенно стали снабжаться наконечниками из камня, позднее - из металла. По петроглифам трудно установить размер и форму древнейшего лука. Судя по древнейшим изображениям Египта и Месопотамии, размер лука достигал 1.5 - 1.8 м и имел треугольную форму. Во время раскопок погребения фараона Тутанхамона учёные обнаружили около 50 видов луков. Эта находка позволяет выделить разные типы луков, которыми пользовались в тот период.

Лук является оружием дистанционного боя и очень востребован для охоты на быстрых животных на степных просторах. Именно поэтому лук получает широкое распространение у арийских племён в период эпохи бронзы. Арийские лучники на боевых колесницах были грозной военной силой. Стоя на платформе мобильных колесниц, лучники буквально засыпали противника шквалом стрел и обращали его в бегство.

Вероятно, не без влияния арийцев, составной лук распространяется на Ближнем и Среднем Востоке: здесь на барельефах частыми становятся изображения лучников, вооружённых модифицированными составными луками. По мнению учёных, синтез форм и технологий ассирийского и скифского луков способствовал возникновению всех последующих видов композитных луков на Древнем Востоке.

Главным сюжетом изображений становятся ассирийские цари в бою или на охоте, в обоих случаях они вооружены луком или поражают стрелой хищника (льва).

Позже, в период поздней бронзы и раннего железа, лук и стрелы были распространены и среди потомков ариев - скифов, саков и савроматов (8, с. 43). Замена бронзовых наконечников железными ещё более усилила убойность стрел. Хорошо известны изображения скифов с луками на сосудах из скифских курганов (Частые курганы, Куль-Оба и др.).

Сохранились сведения древних авторов о прекрасных лучницах - амазонках. Прекрасными стрелками из лука были кочевники древней Средней Азии - племена саков и массагетов, «имевших тугие луки» (Геродот). Сакские женщины стреляли из луков наравне с мужчинами. В руках этих кочевников лук превращался в грозное оружие. Часто в погребениях женщин, а иногда и девочек, находят колчаны с набором стрел.

Дионисий Перизгит сообщает, что «за Согдианой по течению Яксарта обитают саки, стрелами бьющиеся, из всех стрелков в мире самые искусные, не пускающие стрелы наудачу» (2, с.13).

Луки ираноязычных племён - саков и скифов - широко распространились в Древнем Иране. Уже среди ранних изображений Ахеменидов мы видим изображения лука. На барельефах дворца Дария в Персеполе, на Бехистунской скале персы изображены с луками

в руках и колчаном стрел на боку. Судя по этим изображениям, в «моде» были небольшие луки со слегка выгнутыми в направлении выстрела концами. Вообще, такие луки, с узкими плечами, имеющими загнутые в противоположную от стрелка сторону концами, называются «скифскими». Исследователи полагают, что подобные луки имеют высокую убойную силу. Лук и стрелы стали одним из главных видов вооружения. В персидской армии для ведения дистанционного боя были специальные отряды лучников. Наряду с пешими воинами луком вооружались и всадники, кроме того, на боевых колесницах один из двух воинов тоже был лучником.

Очень ценную информацию о луке и стрелах древнего периода дают сцены охоты. Судя по источникам, особенно изобразительным, охота была излюбленным занятием правителей Древнего Ирана. Более того, для представителей иранской знати это было предметом гордости и престижа. На гробнице Дария была такая надпись: «Я был самым искусным наездником и стрелком из лука и лучшим охотником» (Страбон, XV. III,8). Как правило, объектом охоты были олени, куланы и другие быстроногие животные и поэтому оружием охоты были лук и стрелы. Охотник на кулана или оленя должен быть сильным, ловким и метким стрелком, так как надо было стрелять в зверя во время его гона, когда он бежит со скоростью 70 км в час. На изображениях подчеркнуто, что чаще всего охота проводилась в специальных загонах – парадизах (11, с. 20-21, 44-45).

Лук этого периода был сложносоставным: основой являлось хорошо обработанное дерево, по всей длине которого были расположены хорошо пригнанные друг к другу роговые пластины. Эти разнородные материалы, соединенные специальным клеем, взаимно дополняли и усиливали друг друга. Созданные по такой технологии изделия были прочными и упругими. Такие луки, как мы видим по барельефам, становились мощным и надежным оружием: на барельефах поверженные львы насквозь пробиты стрелами царя-охотника.

Одно из ранних по времени исполнения изображение луков иранцев - это изображение ахеменидского царя на цилиндрической печати из сапфирина. Печать датирована V веком до н.э. Ахеменидский царь изображен во весь рост. На его правом плече лук и колчан стрел. Хотя видна только верхняя часть лука, мы можем сказать, что конец лука изогнут вперед. В украшенном узорами колчане находятся 6 стрел (5, с. 86).

Сцена охоты, или «охотничьи сюжеты», характерны и для культуры Ирана в период правления династии Сасанидов (224 - 651 гг.). Эти сюжеты сохранились не только на рельефах, но повторяются и на резных камнях, штурге и тюретике с использованием одних и тех же приемов, с луком в качестве главного оружия. Даже в тех случаях, когда герой сюжета держит другой вид оружия, мы видим присутствие лука. Например, на рельефе Фирузабада (сер. V в. н.э.) шах Шапур изображен сбивающим с коня парфянского вельможу. При этом на правом боку Шапура висит колчан со стрелами (5, с. 147).

На многих блюдах сасанидского периода изображены сцены охоты царя на животных. Царь (в одних случаях - это Шапур II, Пероз, в других - Хосров I или Бахрам) изображён стреляющим из лука. Художник показывает самый напряженный момент охоты. Всадник стреляет, обернувшись назад. Тетива натянута, лук сильно изогнут (5, с.164). На некоторых изображениях колчан пуст (5, с. 165), что, вероятно, свидетельствует об интенсивности применения оружия. Иногда вместо царя в сцене охоты изображён вельможа, но поза - оборот назад, сильно натянутая тетива и изогнутый лук - остаются общими (5, с. 170). Такой сюжет стрельбы на скаку, когда всадник, обернувшись назад, стреляет из лука в животное, является очень популярным в изобразительном искусстве Ирана (11, с. 53).

В рельефе грота Так-и - Бостане в сцене охоты на кабанов шахиншах изображен стоя в лодке с натянутым луком, перед ним два кабана, поражённые его стрелами, на другой сцене шах показан уже пустившим стрелу. Сохранилась еще одна сцена охоты, теперь уже на оленей. Здесь царь тоже изображён дважды: в первом случае он летит на коне, натянув лук, затем, уже спустив стрелу, подъезжает к загону. Лук шаха имеет сложную, изогнутую в нескольких частях форму. Такой тип лука несёт в себе влияние соседей - тюрков, которые в этот период (вторая пол. VI в.) проникают на территорию Средней Азии.

Новый материал для изучения лука содержит изображение на одном серебряном с позолотой блюде из Эрмитажа. Этот памятник датирован позднесасанидским периодом - VII в. На блюде запечатлена сцена охоты шахиншаха Варахрана V (Бахрома). Содержание сцены - охота Бахрома на газелей. Как и другие шахи Ирана, Бахром вооружен луком и стрелами. Лук по форме похож на луки из более ранних памятников. Однако концы лука изогнуты. Интересно, что на этом изображении мы можем видеть, что использовались и особые наконечники. Так, одна пущенная Бахромом стрела имеет серповидный наконечник, который отсек рога газели.

В Восточном Иране – Вароруде - изображения лука часто встречаются при раскопках археологических памятников Бактрии, Согда и Хорезма. Здесь найдено много монет с изображением лучников. Наличие на реверсе монет лучника свидетельствует о важности лука и стрел как атрибута власти. На городище старого Мерва найдена ваза с росписью (V-VI вв.). На вазе изображена сцена охоты какого-то вельможи, стреляющего из лука в птицу. О луках Согда и Уструшаны можно судить по настенной живописи Афрасиаба и Калаи Кахкаха (VIII-IX вв.). К числу интересных находок, связанных с историей лука в культуре ираноязычных народов, следует отнести уникальный шит согдийского воина, найденный на горе Муг (Айнинский район, VII-VIII вв.). На этом изображении всадник хорошо вооружен, вероятно, и луком, т.к. к седлу воина прикреплен колчан, в котором несколько стрел с оперением. На настенной живописи Бунджиката (Калаи Кахкаха, VIII-IX вв., совр. Шахристан) есть сцена, на которой воины стреляют из лука (3, с. 692). На значительную роль лука в жизни среднеазиатского общества указывает изображение на одном из серебряных с позолотой блюд (VI в.), хранящихся в Эрмитаже (5, с. 197). Здесь мальчик с луком был символом дня и стрелы солнечного бога Митры.

Таким образом, лук и стрельба из лука как важные компоненты человеческой культуры являются важным объектом исследования. Анализ изображений лука на визуальных источниках предоставляет огромный материал, требующий к себе особого внимания. Лук и стрельба из лука как вид занятий ираноязычных народов и как отдельный объект отечественной науки исследованы недостаточно. Изучение лука по изображениям позволит отразить историю этого вида материальной культуры. Сцены охоты или сражений сохранили разные положения лука: лук привязан к седлу, лук в руках лучника, момент натягивания тетивы, непрерывная линия, обозначающая траекторию полёта стрелы, пустой колчан, раненые и нападающие на охотника хищники, гон животных, убегающие животные, утыканные стрелами, и т.п., содержат важную информацию. Лук как продукт разума, интеллекта и трудовой деятельности человека является ценным источником, содержащим в себе чрезвычайно важную информацию, которую трудно получить, изучая другой источник: виды луков (простые, составные), боевые свойства луков (дальность полета стрелы, прицельную стрельбу, убийную силу и т.п.), тип наконечника стрел и т.д. Анализ изображения лука позволяет изучить особенности его изготовления, конструкции и техники и в целом оценить этот вклад иранских народов в мировую культуру.

Список использованной литературы:

1. Берсенева А.Г., Епимахов А.В., Зданович Д.Г. Синташтинский лук: возможности реконструкции / А.Г.Берсенева, А.В. Епимахов, Д.Г. Зданович // VII исторические чтения памяти М.П. Грязнова. - Омск, 2008. - С. 150-154.
2. Григорьев В.В. О скифском народе саках. - СПб, 1871. - 48 с.
3. Древности Таджикистана. Каталог выставки. - Душанбе, 1985. - 344 с.
4. Жуков В.В., Ранов В.А. Древние колесницы на Памире/ В.А. Жуков, В.А. Ранов //Памир. - 1974. - №11. - 62-74.
5. Луконин В.Г. Искусство Древнего Ирана. - М.: Искусство, 1977. -232 с.
6. Ранов В.А. Рисунки каменного века в гроте Шахты/В.А.Ранов //Советская этнография. - 1961. - №6. - С.70-77
7. Редер Д.Г., Черкасов Е.А. История древнего мира. Часть 1. Первобытное общество и Древний Восток. - М., 1979. - 288 с.
8. Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов/К.Ф.Смирнов. //МИА СССР, 1961. - №101. - С.40-47
9. Шокарёв М.В. История лука и арбалета. - М.:АСТ, 2001. - 246 с.
10. Энгельс Ф.Происхождение семьи, частной собственности и государства. - М.: Легпромиздат, 1978. - 48 с.
11. Эшонкулов У. История парадиза Древнего Согда. - Душанбе, 2007. - 180 с.

Reference Literature:

1. Bersenev A.G, Yepimahov A.V., Zdanovich D.G. Sintashtin's archery: Potentialities for Reconstructions / A.G.Bersenev, A.V. Yepimahov, D.G. Zdanovich // The VII-th Historical Readings in Memories of M.P. Gryaznov. - Omsk, 2008. - pp. 150 - 154
2. Grigoryev V.V. About Scythian Tribe of Saks. - SPb, 1871. - 48 pp.
3. The Antiquities of Tajikistan. Catalogue of the Exhibition. - Dushanbe, 1985. - 344 pp.
4. Zhukov V.A., Ranov V.A. Ancient Chariots in the Pamir/V.A.Zhukov, V.A.Ranov //Pamir. - 1974. - # 11. - pp. 62 - 74
5. Lukonin V.G. Art of Ancient Iran. - M.: Art, 1977. - 232pp.
6. Ranov V.A. Drawings of the Stone Age in the Grotto of Shakhty/V.A.RANOV //Soviet Ethnography. - 1961. - # 6. - pp. 70-77.
7. Reder D.G, Cherkasov E.A. The History of the Ancient World. Part #1. Primeaval Society and Ancient East. - M., 1979. - 288 pp.
8. Smirnov K.F. Arms of Savromats /K.F.Smirnov //MIA USSR, 1961. - # 101. - pp. 40-47
9. Shokaryov M.V. History of Archery and Arbalet. - M.:AST, 2001. - 246 pp.
10. Engels F. Origin of Family, Private Property and State. - M.: Legpromizdat, 1978. - 48 pp.
11. Eshonkulov U. History of Ancient Sughd Paradise. - Dushanbe, 2007. - 180 pp.

УДК 025.2
ББК 78.36

**К ИСТОРИИ КОМПЛЕКТОВАНИЯ,
СОХРАННОСТИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
КНИЖНЫХ ФОНДОВ БИБЛИОТЕК
СОГДИЙСКОЙ ОБЛАСТИ
В 1970-1990 ГГ.**

Умарова Муаззамой Султановна,
соискатель кафедры истории
таджикского народа Таджикского
государственного университета
права, бизнеса и политики
(Таджикистан. Худжанд)

**ON THE HISTORY OF FORMATION,
PRESERVATION AND USAGE OF BOOK
FUNDS OF SUGHD VILOYAT LIBRARIES
FOR THE PERIOD OF 1970 - 1990**

Umarova Muazzama Sultonovna,
claimant for candidate's degree of the
department of the history of the Tajik people
under the Tajik State University of Law,
Business and Politics (Tajikistan, Khujand)
E-MAIL: vestnik-tsulbp@mail.ru

Ключевые слова: комплектование, сохранность, библиотечные фонды, потребности, ядро фонда, информация

Целью статьи является показ истории становления и развития библиотечного дела в Республике Таджикистан на примере библиотек Согдийской области (1970 – 1990 гг). Комплектование и меры по сохранности книжных фондов являются ключевым вопросом в работе каждой библиотеки как социального института, независимо от ведомственной принадлежности. Центральное место в работе по данному направлению занимает формирование ядра фонда массовой библиотеки. Социальные функции массовых библиотек как идеологических, культурно-просветительных и научно-информационных учреждений могут успешно выполняться. Умножение и передача духовного наследия последующим поколениям всегда считались фундаментом в воспитании всесторонне развитой личности во благо процветания каждого народа и государства.

Key words: formation, preservation, library funds, needs, fund nucleus, information

The article is aimed at the demonstration of the history concerned with formation and development of library business in Tajikistan Republic; the example of Sughd viloyat libraries referring to the period of 1970 - 1990 being assumed as a leading point. Formation and measures aimed at a preservation of book funds are a key issue in a work of any library as a social institute irrespective of a departmental appurtenance. A formation of a fund nucleus of a mass library occupies a central place in the work connected with the issue in question. Social functions of mass libraries as ideological, cultural-enlightening and scientific-informational institutions can be carried out successfully. Enhancement and succession of spiritual legacy, its imbibition by future generations were always considered as a foundation for education of universally developed individuals for benefit and efflorescence of each nation and state.

В 70-80-х гг. прошлого столетия коммунистическая партия и правительство Советского Союза большое внимание уделяли комплектованию книжных фондов, которое осуществлялось через библиотечный коллектор и книжные магазины по тематическим

планам. Прежде, чем обеспечить свободный доступ к информации, эту информацию надо иметь в библиотеке. В данной статье речь пойдет о библиотечных фондах. Документальный фонд является основой функционирования библиотеки как социального института и главным источником удовлетворения читательских потребностей.

Библиотечный фонд представляет собой упорядоченную совокупность документов, собираемых в библиотеке в соответствии с ее функциями и задачами для хранения и предоставления их читателям библиотеки (10). Существуют три вида комплектования: текущее (пополнение фонда выходящими в свет изданиями), ретроспективное (приобретение недостающих документов прошлых лет издания) и рекомплектование (освобождение фонда от устаревших по содержанию, ветхих, непрофильных и излишних дублетных экземпляров).

В Республике Таджикистан после принятия постановления ЦК КПСС «О состоянии и мерах улучшения библиотечного дела в стране» (1959) библиотечное строительство получило особенно широкий размах. С целью обеспечения населения республики книгами с 1960 по 1970 годы были открыты 279 государственных и 7 профсоюзных библиотек. Особенно быстро увеличивались книжные фонды. Если в 1960 году в массовых библиотеках имелось 4962 тыс. экз. книг и журналов, то в 1970 году в них насчитывалось уже 7481 тыс. экз. Далее, девятая пятилетка явилась пятилеткой дальнейшего роста учреждений культуры. За 1971 – 1975 годы в Таджикистане были открыты 245 новых государственных библиотек. Таким образом, к началу 1976 года обслуживанием населения книгами занимались 3,6 тыс. библиотек, в том числе: массовых государственных, профсоюзных, колхозных, школьных, вузовских, техникумовских, системы Академии наук и др., которые располагали книжным фондом в 25 млн. экземпляров. Общий прирост книжного фонда по сравнению с 1970 годом составил 20,2%.

Если рассмотреть этот процесс на примере библиотек города Ленинабада (Худжанда), то только в 1971 году на комплектование книжного фонда городских и детских библиотек было выделено 6242 руб., на которые были приобретены 8100 экз. книг (11).

Новый этап библиотечного дела в Таджикистане, а значит и работа по комплектованию библиотечных фондов, связаны с выходом ряда постановлений партии и правительства (3).

8 мая 1974 года ЦК КПСС было принято постановление «О повышении роли библиотек в коммунистическом воспитании трудящихся и научно-техническом прогрессе», которое определило направления библиотечной деятельности на все 70-е годы XX столетия. В этом постановлении в число главных выносилась задача более полного использования огромных книжных богатств для образования и воспитания нового человека, ускорения технического прогресса. С этой целью ЦК КПСС обязывал Государственный комитет Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли улучшить снабжение библиотек книгами, обеспечить своевременное удовлетворение их заявок на вновь выходящую литературу, предусмотреть расширение выпуска книг библиотечной серии тиражами, удовлетворяющими потребности массовых библиотек, ввести во всех библиотечных коллекторах централизованную обработку поступающей литературы. В целях более рациональной организации книжных фондов научных и областных библиотек постановлением установлено, что малоиспользуемые книги за все годы издания должны храниться в ограниченном количестве библиотек (библиотеках - депозитариях). Остальные библиотеки, вне зависимости от ведомственной принадлежности, должны передавать малоиспользуемую литературу в депозитарии и получать её, в случае необходимости, в оригиналах или копиях по межбиблиотечному

абонементу (8, с. 22). Этим постановлением библиотекам предоставлялась возможность очистить свои фонды от дублетной и непрофильной литературы, улучшить состав книжных фондов, а значит, и их использование.

Выполняя постановление ЦК КПСС «О повышении роли библиотек в коммунистическом воспитании трудящихся и научно – техническом прогрессе» (1974 г.), Государственная междуведомственная библиотечная комиссия при Министерстве культуры СССР принимает решение от 16 марта 1979 года «О состоянии и мерах по улучшению использования книжных фондов научно-технических и массовых библиотек». В этом решении комиссия отмечала работу министерств и ведомств, направленную на улучшение состава и использования книжного фонда. Государственным комитетом СССР по науке и технике, Министерством культуры СССР была организована проверка использования фондов, усилен контроль за работой библиотек по пропаганде литературы. Отмечалось улучшение в использовании книжных фондов, которому способствовала централизация государственных массовых библиотек. Вместе с тем, комиссия отмечала, что в работе по формированию, хранению и использованию книжных фондов имеются существенные недостатки. В среднем 43% книг в научных, технических и специальных и свыше 6% - в массовых библиотеках не выдаются читателям. Особо отмечалось, что в некоторых массовых библиотеках Таджикской ССР, Армянской ССР и ряде других областей не выдаются 10-20% всей имеющейся литературы. Во многих библиотеках среднеазиатских республик ощущается недостаток литературы на родном языке. Недостатки в комплектовании и использовании книжных фондов в большой мере объяснялись невысоким профессиональным уровнем многих библиотечных работников. Отметив недостатки, Государственная междуведомственная библиотечная комиссия приняла решение рекомендовать министерствам и ведомствам, где имеется сеть библиотек, разработать и осуществить дополнительные мероприятия, которые бы предусматривали более активное использование общественных книжных фондов, усиление контроля за качественным составом книжных фондов, рациональным использованием средств, выделяемых на комплектование библиотек. Министерством культуры союзных республик было рекомендовано в течение второго и третьего кварталов 1979 года обсудить на заседаниях коллегий вопрос «О состоянии и мерах по улучшению использования книжных фондов массовых библиотек» и планы мероприятий представить в Министерство культуры СССР к 15 декабря 1979 года (8, с. 42-44).

Библиотеки, органы культуры и книжной торговли в 70-х годах прошлого столетия провели значительную работу по совершенствованию библиотечного дела, улучшению комплектования и использования книжных фондов, повышению качества обслуживания читателей. За X пятилетку (1976-1980 гг.) книжные фонды только государственных массовых библиотек СССР увеличились на 300 млн. экземпляров и составили 1 миллиард экземпляров. Общественным книжным фондом пользовались 220 млн. читателей, которым ежегодно выдавалось 5 млрд. произведений печати.

В Таджикистане за пять лет, прошедших со времени принятия постановления ЦК КПСС по библиотечному делу «О повышении роли библиотек в коммунистическом воспитании трудящихся и научно – техническом прогрессе» (1974 г.), были достигнуты значительные успехи. Сеть государственных массовых библиотек расширилась более чем на 210 и достигла 1227 библиотек. Всего в республике имелись 1372 массовых библиотеки, число читателей в массовых библиотеках выросло примерно на 400 тысяч и достигло 800 тысяч. Выдача литературы составляла около 10,5 млн. экз. Основным направлением развития библиотек в одиннадцатой пятилетке относительно книжных

фондов, было прогнозирование прироста фонда по сравнению с 1980 годом на 5 млн. томов, в целом он должен был превысить 20 млн. томов (2, с. 111).

В эти годы книжные фонды ЦБС комплектовались через библиотечный коллектор в основном по заказам, которые в определенной мере привели к улучшению комплектования библиотек. Библиотеки, согласно приказу Министерства культуры СССР от 29 сентября 1978 года, №735 «О внедрении советской библиотечно-библиографической классификации (ББК) в практику работы массовых и детских библиотек», начали переиндексацию книжных фондов.

Вместе с тем, в комплектовании и использовании книжных фондов библиотек имелись и недостатки. 52% читателей были не удовлетворены составом имеющейся в библиотеках художественной литературы. В библиотеках было недостаточно естественнонаучной, справочной литературы и т.п. А органы культуры и библиотеки - методические центры не обеспечивали должного контроля за организацией комплектования и использования книжных фондов.

Проиллюстрирует эту тему пример из отчета ЦБС г. Худжанда (Ленинабада) за 1978 год, раздел «Комплектование книжных фондов». В отчете сказано, что «на комплектование книжных фондов централизованной библиотечной системы было выделено 22 тыс. рублей, израсходовано 16 тыс. рублей. Остаток неизрасходованных средств составляет 6 тыс. рублей. Не использованы средства из-за отсутствия книг как в библиотечном коллекторе, так и в книжном магазине. Централизованная библиотечная система г. Ленинабада комплектует свои книжные фонды через библиотечный коллектор по тематическим планам издательств и центральный книжный магазин №1. За 1978 год ЦБС (г. Ленинабада) приобрела литературы: через библиотечный коллектор – 16134 экз. на сумму 14143,03 руб.; через книжный магазин – 3544 экз. на сумму 1856, 97 руб. За отчетный период центральная городская библиотека и её филиалы в дар от читателей книг не получали». Далее в отчете сообщается, что «при центральной городской библиотеке создан обменно-резервный фонд. На 1 января 1979 г. он составлял 2485 экз. За 1978 год было передано другим библиотекам 838 экз. За отчетный период было списано ветхой и устаревшей литературы 2742 экз.». Немалые средства и значительное место в работе с читателями в те годы отводились периодической печати. В том же отчете ЦБС г. Ленинабада сообщается, что «в 1978 году было подписано 158 названий журналов, 31 название газет. Отказано в подписке на «толстые» журналы, такие как «Москва», «Нева», «Иностранная литература» - филиалам и автобиблиотеке» (5).

1 марта 1982 года Министерством культуры СССР и Государственным комитетом СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли был издан приказ «О мерах по улучшению комплектования и использования книжных фондов библиотек» (8, с. 62). В этом приказе были отмечены недостатки в комплектовании и недостаточно активном использовании книжных фондов. Было указано на плохую работу по сохранности книжных фондов, многочисленные факты невозвращения книг читателями и хищения из библиотек дефицитных изданий. В целях улучшения комплектования и использования книжных фондов массовых библиотек было приказано Министерством культуры, госкомиздатам союзных и автономных республик, краевым и областным управлениям культуры до 1 июня 1982 года рассмотреть вопрос о дальнейшем улучшении комплектования и использования фондов библиотек, разработать конкретные планы по улучшению комплектования и использования книжных фондов с целью устранения имеющихся недостатков. В целях улучшения состава фондов библиотек в отраслевом разрезе в планировании товарооборота и в работе по заказообороту библиотечным

коллекторам руководствоваться следующими примерными нормативами: ежегодные поступления в фонды библиотек от общей реализации книг библиотечными коллекторами в экземплярном выражении должны составлять: по общественно-политической литературе - 15-17%, сельскохозяйственной и технической – 6-7%, естественнонаучной 9-10%, художественной и детской – 50-55%. В документе заострялось внимание на ответственности городских и районных отделов культуры, работников библиотек за создание полноценных книжных фондов. Усиливался контроль за своевременным использованием средств, выделенных на комплектование библиотечных книжных фондов. Также предлагалось принять меры к организации библиотеками систематического изучения читательского спроса, учета отказов читателей и использования различных разделов книжного фонда.

Следующие примеры могут проиллюстрировать комплектование Областной библиотеки им. Т. Асири, Областной детской библиотеки и проследить выполнение приказа Министерства культуры СССР и Государственного комитета СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли «О мерах по улучшению комплектования и использования книжных фондов библиотек» (1982 г.).

На комплектование фонда Областной детской библиотеки из областного бюджета по плану на 1986 г. было выделено 7000 руб., выполнение составляло 4776, 50 коп. План на 1988 г. - также 7000 р., выполнение - 6798 руб. 89 коп. На приобретение 4663 экз. книг, в т.ч. по языкам: на таджикском – 516, на русском – 4108, на узбекском – 39, было использовано 5090 руб. 17 коп.

В марте 1982 года решением Государственной межведомственной библиотечной комиссии при Министерстве культуры СССР был принят документ, который назывался «Основные направления развития библиотечного дела в стране на 1981-1985 годы и на период до 1990 года» (7, с. 26-38). В нем были изложены цели и задачи библиотечного строительства в стране. На основании этого документа должны были быть разработаны региональные планы дальнейшего библиотечного строительства, то есть документом еще раз отмечалась необходимость создания системы депозитарного хранения в целях рациональной организации книжных фондов. Как положительный момент отмечалась разворачивающаяся работа по переводу фондов и каталогов массовых библиотек на новую советскую Библиотечно-библиографическую классификацию (ББК), внедрение которой из-за большей степени детализации понятий способствовало более широкому и полному использованию книжных фондов. ББК предназначалась для организации книжных фондов, систематических каталогов и картотек массовых библиотек всех систем. Основная задача таблиц ББК – раскрыть содержание произведений печати и представить их в виде стройной научно обоснованной системы знаний и этим максимально облегчить читателю использование книжных фондов.

В документе также отмечались серьезные недостатки в комплектовании и использовании книжных фондов: 52% читателей массовых библиотек не удовлетворены составом имеющейся художественной литературы. В детских библиотеках отсутствовало 30-50% книг, а в сельских – до 80%, рекомендованных Министерством просвещения СССР для внеклассного чтения. В фондах библиотек села не хватало естественнонаучной и справочной литературы.

В «Основных направлениях развития библиотечного дела в стране на 1981-1985 годы и на период до 1990 года» при подведении итогов развития библиотечного дела в 1976-1980 годах относительно фондов библиотек указывалось на слабое использование имеющихся книжных фондов массовых и специальных библиотек. В фондах массовых библиотек

около 6% книг в течение года ни разу не выдавались читателям. Особенно плохо использовались фонды технической и сельскохозяйственной литературы. В ряде республик медленно разворачивалась работа по отбору и передаче на депозитарное хранение малоиспользуемой литературы. А органам руководства и методическим центрам было замечено, что они не осуществляли должного контроля за пропагандой, использованием и сохранностью общественных книжных фондов.

В основополагающем документе «Основные направления развития библиотечного дела в стране на 1981-1985 годы и на период до 1990 года» один из пунктов посвящен улучшению качественного состава книжных фондов. С этой целью планировалось доработать и изменить ряд законодательных документов, в частности системы обязательных экземпляров, предусмотрев увеличение числа библиотек, имеющих право получения бесплатного и платного общесоюзного и республиканского обязательного экземпляра. Планировалось также внедрение системы научно обоснованного комплектования фондов массовых библиотек, с этой целью должно было быть разработано «Положение о комплектовании фондов ЦБС», «Положение о системе фондов ЦБС и критериях распределения литературы в ЦБС» и модель единого книжного фонда централизованной библиотечной системы. Также предлагалось совершенствовать систему всесоюзных, отраслевых и региональных библиотек-депозитариев, организовать систему информации о перераспределяемой литературе, до конца 1985 года провести отбор для депозитарного хранения малоиспользуемой литературы, изданной до 1965 года. Также предлагалось наладить внутрисистемный книгообмен в ЦБС, расширить круг межбиблиотечного абонементов (МБА), продолжить систематическую работу по очищению фондов от устаревших в научном отношении изданий, а также от ветхой литературы.

В 1989 году отделом рекомендательной библиографии Государственной библиотеки СССР им. В.И. Ленина был выпущен библиографический указатель «Библиографическая модель ядра фонда массовой библиотеки». «Библиографическая модель ядра фонда массовой библиотеки» - это систематический перечень конкретных книг, а также названий художественных произведений (в любом издании). Литература, входящая в модель ядра, ориентирована на удовлетворение интересов общеобразовательного чтения, отвечает первоначальным потребностям в овладении областями знания, в которых читатели не являются специалистами. Библиографическая модель являлась средством совершенствования фонда массовой библиотеки. Она давала возможность проверить состояние фондов, выявить в библиотеках недостающую литературу и принять меры для пополнения фонда путем перераспределения и доукомплектования. Модель ядра давала возможность не только улучшить фонд массовой библиотеки, ориентируясь на вышедшую литературу, но и служила средством повышения качества общеобразовательной литературы, издаваемой в стране. Модель ядра фонда имела общесоюзное значение – в ней были представлены книги, необходимые для читателей массовых библиотек всех республик и регионов СССР. Она отражала книги, вышедшие только в центральных издательствах и только на русском языке, который являлся средством межнационального общения. Книги республиканских и местных издательств в общесоюзной модели не отражались. Наряду с общесоюзной должны были быть составлены и республиканские модели, создаваемые соответствующими научно-методическими центрами, и прежде всего государственными библиотеками союзных республик.

Таким образом, реальное ядро фонда массовой библиотеки в любой советской республике должно было быть представлено двумя основными частями: одна часть – общая для всех республик, другая – общая только для всех библиотек конкретной

республики. В республиканскую часть ядра должна была входить литература, которая по месту издания, по содержанию, а также по языку отражала бы специфику потребностей данной республики (1).

Все областные библиотеки и головные библиотеки централизованных библиотечных систем (ЦБС) в Таджикистане получили экземпляры указателя «Библиографическая модель ядра фонда массовой библиотеки». Такой указатель имелся и в фонде Областной публичной библиотеки им.Т.Асири, а также в фонде Центральной городской библиотеки ЦБС города Худжанда. И даже была начата работа по сверке литературы, предлагаемой в указателе, с имеющимися фондами. Работа эта трудоемкая, требующая длительного времени. Она была проведена, но без особой тщательности.

Вопрос комплектования, использования и сохранности книжных фондов в 80-е годы прошлого столетия в Ленинабадской (Согдийской) области был включен в «План основных мероприятий Управления культуры исполкома Ленинабадского областного Совета народных депутатов на 1987 год» (6, с. 5-10).

В целях дифференцированного комплектования и дальнейшего улучшения сохранности книжных фондов библиотек в соответствии с приказом Управления культуры и кино исполкома Ленинабадского областного Совета народных депутатов в 1990 году был организован месячник по комплектованию и сохранности книжных фондов библиотек области (7).

Совершив краткий экскурс в историю формирования фондов на примере Худжандской областной публичной библиотеки. Проследив историю комплектования фондов на примере одной библиотеки, мы сможем понять, что комплектование фондов библиотек – важная составляющая часть библиотечного дела в целом.

Фонд старейшей народной библиотеки города Худжанда (ныне Областная публичная библиотека им. Т. Асири) начал формироваться со дня образования библиотеки, т.е. с 1917 года. Первоначально фонд состоял из газет и политических брошюр. В 1946 году городская библиотека города Худжанда была реорганизована в областную библиотеку, и её фонд на 1 января 1948 года, по истечении тридцати лет, насчитывал 15206 книг. Самые значительные поступления книг в библиотеку были в 70-х и 80-х годах прошлого столетия. Так, в год своего 70-летнего юбилея библиотека получила 13 тыс. книг и брошюр (4).

В ЦБС города Ленинабада (Худжанда) на 1 июля 1986 года книжный фонд составлял 175046 экз., книговыдача составляла 87420 экз. (9).

Одной из проблем всех массовых библиотек Ленинабадской (Согдийской) области являлся несвоевременный возврат или даже невозврат читателями документов в библиотеку. Это существовало ранее, это есть и в современных библиотеках. Свидетельство тому: пример из отчета ЦБС г. Худжанда (Ленинабада) за 1978 год. Здесь сообщается, что «выполняя постановление коллегии Министерства культуры Таджикской ССР от 19.05.1977 за № 13/5 «О мерах по выполнению постановления Комитета народного контроля Таджикской ССР», приказ № 3 от 26 апреля 1977 г. «О сохранности книжных фондов» (8), Центральной городской библиотекой и её филиалами велась определённая работа: во всех филиалах были созданы уголки «Книжкина больница», были отправлены письма – напоминания задолженникам, создана картотека задолженников, по которой проверяется, кто подписывает обходной лист».

Работа с задолженниками велась постоянно, был налажен учёт задолженников, не возвращённых ими книг, принимались меры по возврату этой литературы, в частности библиотекари ЦБС г.Худжанда привлекали к этой работе актив библиотек. Активисты

проводили поквартирные обходы читателей-задолженников. Такой метод по возврату книг в библиотеки трудоемкий, но наиболее эффективный. По почте рассылались напоминания задолженникам и предупреждения о необходимости возврата книг в библиотеки. Например, по ЦБС г. Худжанда (9 библиотек) на 1 октября 1989 года числились 6209 задолженников, у них на руках было 13545 книг, а из информации ЦБС от 21 мая 1991 года явствует, что в девяти библиотеках числилось 6145 задолженников, книг у них на руках 12787 экз., в т.ч. по отделам и филиалам.*

По отчётам детских библиотек городов и районов Согдийской области, таких как: Кайраккум, Пролетарск, Зафарабад, Ура-Тюбе, Худжанд по ряду лет (в том числе и за 1985 год), можно видеть, что для сохранности книжного фонда библиотеки прибегали к помощи читателей-активистов. В большей части библиотек действовали кружки «Книжкина больница», где читатели своими силами под руководством библиотекаря ремонтировали ветхие книги.

Таким образом, библиотеки Ленинабадской (Согдийской) области, соблюдая требования законодательства о библиотечном деле, вели работу по обновлению библиотечных фондов, оформляли книжные выставки, стенды, проводили беседы, обзоры, читательские конференции, диспуты, утренники. Библиотеки уделяли особое внимание ведению учетной документации по книжному фонду. Вели работу по переводу книжного фонда в систему ББК (библиотечно-библиографическая классификация). Регулярно проводили списание устаревшей литературы. Вели профилактическую работу с задолженниками с целью сохранности книжных фондов.

Список использованной литературы:

1. Библиографическая модель ядра фонда массовой библиотеки: Библиогр. указатель . – М., 1989.- 269 с.
2. Библиотековедение. Библиография. История таджикской книги: Сб. статей: сост. Гоибназаров С.Н., Юнусов А.Ю., Козырева Л.Г. – Душанбе: Ирфон, 1981.- 131 с.
3. История культурного строительства в Таджикистане. 1917-1977 гг. Т.2 / Отв. ред. Марсаков К.П. – Душанбе: Дониш, 1983.- 472 с.
4. Ифтихори мо. Сост. Солиджанов Н., Ходжазод М. - Хучанд, 1997.- 118 с
5. Отчеты ЦБС г. Худжанда (Ленинабада) за 1978 год //Текущий архив Худжандской областной публичной библиотеки им.Т.Асири. Папка №3.-ЛЛ.7-11.
6. План основных мероприятий Управления культуры исполкома Ленинабадского областного Совета народных депутатов на 1987 год. - Ленинабад, 1987. – 14 с.
7. Приказ Управления культуры и кино исполкома Ленинабадского областного Совета народных депутатов № 11 от 22.02.1990 / ГАСО. –Ф.220.-Оп.12.-Д.375.-Л.53.
8. Руководящие материалы по библиотечному делу: Справочник / Под ред. В.В. Серова.- М.: Книга, 1975.- 224 с.
9. Справка о работе ЦБС г. Ленинабада по соблюдению требований законодательства в библиотечном деле за I полугодие 1986 г./ ГАСО. –Ф.82.-Оп.34.-Д.1186.-Л.45.
10. Столяров Ю.Н. Библиотека: структурно-функциональный подход. – М.: Книга, 1981. – 256 с.
11. Текстовый годовой отчет за 1971 год о работе библиотек города Ленинабада / ГАСО. –Ф.220.-Оп.12.-Д.60.-Л.2.

* Сведения из отчетов ЦБС г. Худжанда, архив ХОПБ им. Т.Асири.

Reference Literature:

1. *Bibliographical Model of Mass Library Fund Nucleus: Bibliographical Index.* – M., 1989. – 269 pp.
2. *Library Business. Bibliography. Tajik Book History: collection of articles. Compilers: Goibnazarov S.N., Yunusov A.Yu., Kozyreva L.G.* - Dushanbe: Cognition, 1981. – 131 pp.
3. *The History of Cultural Building in Tajikistan. 1917-1977. V.2 / Editor-in-charge Marsakov K.P.* - Dushanbe: Knowledge, 1983. – 472 pp.
4. *Our Pride. Compilers: Solidjanov N., Khodjazod M.* – Khujand, 1997. – 118 pp.
5. *The Report of Leninabad Central Library System (CLS) for 1978 // Current archive of Khujand viloyat public library named after Toshkhodja Asiri. File #3. – sheets 7-11.*
6. *The Plan of Basic Arrangements of the Culture Managerial Office of the Executive Committee under Leninabad Oblast People's Deputies Council for 1987.* – Leninabad, 1987. – 14 pp.
7. *The Order of Culture and Cinema Managerial Office of the Executive Committee under Leninabad Oblast People's Deputies Council from 22.02.1999 // State Archive of Sughd Viloyat. -F.220. -Inv.12. -Case375. -Sh.53.*
8. *Leading Materials on Library Business: Reference Book / under the editorship of V.V. Serov.* – M.: Book, 1975. – 224 pp.
9. *The Certificate on the Work of Leninabad CLS Concerned with Observance of Legislation Requirements in Library Business for the first Semester of 1980 / Sughd Viloyat State Archive (SVSA). – F.82. – Inv. 34. – C.1186. – Sh.45.*
10. *Stolyarov Yu. N. Library: Structural-Functional Approach.* – M.: Book, 1981. – 256 pp.
11. *Textual Yearly Report on the Work of Leninabad Town Libraries for 1971 // SVSA. – F.220. – Inv.12. –C.60. – Sh.2.*

УДК 9 (с)
ББК 63.3 (5)

**ИЗ ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ ЗОЛОТА И
ЗОЛОТЫХ ИЗДЕЛИЙ
ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В XVIII –
НАЧАЛЕ XX вв.**

Сохибназаров Мирзоназар Довлатович,
соискатель кафедры истории таджикского
народа Таджикского государственного
университета права, бизнеса и политики
(Таджикистан, Худжанд)

**FROM THE HISTORY OF THE STUDIES
RELATED TO GOLD AND GOLD
WARES OF CENTRAL ASIA
REFERRING TO THE PERIOD OF THE
XVIII-TH – THE BEGINNING OF THE
XX-TH CENTURIES**

Sohibnazarov Mirzonazar Davlatovich,
claimant for candidate's degree of the
department of the history of the Tajik nation
under the Tajik State University of Law,
Business and Politics (Tajikistan, Khujand)
E-MAIL: mirzo-s1970@mail.ru

Ключевые слова: золото, золотые изделия, драгоценные металлы, золотодобыча, месторождения золота, ювелирное дело.

В данной статье речь идет об историографии истории промыслов по добыче золота и его обработке в Средней Азии в XVIII – начале XX вв. Целью и задачей исследования является обобщение трудов русских историков, востоковедов, где отражены факты о местонахождении золотых приисков, состоянии золотодобывающего промысла, путях и способах добычи рудного и промывного золота, чеканки золотых монет, деятельность мастеров золотых и серебряных дел, в особенности обработка золота мастерами-ювелирами и другие вопросы, связанные с добычей и использованием золота на территории Средней Азии. Автор сумел скрупулёзно проанализировать важнейшие исследования русских авторов исследуемого периода и кратко описать состояние золотодобывающего промысла. Анализируя источники и научные труды, автор пришел к выводу, что еще до 1917 года была создана историографическая основа для изучения кардинальных вопросов истории золотодобычи и обработки золота в позднефеодальной Средней Азии в XVIII – начале XX вв.

Key words: gold, gold wares, precious metals, gold extraction, earth deposits of gold, jewellery manufacturing

The article dwells on the historiography concerned with the history of the works related to gold extraction with subsequent refining of gold in Central Asia in the period of the XVIII-th – the beginning of the XX-th centuries. The research is targeted at the generalization of the works of Russian historians and Orientalists reflecting such issues: whereabouts of gold mines, state of gold extraction organization, ways and methods of extraction of raw and washed gold, gold coinage, activities of craftsmen dealing with gold and silver, especially gold refining by jewellers and other questions connected with extraction and utilization of gold on the territory of Central Asia. The author managed to have analyzed scrupulously the most important explorations of Russian authors referring to the period in question and to have described briefly the state of the jobs related to gold extraction. Analyzing scientific works and origins the author came to the conclusion that before 1917 yet there was created the historiographical ground for

studying cardinal issues of the problem in regard to the history of gold extraction and gold refining in the post-feudal Central Asia of the XVIII-th – the beginning of the XX-th centuries.

История золотодобывающих и золотообрабатывающих промыслов и ремесел Центральной Азии представляет собой актуальную многоаспектную проблему истории Отечества. Она назрела на стыке социальной и экономической истории, археологии, этнологии, искусствоведения, геологии, географии. Заметный вклад в изучение проблемы внесли ученые – археологи. Вместе с тем, история добычи золота и изготовления золотых вещей в позднесредневековых Бухарском, Кокандском, Хивинском ханствах в свете данных среднеазиатских и российских письменных источников оказалась малоработанной областью научного познания. Огромный пласт исследований, произведённых русскими учеными в XVIII – начале XX вв., в плане историографии не освоен и не представлен. Автор настоящей статьи стремился восполнить этот пробел: в ней рассмотрены сведения, извлеченные из научной литературы России указанного времени относительно добычи золота и изготовления золотых предметов в Средней Азии.

Начало научного изучения истории Средней Азии, в том числе добычи золота и изготовления золотых вещей, связано с именем известного русского историка и государственного деятеля первой половины XVIII в. В. Н. Татищева (1686-1750). По собранным им данным, в Бухару первой половины XVIII в. стекались главные капиталы: золото из Худжанда, серебро из Самарканда и «вещей от камня разного» [12, с. 82]. Туда же поступали предметы роскоши из Балха, других городов Хорасана, Индии, Ирана, Китая, в том числе золото и золотые изделия. Эти богатства сосредоточивались у хана и у чиновников. В.Н. Татищев упомянул о месторождениях золота, серебра и прочих металлов. По его сведениям, в Средней Азии пользовались источниками рудного и промывного золота, принадлежавшими ханам, эмирам и высшим кругам общества [29, с. 153-360].

Известный русский учёный - географ, экономист, историк и естествоиспытатель П. И. Рычков (1712-1777) относительно интересующей нас проблемы отметил в разделах своего труда «О Хиве и хивинцах» наличие золотой руды на территории Хивинского ханства, на берегах Аральского моря, в горах Каратау (то есть Чёрная гора) на расстоянии одного дня пути от городка Туркестан (Яссы-М.С.) в нижнем течении Сыр – Дарьи. Кроме того, П.И. Рычков вычислил в Ташкенте около 150 глиняных и кирпичных зданий, мечетей и медресе и назвал среди них отделанные золотом архитектурные сооружения. [27, с. 21, 24] Согласно сведениям П.И. Рычкова, духовный глава джунгарских калмыков, Далай-лама, в середине XVIII в. овладел Ташкентом. Организовав в долине реки Или (на юго-востоке современного Казахстана - М.С.) изыскательские работы по выявлению золота, этот правитель «...полученною там великою добычею, а особливо в золоте состоящую, зюнгорский свой народ обогатил» [27, с. 26] П.И. Рычков в XVIII в. утверждал, что «в Бухарии и около Ташкента в горах и реках золото находится, сие довольно ведомо...» [27, с. 29]. Учёный отмечает, что вся оренбургская заграничная коммерция по большей части происходит с бухарцами, кашгарцами (купцами Кашгара - Уйгуристана в Восточном Туркестане - М.С.), ташкентцами и хивинцами. Из привозимых в Оренбург среднеазиатскими купцами товаров «знатнейшими» считались прежде всего «золото и серебро, состоящие по большей части в индийских, персидских и бухарских монетах» [27, с. 139]. По утверждению П.И. Рычкова, в Бухаре середины XVIII в. «золото из песков некоторых рек вымывают». Примечательно, что среди российских и прочих европейских товаров, которые в Оренбурге и Троицкой крепости предлагались в продажу и мену азиатским

купцам и народам, были «ружья, золото и серебро в деньгах»[27, с.163].

Русский этнограф, натуралист и путешественник, действительный член Петербургской академии наук И.И. Георги (1729 -1802) в своей книге, при написании которой он использовал работы других авторов, в том числе академиков, путешествовавших по России, сообщал о поступающих в обращение золоте и серебре и источниках их добычи: «Хан чеканит золотую и серебряную монету, но сей последней выходит мало, потому что у Бухарцев нет своего серебра. Золотая же монета состоит по большей части в червонцах, которые делаются из вымывного из рек их золота просто, с одною только надписью: но весом и добротой бывают они почти равны». [7, с. 80] То есть золотые монеты Бухары чеканились из красного песочного золота местного среднеазиатского происхождения.

В конце XVIII и в первой трети XIX вв. состояние экономики и культуры народов Средней Азии привлекало внимание научных кругов России. Оно стало объектом освещения таких информационно - исследовательских изданий, как «Месяцесловы» (Календари), ежемесячных научно – популярных журналов «Сибирский вестник» в 1818-1824 гг., «Азиатский вестник» в 1825-1827 гг. Инициатором публикации последних двух журналов в Петербурге был просветитель – востоковед, член -корреспондент Академии наук Г.И. Спасский. Так, в «Азиатском вестнике» сообщалось о вымывании песков, содержащих золото, в реках Аму -Дарья, Зеравшан и Бадахшан [25, с. 311].

Важный научный труд востоковеда с чином капитана Генерального штаба российской армии Е.К. Мейендорфа (1794 -1863), изданного в 1826 г. в Париже на французском языке, содержит ценные сведения о добыче и применении золота в Средней Азии в первой четверти XIX в. Так, по данным Е.К. Мейендорфа, крупные золотые рудники располагались к северо - западу от города Бухары, в грядях Шейхджейли (Шейх Джалал – М.С.), составлявших западную часть хребта Султан - Уз - Дага. Золото добывалось также в горах Василь-кара, представлявших собой северо - западную оконечность хребта Султан - Уз - Дага, известную под названием Алтын – тау – «Золотая гора». Упомянутые гряды Е.К. Мейендорф охарактеризовал как горы, «известные своими золотыми жилами, золотыми россыпями, извлекаемыми из волн реки Дарваз» (на юго - востоке современного Таджикистана). Большую ценность имеют факты, изложенные Е.К. Мейендорфом относительно использования золота и золотых предметов в различных сферах жизни, быта и культуры таджиков. Так, золотые ассигнации России, используемые в пределах Бухары русскими купцами, участниками различных посольств для покупки продовольствия и других товаров, обозначены терминами «звонкая монета», «червонцы» («червонец» - русская золотая монета достоинством в разное время от 3,5 до 10 рублей - М.С.). [17, с. 23] Упомянуто женское головное украшение - «высокая диадема из золота, отделанная бирюзой и бледными рубинами» [17, с. 29]; бухарцы в белых чалмах и халатах из золотой парчи» [17, с. 56]. Приемный наряд эмира Хайдара, властвовавшего в Бухаре с 1801 по 1826 гг., охарактеризован следующим образом: «На нем был черный бархатный халат, украшенный драгоценными камнями, и муслиновая (муслин – сорт изящной ткани - М.С.) чалма, увенчанная «султаном» (украшение на головных уборах в виде пучка перьев или стоячих конских волос, которое надевали для торжественных церемоний - М.С.) из перьев цапли; золотая петлица пересекала по диагонали чалму, похожую на «калевки» - церемониальный головной убор великого визиря, «кабудан - паши и кизляр – агаси» Оттоманской империи." [17, с. 57] Эмирские сановники Бухары в соответствующие моменты облачались в красные или синие шелковые халаты, затканые золотыми цветами. [17, с. 56] Согласно Е.К. Мейендорфу, золотошвейные нити применялись при отделке ковров из красного сукна: «...мы прошли в переднюю и, наконец, в приемный зал, где на

подушках, покрытых ковром из красного сукна, богато расшитым золотом, сидел хан» [17, с. 56]. Все это говорит о широком применении золота и компонентов из золота в среде аристократии и состоятельных людей.

Горный инженер К.Ф. Бутенев (1805 -1869), дослужившийся до чина генерал — лейтенанта корпуса горных инженеров, в 1841 году был назначен главой русской миссии, прибывшей в Бухару. По результатам пребывания в Средней Азии К.Ф. Бутенев отмечал наличие в Бухаре таких металлов, как золото, серебро, свинец, медь, железо; из неметаллических веществ: бирюзы, каменного угля, серы, селитры, соли поваренной, гипса и графита. Он упоминал о золотых песках, добываемых в Кокка (вернее Кухак (Горка) -М.С.) или Зеравшане и Аму-Дарье. Согласно данным, собранным К.Ф. Бутеневым, разработка золотоносных песков была организована и в Кокандском ханстве, за рекою Сыр и в Ташкентской области. Однако эти работы не были развернуты широко по причине рутинной технологии промывки золота и крайней бедности россыпей, требующей изнурительного и малопроизводительного труда. К.Ф. Бутенев отмечал данные о чеканке в Бухарии золотых, серебряных, медных монет [20, с. 141, 143, 145, 147].

Один из крупнейших русских востоковедов XIX в., академик Российской АН В.В. Вельяминов - Зернов (1830 - 1904), излагая сведения о естественных благах, имеющихся в пределах расселения таджиков Кокандского ханства, писал: «На вершинах Сыр - Дарьи и речек, в нее впадающих, находят золото в виде самородков, иногда довольно крупных. В том же виде попадает оно и в горах Кашгар – Даван и на юге от Коканда, где горные таджики, или гольча (галча – горцы М.С.), тамошние жители, отыскивают его в ключах и речках и привозят для продажи в города Коканд и Маргалад. Речка Чирчик (по - таджикски Паррак - М.С.), вытекающая из гор Кандыр Тау (Чаткаль - М.С.) и впадающая в Сыр - Дарью неподалеку от Ташкента, изобилует золотом» [26, с. 182]. По убеждению В.В. Вельяминова-Зернова, верховья Чирчика и соседствующих с ним речек, где располагались таджикские селения, изобиловали богатыми золотыми россыпями. Они при искуснейшей разработке могли принести большие выгоды. В.В. Вельяминов - Зернов также рассказал о попытке хана Коканда открыть в горах Ала-Тау золотые россыпи и внедрить в них способы промывки, используемые в России. По заключению В.В. Вельяминова - Зернова, золото в Коканде добывается по несколько пудов в год. Поэтому на базарах Коканда и Маргилана оно появляется очень часто, хотя и в небольшом количестве, для купли и продажи [26, с. 182,183].

Член Венгерской академии наук, востоковед, филолог и этнограф Арминий Вамбери в облики отшельника-дервиша совершил опасное путешествие по Средней Азии - Хиве, Бухаре, Самарканду - в 1863 году. В описаниях поездки Вамбери сообщил интересные данные о золоте и золотых предметах, используемых таджиками в указанных городах. Дело в том, что в Хорезме, Хиве, Ургенче еще в XIX в. коренное население составляли таджики (иранцы). Кочевые узбеки и тюрки называли их «сартами», а туркмены (огузы - М.С.) - «татами». Сам А. Вамбери, в том числе во время приема падишахом Хорезма хана Хивы охарактеризовал «мехтера» - высшего государственного чиновника вроде «министра внутренних дел» следующим образом: «По смуглому лицу и длинной, густой бороде, падавшей на грудь, нетрудно было угадать, что он сарт (персидского происхождения)» [6, с. 97]. Из золотых вещей А. Вамбери упомянул: «коротенький золотой скипетр (жезл с драгоценными камнями, резьбой - знак царской власти), который царь Хорезма Сейид Мухаммед-хан имел на возвышении под балдахином (украшенный навес на столбиках, установленный над троном - М.С.), зафиксирован также «дукат» - старинная золотая монета» [6, с. 97]. При описании государства Бухара А. Вамбери отмечал бухарскую

монету «тилла», грамоты и фирманы турецких султанов, написанные золотыми буквами и скрепленные над знаменитым камнем «кунтуш» (зеленый камень, на котором помещался трон царя) в Арке Тимура в Самарканде, алебастровые арабески с позолотою [6, с. 99, 105].

Экономист П.И. Небольсин в 50-х годах XIX в. сообщил о золотой нитке, применяемой в золотошвейном деле таджиков: «Пряденое золото, мишура (медные посеребрённые или позолоченные нити, идущие на галуны - М.С.), «нить плющевая» (плоская проволоочная «нить», сплюснутая тончайшая проволока для золотошвейной и золототканой работы; плюска, плюща - М.С.), канитель (очень тонкая металлическая нить для вышивания) и материи, затканые серебром и золотом, вывозятся от нас (из России - М.С.) только в Бухару, и то в весьма незначительном количестве» [24, с. с. 122, 168, 290].

После завоевания Средней Азии царской Россией, установления владычества Британии в Афганистане, в том числе в Хорасане, населенном таджиками, изучение добычи золота и его обработки мастерами-ювелирами («заргар») проводилось в трех направлениях: путем статистического обследования; диктовалось интересами русских официальных кругов, предпринимателей, инженеров, стремившихся организовать промышленную разработку золота; в связи с исследовательским интересом ученых - историков, этнографов, геологов, а также энтузиастов-краеведов.

В сборе статистических данных о местах нахождения приисков золота в населенных пунктах, где происходила деятельность мастеров золотых и серебряных дел в пределах Туркестанского края, Бухарии и Хивы в конце XIX-начале XX вв., активное участие приняли русские чиновники, офицеры, краеведы и любители знаний. Так, действительный статский советник Мир Салех Бекчурин, побывав в Худжанде в 1866 году, сразу после его тяжелой осады, обороны, падения и опустошения, писал следующее: «... имея в виду сделанные открытия местонахождений разных руд, можно быть вполне уверенным, что эта страна (область Худжанда - М.С.) не обделена природою и этого рода богатствами. Здесь есть железо, золото, серебро, бирюза и каменный уголь» [23, с. 203].

Начальник Ходжентского уезда в 1867-1875 гг., полковник А.А. Кушакевич, указал на его богатые залежи, в том числе золота, представил статистические сведения о количестве базаров, лавок, мастерских, отраслей ремесел и промыслов, связанных с обработкой золота и серебра, в том числе данные о ювелирном деле в городах Худжанд и Ура – Тюбе [13, с. 225, 230, 256, 258; 14, с. 50-55]. Капитан А. Д. Гребенкин, характеризуя ремесла и промыслы населения Самарканда и его Зеравшанской округи, писал: «...таджики занимаются... кузнечным, золотым, серебряным и медным мастерством» [8, с. 512]. По сведениям генерал-лейтенанта М.И. Иванина, участника похода царской армии в Хиву в 1873 г., в ханстве главным мастерством, прикладными и художественными ремеслами являлись: во – первых: оружейное, кузнечное, литейное дело, связанное с изготовлением ружей, винтовок, сабель, пик и прочих; во-вторых, мастерство золотых и серебряных дел [11, с. 47-49]. Ювелирное дело, мастерство, связанное с обработкой золота и серебра, охарактеризовано в работах М.И. Бродовского, [4, с. 1-38] и В.К. Розвадовского. [5, 12, 13]

Проявлением большого интереса руководства Туркестанского генерал – губернатора, промышленников и инженеров к ресурсам производительных сил в Средней Азии явилась организация выставочного дела в крае. По инициативе А. А. Кушакевича в Худжанде в 1870 г. была учреждена первая в Туркестанском крае уездная выставка изделий ремесленного и кустарного производства. В русской части города, в просторном большом зале и под навесом в саду были выставлены на всеобщее обозрение образцы различных произведений Худжандского уезда, в частности золотые и серебряные украшения. Н. А.

Маев в статье «Туркестанская выставка 1886 года», говоря о Худжандском павильоне, отметил, что в нем можно видеть серебряные изделия весьма хорошей работы: портсигар, подстаканники, чайные ложки, чайники, богатые азиатские бархатные пояса с серебряными украшениями и туземные ножи в серебряной оправе [16, с. 250].

Выражением колониальной политики царской России, направленной на превращение Средней Азии в источник сырья и рынок продажи промышленных товаров «метрополии», было издание сводных и специальных работ, посвященных добыче золота в крае. Так, в отдельном очерке была изложена концепция развертывания работ в этом направлении. Были опубликованы книги И. П. Минаева, [18] и А. Ф. Костенко, [19] в которых указаны места расположения золотых приисков.

Д. И. Логофет и А.П. Шишов несколько более подробно изложили состояние добычи золота у таджиков позднефеодальной Средней Азии. Так, полковник Д.И. Логофет подчеркнул наличие значительного числа мест, где раньше добывались золото, серебро, железо и медь. Бухарцы в период протектората России постепенно забросили горное дело, ограничились самой незначительной разработкой месторождений. В результате общее количество добываемых руд не удовлетворяло потребности населения, не выдерживало конкуренции. [15, с. 78 - 82] А.П. Шишов, врач военного лазарета Ташкента, в своей «компилятивной» книге, изданной еще в 1910 г., назвал речные долины юго- востока современного Таджикистана (предгорья Гиссарского и Дарвазского хребтов), верховья Зеравшана: селение Вишкент (Вешканд - М.С.) в Фальгаре как основные районы добычи золота. Автор описал организацию труда золотоискателей [30, с. 237-242].

Группа русских горных инженеров в конце XIX - начале XX вв. включилась в процесс изучения золотодобывающей промышленности таджиков, вступила на путь практического воплощения идей по созданию горнозаводского дела в этой отрасли. Например, инженер П. В. Журавский - Покорский написал статью о состоянии золотодобычи в Бухарском эмирате и добился разрешения эмира на аренду Сафеддаринских золотых приисков в Бальджуванском бекстве. Однако из-за противодействия бухарских чиновников прогрессивный почин П.В. Журавского - Покорского потерпел неудачу и деятельность его предприятия была прекращена. [10]

Исследования, произведенные в 1905 году другим горным инженером, Л. Михайловым, а затем профессором геологии Крафтом, подтвердили выводы П. В. Журавского - Покорского о присутствии по течению реки Яксу и части Пянджа и в Ниобе золотоносных конгломератов, которые разрабатывались в глубинах веков, а затем были заброшены. Отчёты П. В. Журавского - Покорского по изысканиям и организации горнозаводского золотодобывающего дела в горном Таджикистане дооктябрьского периода хранятся в фондах ЦГА Республики Таджикистан.

Историко-геологические аспекты изучения золотодобычи Средней Азии в начале XX в. затронуты в работе А.Ф. Губаревича- Радобыльского [9, с. 76]. В конце XIX - первой трети XX вв. плеяда крупнейших русских ученых - историков, востоковедов, археологов, этнографов, оперируя сведениями из разнохарактерных источников, внесла большой вклад в дело освещения истории добычи и применения золота в Средней Азии периода позднего феодализма. Согласно В.В. Бартольд, экономическое и культурное первенство Европы, ее торговые сношения с мусульманским миром, увеличение количества золота в Старом свете в XVIII в. оказало позитивное влияние на страны Передней и Центральной Азии: «... именно в смутный период XVIII века в Персии и Средней Азии, впервые после монгольского нашествия, вновь стала чеканиться и вышла в обращение золотая монета ...» [3, с. 275] В XVIII в. золотая монета-тилля получила такое распространение, что в

литературе встречается много примеров счета на тилля при определении цен товаров, особенно в оптовой торговле, величины податей, доходов от выкупов и т. п. Хотя в Кокандском ханстве натуральное хозяйство преобладало над денежным и ханы получали большую часть своего дохода натурой (хлебом и рисом), а не деньгами, тем не менее, денежные подати были определены в тиллях (золотых монетах).

В.В. Бартольд упоминал в своих работах золотые предметы и вещи. Так, описывая внутреннее убранство мавзолея Гури Амир в Самарканде, где был погребен Тимур, он отметил одежду, предметы вооружения и утварь, украшенную драгоценными камнями и позолотой, висячие золотые и серебряные люстры. Одна из золотых люстр весила 4000 мискалей (золотников) [1, с. 445].

В.В. Бартольд касался также важного вопроса о генезисе художественных и прикладных ремесел и промыслов по изготовлению посуды из золота и серебра и оружия из железа. Произведя анализ и сопоставление греческих известий с китайскими, исследователь пришел к выводу, что «искусство выделывать посуду из золота и серебра и оружие из железа было принесено в Фергану только китайцами. Если бы Фергана когда-либо принадлежала греко-бактрийским царям, то это вряд ли было бы возможно» [2, с. 457].

Известный востоковед, историк, впоследствии академик АН Таджикской ССР, профессор А. А. Семенов являлся большим знатоком истории использования золота в экономической и культурной жизни народов Средней Азии. Он исследовал золотые украшения, предметы быта, посуду, применяемые в домах имущих и богатых людей.

А.А. Семенов в своей работе «Средняя Азия. Очерк» в 1899 году писал о занятиях таджиков: «Кроме земледелия и садоводства, здесь во многих долинах успешно занимаются шелководством, железоделательным производством, разведением хлопчатника и приготовлением из него всевозможных тканей, весной и летом промывают золото в реках, так как все почти более и менее значительные горные речки Средней Азии несут в своих водах немалое количество этого металла». По А.А. Семенову, для горцев каждая добытая трудом вещь: зерно пшеницы, кусок шелковой и бумажной материи, слиток золота и прочее - заменяла монету. На эти вещи горцы покупали, вернее, выменивали у соседей или на рынках городов все необходимые для себя вещи [28, с. 64, 66].

В конце XIX -начале XX в. в процесс изучения добычи золота в Средней Азии также включились ученые - геологи. Так, известный исследователь горного дела в Средней Азии И.В. Мушкетов в 1886 г., [21] и инженер В.Н. Вебер в 1913 г. сообщали о древних выработках золота в руднике Кызылами в Ташкентском оазисе [22].

На страницах периодической печати Туркестанского края в конце XIX - начале XX в. «появилась серия статей» и заметок по изучаемой нами теме о золоте.

Таким образом, русские и европейские ученые XVIII –начала XX вв. осветили важные вопросы, связанные с добычей и применением золота в экономической, социальной и культурной жизни таджиков. Благодаря такому подходу исследователей до октября 1917 г. была создана историографическая основа для изучения кардинальных вопросов истории золотодобычи и обработки золота в позднефеодальной Средней Азии в XVIII – начале XX вв. В трудах русских учёных-исследователей определена география размещения месторождений рудного и песочного золота, охарактеризована организация труда на золотых приисках, упомянуты некоторые изделия из золота, входящие в комплект одежды эмиров и ханов.

Список использованной литературы:

1. Бартольд В.В. О погребении Тимура / Академик В.В. Бартольд. Соч. Т. II, часть 2. - М.: Наука, 1964. - С. 442 - 454.
2. Бартольд В.В. Работы по отдельным проблемам истории Средней Азии. Том 2. — М.: Наука, 1964. — 661 с.
3. Бартольд, В.В. История культурной жизни Туркестана.-Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1927. - 256 с.
4. Бродовский М. И. Технические производства в Туркестанском крае. -СПб., 1875. —99 с.
5. Разводовский В.У. Опыт исследования гончарного и некоторых кустарных промыслов в Туркестанском крае.- Ташкент, 1916.-16 с.
6. Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. Описание поездки из Тегерана чрез Туркменскую степь по восточному берегу Каспийского моря в Хиву, Бухару и Самарканд, совершенной в 1863 году Арминием Вамбери, членом Венгерской академии/ Пер. с англ. —СПб., 1865.- 221 с.
7. Георги И. Описание всех в Российском государстве обитающих народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. Часть вторая. О народах Татарского племени. Переведено с немецкого. —СПб., 1799 - 178 с.
8. Гребенкин А. Д. Ремесленная деятельность таджиков Зеравшанского округа / Материалы для статистики Туркестанского края. Ежегодник. Т.2. —СПб., 1873. - С. 511-514.
9. Губаревич-Радобильский А.Ф. Экономический очерк Бухары и Туниса. Опыт сравнительного исследования двух систем протектората. -СПб., 1905. -202 с.
10. Золото роют в горах/<http://rus-turk.livejournal.com/98324.html> (Дата обращения: 09.12.2015] .
11. Иванин М.И. Хива и река Аму-Дарья. Сочинение с картою и рисунками. —СПб., 1873.- 64 с.
12. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка, том II, II-0.- М.: Русский язык, 1979.-779 с.
13. Кушакевич А.А. Сведения о Ходжентском уезде/ Записки Имп. Рус. Географ общества. Том четвертый.- СПб., 1871.- С.173-267.
14. Кушакевич А.А. Статистические сведения о городах Ходженте и Ура-Тюбе / Ежегодник «Материалы по статистике Туркестанского края». — СПб., 1872. - С. 50-55.
15. Логофет Д.Н. Страна бесправия. Бухарское ханство и его современное состояние. - СПб., 1909.-239 с.
16. Маев Н.А. От Ташкента до Каты-Кургана/ Русский вестник. Том 86. - СПб., 1870. - С. 243-272.
17. Мейендорф Е.К. Путешествие из Оренбурга в Бухару. -М., 1975. -183 с.
18. Минаев И.П. Сведения о странах по верховьям Аму – Дарьи.- СПб., 1879. -275 с.
19. Костенко П. Ф. Туркестанский край. т 3. -СПб., 1880. -311 с.
20. Минеральные богатства Бухары. Подполковника Бутенева 2-го / Горный журнал или собрание сведений о горном и соляном деле, с присовокуплением новых открытий по наукам, к сему предмету относящихся. Т. VI. Кн. XI. —СПб., 1842. - С. 139-146.
21. Мушкетов И.В. Туркестан. Т.1. - СПб., 1886. - 741 с.
22. Полезные ископаемые Туркестана / Геолог. ком.; сост. В. Вебер. - СПб.: Тип. А. В. Орлова, 1913. - 208 с.
23. Наши завоевания 1866 года в Средней Азии. Город Ходжент./Записки Оренбургского отдела Русского географического общества. Выпуск второй. -Казань, 1872. —С. 201-238.

24. Небольсин П.И. Очерки торговли России со Средней Азией. / Записки Императорского Русского Географического общества. Книжка 10. СПб, 1855. - 435 с.
25. Новейшее описание Великой Бухары / Азиатский вестник. - 1825. – Май. – С. 304-311.
26. Обзорение Кокандского ханства в нынешнем его состоянии / Записки русского географического общества. Книжка 3. – СПб., 1849. - С.176-216.
27. Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии / Комментар. И. В. Кучумов, Ф. А. Шакурова. -Уфа, 1999. - 312 с.
28. Семенов А. Этнографические очерки Зеравшанских гор, Каратегина и Дарваза. - М., 1903. -112с.
29. Татищев В.Н. Лексикон российской исторической, географической, политической и гражданской / В.Н. Татищев. Избранные произведения. Под общей редакцией С. Н. Валка. - Л., 1979. - 464 с.
30. Шишов А.Т. Таджики / Этнографическое исследование.- Алматы, 2006. -392 с.

Reference Literature:

1. Bartold V.V. On Timur's Interment / Academician V.V. Bartold. Compositions. V. II, p.2; «Science», M., 1964. – pp. 442 – 454.
2. Bartold V.V. Works on Separate Problems of History Concerned with Middle Asia. V.2 – M.: Science, 1964. – 661 pp.
3. Bartold V.V. The History of Turkestan Cultural Life. - L: USSR Academy of Sciences, 1927. – 256 pp.
4. Brodovsky M.I. Technical Manufacturing in Turkestan Area. – SPb., 1875. – 99 pp.
5. Razvodovsky V.U. The Experience of Exploration of Pottery and some Other Craftsmanship Jobs in Turkestan Area. – Tashkent, 1916. – 16 pp.
6. Vamberi A. Travel about Middle Asia. Description of the Trip from Tehran through Turkmenian Steppe along Eastern Coast of the Caspian Sea to Khiva, Bukhara and Samarkand Carried out in 1863 by Arminiy Vamberi, Member of Hungarian Academy; translation from English. – SPb., 1865. – 221 pp.
7. Gheorgi I. Description of all Peoples Inhabiting Russian State Including their Life Rituals, Persuasions, Customs, Dwellings, Clothes and Other Distinguished Things. The second part. About Tatar Tribe Nationalities. Translated from German. – SPb, 1799. – 178 pp.
8. Grebyonkin A.D. Craftsmanship Activities of Tajiks Inhabiting Zeravshan Area // Materials for Turkestan Region Statistics. Annual, V.2. – SPb, 1873. – pp. 511 – 514.
9. Gubarevich-Radobytsky A.F. Economy Essay of Bukhara and Tunis. Experience of Comparative Exploration of two Protectorate Systems. – SPb, 1905. – 202 pp.
10. Gold is Dug in Mountains // (Date of addressing: 09.12.2015)
11. Ivanin M.I. Khiva and the Amy-Darya-River. Composition with Map and Drawings. – SPb, 1873. – 64 pp.
12. Dal V. Interpretation Dictionary of Alive Great Russian Language. V.II. II – O. M., Russian Language, 1979. – 779 pp.
13. Kushakevich A.A. Data about Khujand Uyezd // Notes of Imperial Russian Geographic Society. The fourth volume. – SPb, 1871. – pp. 173 – 267.
14. Kushakevich A.A. Statistical Data about the Towns of Khodzhent and Ura-Tyube // Annual. Materials on Turkestan Region Statistics. – SPb, 1872. – pp. 50 – 55.
15. Logofet D.N. The Country of Absence of Lawful Rights. Bukhara Khanate and its Contemporary State. – SPb, 1909. – 239 pp.

16. Mayev N.A. *From Tashkent to Katy-Kurgan / Russian Bulletin. V.86. – SPb, 1870. – pp. 243 – 272.*
17. Meyendorf Ye.K. *Travel from Orenburg to Bukhara. – M., 1975. – 183 pp.*
18. Minayev I.P. *Information about the Countries Located along the Amu-Darya Upper Reaches. – SPb, 1879. – 275 pp.; Kostenko P.F. Turkestan Region. V.3. – SPb, 1880. – 311 pp.*
19. Kostenko P.F. *Turkestan Region. V.3. – SPb, 1880. – 311 pp.*
20. *Mineral Wealth of Bukhara. By sub-colonel Butenyov the Second // Mining journal or collection of data about the jobs related to mining and salt extraction with addition of new discoveries in the sciences pertaining to the issue in question; V.VI. Book XI. – SPb, 1842. – pp. 139 – 146.*
21. Mushketov I.V. *Turkestan. V.1. – Spb, 1886. – 741 pp.;*
22. *Mineral Resources of Turkestan / Commentaries on Geology. Compiler: V.Veber. – SPb.: printing-house by A.V. Orlov, 1913. – 208 pp.*
23. *Our Gains in 1866 in Middle Asia. Khodzhen-Town // Notes of Orenburg department under the Russian geographic society. The second issue. – Kazan, 1872. – pp. 201 – 238.*
24. Nebolsin P.I. *Essays on Trade of Russia with Middle Asia // Notes of Imperial Russian Geographic Society. Book 10. – SPb, 1855. – 435 pp.*
25. *The Newest Description of Great Bukhara / Asian Bulletin. 1825, May. – pp. 304- 311.*
26. *Survey of Kokand Khanate in its Present State // Notes of Russian geographic society. Book 3. – SPb, 1849. – pp. 176 – 216.*
27. Rychkov P.I. *Relief of Orenburg Guberniya // Commentaries by I.V. Kachumov, Shakarova F.A. – Ufa, 1999. – 312 pp.*
28. Semyonov A.A. *Ethnographic Essays on the Mountains of Zeravshan, Karateghin and Darvaz. – M., 1903. – 112 pp.*
29. *Tatishchev V.N. Vocabulary of Russian Historic, Geographic, Political and Civil Societies // V.N. Tatishchev. Selected Works. Under the general editorship of S.N. Valk. L., 1979. – 464 pp.*
30. Shishov A.T. *Tajiks // ethnographical research. // - Almaty, 2006. – 392 pp.*

УДК 33
ББК 63.3/5Т

**МЕРЫ ПО ДАЛЬНЕЙШЕМУ РАЗВИТИЮ
КОЛХОЗНОГО СТРОЯ И
ОРГАНИЗАЦИОННО-ХОЗЯЙСТВЕННОМУ
УКРЕПЛЕНИЮ КОЛХОЗОВ СЕВЕРНЫХ
РАЙОНОВ ТАДЖИКИСТАНА В
ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ**

**MEASURES CONCERNED WITH FURTHER
DEVELOPMENT OF COLLECTIVE-FARM
FRAMEWORKS AND ECONOMIC-
ORGANIZING COLLECTIVE-FARMS
CONSOLIDATION IN NORTHERN
DISTRICTS OF TAJIKISTAN IN POST-WAR
YEARS**

**Бахадурова Фотима
Шарифджановна**, ассистент
кафедры судебного права и
прокурорского надзора
Таджикского государственного
университета права, бизнеса и
политики
(Таджикистан, Худжанд)

Bahodurova Fotima Sharifjhonovna,
laboratory assistant of the department
of forensic law and prosecutor's
surveillance under the Tajik State
University of Law, Business and
Politics (Tajikistan, Khujand)
E-MAIL: vestnik-tsulbp@mail.ru

Ключевые слова: укрупнение колхозов, сельское хозяйство, увеличение производства хлопка, народное хозяйство, трактора, комбайны

В статье освещен процесс становления, развития и организационно-хозяйственного укрепления колхозного строя в Республике Таджикистан. Анализируются меры, способствовавшие укреплению колхозного строя в республике. Отражена деятельность МТС колхозов при производстве хлопка и других сельскохозяйственных культур. Освещаются пути реализации намеченного плана в области сельского хозяйства в послевоенные годы. В статье указывается, что укрупнение колхозов и их превращение в сельхозартели стало новым важным этапом в колхозном строительстве республики.

Key words: integration of small collective-farms into larger ones, agriculture, increase of cotton production, national economy, tractors, combines

The article dwells on the process of establishment, development and economic-organizing consolidation of collective-farm frameworks in Tajikistan Republic. The measures which promoted a consolidation of collective-farm building are analyzed. The author reflects the activities of collective-farm machine-tractor stations (MTS) aimed at the production of cotton and other agricultural crops. The ways of the realization of the designed plans in reference to agriculture in post-war years are elucidated. In her article the author points that the integration of small collective-farms into larger ones and their transformation into big agricultural companies became a new important stage in a collective-farm evolution in the republic.

С победоносным окончанием Великой Отечественной войны советский народ вступил в период мирного строительства. Отечественная война создала большие затруднения в развитии сельского хозяйства Таджикской ССР, особенно хлопководства как наиболее трудоемкой отрасли, требующей много рабочих рук и техники. Посевы под хлопчатник

сократились с 106,1 тыс. га в 1940 г. до 95,9 тыс. га в 1945 г. Средняя урожайность упала с 16,5 ц с гектара в 1941 г. до 7 ц с гектара в 1944 г. В 1944 г. государству было сдано хлопка на 100 тыс. центнеров меньше, чем в 1941 г.

В неудовлетворительном состоянии находились машинно-тракторные станции (МТС). Не имея нужного оборудования и необходимых кадров, они не выполняли установленной производственной программы. Такие МТС, как Исписарская, Науская, Ходжентская, выполнили в 1945 г. производственный план только на 50-60 %.

Центральный комитет Коммунистической партии и Советское правительство разработали программу восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства, которая нашла конкретное выражение в четвёртом пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946-1950 гг. Пятилетний план восстановления и развития народного хозяйства Таджикской ССР, принятый Верховным Советом республики 8 августа 1946 г., был составлен в соответствии с планом восстановительных работ Союза ССР.

Перед колхозным дехканством Таджикистана выдвигалась задача: как можно быстрее ликвидировать последствия войны, достигнуть и превзойти довоенный уровень производства сельскохозяйственной продукции. Основной задачей послевоенного пятилетнего плана развития сельского хозяйства республики являлось: восстановление и дальнейшее развитие хлопководства, особенно тонковолокнистых сортов, отраслей животноводства, садоводства, виноградарства и зернового хозяйства.

В целях повышения урожайности сельскохозяйственных культур перед колхозами и совхозами была поставлена задача закончить восстановление и осуществить введение правильных севооборотов, обеспечить своевременный подъём и хорошую обработку паров в зерновых колхозах и совхозах, улучшить селекционную и семеноводческую работу, обеспечить посев зерновых, зернобобовых, технических и других культур высоко-сортными селекционными и улучшенными отборными семенами местных сортов, завершить переход к сплошным сортовым посевам зерновых культур в соответствии с планом сортового районирования.

Пятилетний план выдвигал задачу увеличения площадей садов, виноградников и ягодников в колхозах, совхозах и на приусадебных участках колхозников, рабочих и служащих. Дальнейшее развитие должно было получить шелководство.

В новом пятилетнем плане была поставлена задача дальнейшей механизации всех сельскохозяйственных работ, и в частности хлопководства.

Так, по зяблевой пахоте, весенней вспашке и продольной культивации хлопчатника механизацию предусматривалось довести в 1950 г. до 90 %, а по поперечной культивации — до 30%. В целях дальнейшего роста энерговооруженности сельского хозяйства намечалось строительство 240 колхозных электростанций [12, с.151].

Для этого требовалось провести большие работы по водохозяйственному строительству для освоения новых и восстановления выпавших из сельскохозяйственного оборота поливных земель, обеспечить восстановление и дальнейшее развитие материально-технической базы сельского хозяйства.

Новый пятилетний план предусматривал также меры организационно-хозяйственного и экономического укрепления колхозов. Намечено было усилить подготовку специалистов средней квалификации и кадров массовых профессий, укрепить бригады и звенья, повысить производительность труда и на этой основе поднять доходы, увеличить неделимые фонды колхозов и материальное благосостояние колхозников.

Промышленность страны обеспечивала ирригационные стройки экскаваторами, грейдерами, скреперами, тракторными лопатами, канавокопателями, землесосами и другими машинами. Это давало возможность повысить уровень механизации земельных работ в ирригационно-мелиоративном строительстве и увеличить объем машинного орошения.

Выполнение плана восстановления и развития народного хозяйства проходило в трудных условиях послевоенного времени, когда хозяйство многих колхозов было расстроено. Массовый характер приобрели грубые нарушения Устава сельскохозяйственной артели и внутриколхозной демократии. Они выражались в хищениях колхозной собственности, разбазаривании общественных земель, денежных и натуральных ценностей, неправильном расходовании трудодней и т. д.

Некоторые работники колхозов и сельскохозяйственных органов незаконно распоряжались артельным имуществом, раздували штаты управленческого и обслуживающего аппарата. За счет колхозов нередко содержались люди, не имевшие никакого отношения к колхозному производству. Это вело к чрезмерно высоким затратам на содержание административно-управленческого аппарата, отвлекало рабочую силу из сферы непосредственного материального производства.

Помимо прочего, расхищалась основная ценность — земля. Расхищение колхозных земель шло по линии увеличения приусадебных участков колхозников, самозахвата, незаконного отвода площадей для подсобных хозяйств и индивидуальных огородов рабочим и служащим. Разбазаривание земель имело тяжелые последствия для колхозов: сокращались посевные площади, уменьшались доходы колхозов и колхозников, значительная часть колхозников отвлекалась на работы в своем личном, непомерно выросшем приусадебном хозяйстве. Сокращение доходов от коллективного хозяйства вело к снижению материальной заинтересованности колхозников в общественном труде.

Учитывая создавшееся положение, Совет Министров СССР и ЦК ВКП(б) в постановлении от 19 сентября 1946 г. «О мерах по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах» резко осудили извращения политики партии в колхозном строительстве. Они обязали партийные и советские организации принять срочные меры к ликвидации нарушений Устава, оградить колхозы от посягательств на их общественное имущество, упорядочить начисление и учет трудодней, сократить неоправданно разросшиеся административно-управленческие штаты, снять с оплаты лиц, не имевших отношения к артельному производству. Особое внимание в постановлении уделялось вопросу охраны общественных земель от разбазаривания. Центральный Комитет партии и Совет Министров СССР указали на необходимость укреплять основу коллективного хозяйства — общественное землепользование и потребовали немедленной проверки всей документации по оформлению актов и других документов о наличии общественных земель и размеров приусадебных участков. Был отменен пункт 2 постановления СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 7 апреля 1942 г., которым промышленным предприятиям, учреждениям, организациям и воинским частям разрешалось на время войны производить посевы на неиспользуемых землях колхозов с согласия последних.

Совет Министров СССР и ЦК ВКП(б) предложили в двухмесячный срок изъять и возвратить колхозам незаконно взятые у них имущество, скот и денежные средства, навести должный порядок в расчетах различных организаций с колхозами, ликвидировать в трехмесячный срок всю задолженность последним со стороны различных организаций и учреждений. В постановлении обращалось внимание на необходимость устранения недостатков, связанных с нарушением демократического порядка созыва общих собраний

колхозников для обсуждения и решения вопросов колхозной жизни, избрания правлений и их председателей общими собраниями и подотчетности их перед колхозниками. Райкомам партии, райсоветам и земельным органам под строгой ответственностью воспрещалось назначать или снимать председателей колхозов помимо общих собраний членов артели. В целях улучшения контроля за соблюдением Устава сельскохозяйственной артели, ограждения колхозов от попыток его нарушения при Совете Министров СССР, а также в союзных республиках был создан Совет по делам колхозов.

Меры, намеченные партией и правительством по ликвидации нарушений Устава сельскохозяйственной артели, отражали интересы советского трудового колхозного крестьянства. Партийные, советские и сельскохозяйственные органы республики провели большую работу по разъяснению постановления Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б) среди колхозников. Была организована широкая проверка финансового и хозяйственного состояния колхозов, учета и отчетности. Только в колхозы Науского и Ходжентского районов были направлены из Душанбе 8 бригад, в состав которых вошли представители республиканского и областных активов, специалисты сельского хозяйства и финансовые работники. Проверка помогла вскрыть многочисленные факты нарушения Устава, расхищения колхозного имущества и трудодней [20,с.35].

Общее собрание колхозников сельхозартели им. Димитрова Ходжентского района Ленинадской области признало неудовлетворительной работу председателя и всего правления колхоза, не оказало им доверия, избрав новый состав руководящих органов. Члены правления артели им. Жданова Матчинского района этой же области вынесли решение отстранить от руководства председателя правления, окружившего себя преступными лицами, систематически расхищавшего колхозное имущество, и привлечь его к судебной ответственности [17с.11].

С большим подъемом прошли собрания колхозников, на которых обсуждалось постановление Совета Министров СССР и ЦК ВКП(б), в Науском районе Ленинадской области. На общем собрании сельхозартели «Озоди занон» члены колхоза признали, что отмеченные в постановлении нарушения Устава имели место и в их колхозе. Они потребовали немедленной ликвидации нарушений Устава, сурового наказания виновников расхищения колхозных земель и общественного имущества [6,с. 1].

Проверка, проведенная в отдельных колхозах Исписорского района, вскрыла многочисленные факты нарушений Устава. Председатель колхоза «Коминтерн» обзавелся личными посевами зерновых на площади в 9 га, которые обрабатывались колхозниками. Решением общего собрания председатель правления артели был отстранен от занимаемой должности [19,с.47].

Медленно проводилось разграничение общественных земель колхозов от приусадебных участков колхозников, задерживалось оформление документации по земельным угодьям. Только в результате отсутствия контроля и повседневного руководства финансовыми делами колхозов со стороны Министерства сельского хозяйства и его органов на местах, недостаточного контроля по линии Государственного банка и Таджикской конторы Сельхозбанка, слабой постановки учета и отчетности в колхозах могли быть допущены грубые нарушения финансовой дисциплины и нарушения Устава сельскохозяйственной артели, отразившиеся на хозяйственной деятельности колхозов.

В результате выполнения постановлений партии и правительства в Таджикской ССР была проведена значительная работа по ликвидации серьезных нарушений Устава сельхозартели. За период с 1950 по 1952 гг. колхозам было возвращено более 27 тыс. голов расхищенного ранее общественного скота, 24 тыс. голов птицы, 9372 ц зерна, 384 га

незаконно занятых под приусадебные участки и организациями колхозных земель, а также большое количество другого имущества, продуктов и денежных средств. Были ликвидированы до конца вскрытые нарушения Устава сельскохозяйственной артели, устранены недостатки в организации и оплате труда колхозников [10, с. 203].

После отчетно-выборных собраний, которые прошли повсеместно во всех правлениях колхозов, на руководящую работу были выдвинуты сотни лучших колхозников, которые честным трудом завоевали доверие односельчан. В 2204 колхозах был переизбран состав правлений, в 598 вновь избраны председатели колхозов. Из административно-управленческого аппарата непосредственно на производство были направлены 4563 человека, сняты с оплаты, как не имевшие отношения к производству в колхозах, 1238 человек [10, с. 208].

Постановление партии и правительства имело огромное значение в организационно-хозяйственном укреплении колхозов Таджикистана. Однако полная ликвидация нарушений Устава сельскохозяйственной артели в колхозах Таджикской ССР была еще далеко не завершена и требовала дальнейшей кропотливой работы. Отдельные руководящие советские и партийные работники на местах не вели настойчивой борьбы с фактами нарушений Устава, расхищением колхозной собственности. Только по Ленинабадской области к июню 1947 г. не было возвращено колхозам 119 голов скота. В целом по республике не была возвращена задолженность колхозам в сумме 155 тыс. руб. [10, с. 209].

Проводимые мероприятия по укреплению колхозного строя за годы послевоенных пятилеток позволили достигнуть значительных успехов в области сельского хозяйства Таджикистана. В отличие от других отраслей, в сельском хозяйстве республики процесс восстановления начался сразу же после окончания войны. По большинству производственных показателей восстановительный период в нем завершился в 1947-1948 гг. Восстановление сельского хозяйства потребовало новых капитальных вложений, в связи с чем возросло финансирование, что видно из табл.1

Динамика роста финансирования сельского хозяйства из бюджетных средств, в млн.руб.

Год	Общая сумма вложений в народное хозяйство из бюджета	В том числе в сельское хозяйство, в млн. руб.	В % к общей сумме
1940	140,1	46,8	33,4
1946	279,7	56,1	20,5
1947	276,1	79,6	28,1
1948	263,2	106,3	40,4

Как видно из таблицы, уже в 1946 г. финансирование сельского хозяйства из бюджета абсолютно превзошло уровень 1940 г., а в 1948 г. - и по удельному весу в общей сумме вложений в народное хозяйство. Если в 1940 г. удельный вес сельского хозяйства составил 33,4%, то в 1948 г. - 40,4 % [13, с. 359]. Основой укрепления материально-технической базы сельского хозяйства являлся значительный рост капиталовложений. Общая сумма государственных капитальных вложений в сельское хозяйство за этот период составила 117,53 млн.руб., а капитальные вложения самих колхозов составили 222 млн.руб [8, с. 36].

С 1946 г. начали увеличиваться расходы на сельское хозяйство в основном за счет крупных вложений по линии водного хозяйства совхозов Таджиксовхозтреста, а также операционных расходов Министерства сельского хозяйства. В этот период было усилено оснащение МТС новыми тракторами, сельскохозяйственными машинами, увеличился объем ирригационных работ, что обеспечило прирост используемых орошаемых земель. Существовавшая ранее система орошения, с постоянными оросительными каналами и мелкими поливными участками, ограничивала использование машинной техники.

Во исполнение постановления Совета Министров СССР от 17 августа 1950 г. «О переходе на новую систему орошения в целях более полного использования орошаемых земель и улучшения механизации сельскохозяйственных работ», в 1950 –1951 гг. в республике была проведена работа по ликвидации мелкой постоянной оросительной сети, планировке полей и строительству новой оросительной сети. В результате этого был получен прирост поливных земель свыше 1,7 тыс. га. Уже в 1952 г. на новую систему орошения было переведено около 190 тыс. га.

Промышленность страны обеспечивала ирригационные стройки экскаваторами, грейдерами, скреперами, тракторными лопатами, канавокопателями, землесосами и другими машинами. Это давало возможность повысить уровень механизации земельных работ в ирригационно-мелиоративном строительстве и увеличить объем машинного орошения.

Это дало возможность более эффективно использовать сельскохозяйственную технику, создать благоприятные условия для механизации строительства временной оросительной сети и тем самым значительно сократить материальные и трудовые затраты. Водохозяйственное строительство все больше стало базироваться на применении механизмов, облегчающих трудоемкие работы.

За восстановительный период значительно возросла материально-техническая база сельского хозяйства, повысилась роль машинно-тракторных станций. Мощность тракторного парка в машинно-тракторных станциях увеличилась на 38 %, количество тракторных плугов - на 32%, тракторных культиваторов- на 92%. Объем тракторных работ в 1950 г. увеличился по сравнению с 1940 годом: по севу яровых- на 30 %, культивации пропашных – на 75%, подъему зяби- на 42 %. Предпосевная обработка, посев и культивация хлопчатника были почти полностью механизированы. Большие работы были проведены по механизированной очистке и переустройству оросительной системы.

После окончания Великой Отечественной войны первоочередная задача в сельском хозяйстве Таджикистана состояла в том, чтобы в кратчайшие сроки восстановить хлопководство. Программа работ в области хлопководства была намечена ЦК ВКП (б) и СНК Союза ССР в постановлениях от 21 сентября 1945 г. «О дальнейшем развитии хлопководства в Таджикской ССР» и от 12 июня 1946 г. «О плане и мероприятиях по восстановлению и дальнейшему подъему хлопководства в Таджикской ССР на период 1946-1950 гг.». В последнем постановлении предусматривалось, что уже в 1947 г. хлопковые плантации в Таджикистане достигнут 104 тыс.га, а валовой сбор хлопка возрастет до 160 тыс. т.

Закладка новых садов началась повсеместно сразу же после окончания Великой Отечественной войны. В 1949 г. впервые в республике были произведены посадки цитрусовых культур, главным образом лимона. Площадь под плодово-ягодными насаждениями в колхозах в 1950 г. возросла до 8,5 тыс. га против 7,7 тыс. га в 1940 г. Несмотря на некоторое увеличение площадей под садами и виноградниками, валовые сборы плодов и ягод не достигли довоенного уровня и составляли в 1950 г. 393 тыс. ц против 425 тыс. ц в 1940 г.

Это объяснялось тем, что молодые насаждения еще не вступили в стадию плодоношения, а старые находились в запущенном состоянии.

В годы послевоенных пятилеток существенные сдвиги произошли в главной отрасли сельского хозяйства республики — хлопководстве. Был восстановлен, а затем и превзойден довоенный уровень производства хлопка-сырца. Большой подъем наблюдался и в области шелководства. В других отраслях сельского хозяйства по отдельным их показателям также имелись заметные достижения. Однако в целом они развивались медленно. Причины состояли в том, что именно в этих отраслях нарушался принцип материальной заинтересованности, они были меньше оснащены техникой и не имели той необходимой государственной помощи, которая уделялась хлопководству.

С развитием сельскохозяйственного производства укреплялись кредитные связи Госбанка с колхозами республики, расширялись масштабы кредитных отношений, появлялись новые объекты как краткосрочного, так и долгосрочного кредитования. Важным этапом совершенствования кредитных отношений Госбанка с колхозами явился их перевод на прямое банковское кредитование, что содействовало дальнейшему развитию колхозов, повышению рентабельности и укреплению хозяйственного расчета. Эта работа в основном была завершена в 1962 - 65 годах [16, с. 236].

Большую помощь коллективным хозяйствам в деле поднятия сельскохозяйственного производства оказывал долгосрочный кредит сельскохозяйственного банка. За 1950-1954 гг. он достиг в республике 100 млн. рублей, из них больше половины было направлено на строительство животноводческих помещений, силосных сооружений, колодцев на отгонных пастбищах, механизацию трудоемких процессов. Так, например, колхозы Ленинабадской области получили в 1954 г. в виде долгосрочного кредита 6 млн. рублей. С помощью этих средств они построили типовые коровники на 2500 голов, телятники, овчарни на 21 тыс. скотомест. На фермах двух колхозов было внедрено автопоение [3, с.37].

Государство посредством кредитного механизма оказывало также большую помощь и сельскому населению. Ему предоставлялись ссуды на индивидуальное жилищное строительство и на некоторые другие цели. Если в 1940 г. общая сумма этой ссуды составила 0,9 млн.руб., в 1950-1,0 млн.руб., в 1960 – 2,1 млн.руб. Этот кредит имел большое социально-экономическое значение. Он явился выражением постоянной заботы государства о колхозном деҳканстве.

Характерной чертой развития сельскохозяйственного производства в 50-х годах XX века явился переход колхозов на путь их массового укрупнения. В Таджикской ССР, как и в других республиках СССР, преобладали мелкие сельхозартелі. На 1 января 1950 г. в республике имелось 2685 колхозов, в том числе 1168 хлопкосеющих. В среднем на каждое хозяйство приходилось 304 гектара пахотных земель, в том числе посевов всех культур-298 гектаров, хлопка в орошаемой зоне -102 гектара, большинство сельхозартелей были малочисленными, 62 % из них объединяли по 55-60 хозяйств[12,с.151].

Исходя из задач организационно-хозяйственного укрепления колхозов, Совет Министров СССР 7 июня 1950 г. принял постановление «Об укрупнении мелких колхозов». В соответствии с постановлением, во второй половине 1950 г. в Таджикистане, как и по всей стране, была начата подготовительная работа по укрупнению колхозов. В её основу были положены принципы добровольности и хозяйственно-политической целесообразности. В июле 1950 г. процесс слияния мелких артелей в крупные принял широкие масштабы. К концу 1950 г. в республике стало 1314 колхозов [9, с. 108]. Теперь на каждый колхоз приходилось в среднем 120 дворов, 606 га общественных посевов, 241 голова крупного рогатого скота, 116,5 тыс. руб. денежных доходов [9, с. 47]. В результате

объединения число сельхозартелей в Таджикистане сократилось в 2,5 раза. К концу 1950 г. в республике стало 1114 колхозов [10, с. 212].

До укрупнения в северных районах Таджикской ССР насчитывалось 506 колхозов. К концу 1950 г. было образовано 281 крупное хозяйство со средней посевной площадью 770 га [5, с. 64]. Так, в колхозе им. М.Буденного с/с Гузн Матчинского района на 1 января 1950 года числилось всего 34 двора, в них проживало наличного населения всех возрастов 267 человек. В мае 1950 пять колхозов Матчинского района: с/с Гузн, им.Жданова, им. XVII партсъезда, Ким, М. Буденного и им. 1 Мая объединились в колхоз, который получил название им. Жданова. Теперь, сельхозартель им. Жданова к/с Гузн Матчинского района объединяла 151 наличный двор, где проживали 1160 чел. всех возрастов [19, с. 47]. За колхозом всего было закреплено 12482 га земли на вечное пользование, из них 415,5 гектара земли было отведено под хлопчатник.

Ярким примером роста общественного хозяйства в укрупненном колхозе может служить сельхозартель им. Ленина Ходжентского района, где 52 мелких колхоза объединились в 13 сельхозартелей. В результате укрупнения административно-управленческий аппарат в колхозах сократился на 116 единиц. Только эта мера давала возможность сэкономить до 80 тыс. трудодней в расчете на год [5, с. 117].

Укрупненный колхоз-миллионер им. Ворошилова Ленинабадского района, например, объединил 22 мелких артели общей площадью около 11 тыс. га земли, из них под хлопчатник - 1913 га, под зерновыми культурами - 5500 га, садами и виноградниками-1000 га, огородными и бахчевыми культурами -180 га. В колхозе насчитывалось 76 производственных бригад, в их числе 48 хлопковых, 6 зерновых и 22 садоводческих и огороднических [1, с. 54].

Большое внимание в этой сельхозартели уделялось общественному животноводству. Общее поголовье скота здесь достигло 88 440 голов. Годовой план развития животноводства за 1953 год, например, был перевыполнен: по росту поголовья лошадей - на 49 %, овец - на 16 %, коз – на 22 %, верблюдов – на 11 %. В колхозе успешно развивались птицеводство и пчеловодство, план сдачи государству продукции животноводства-мяса, молока, шерсти, кожи - был значительно перевыполнен. Для развития животноводства создавалась прочная кормовая база. Только в 1953 году в колхозе было заготовлено различного вида кормов для скота 22 490 тонн, клевера-свыше 400 тонн, сверх плана было заготовлено около 4000 тонн различных кормов. На пастбищах и в местах зимовки скота были устроены скотные дворы, подсобные помещения, колодцы, трубопроводы, зооветеринарные пункты, лаборатории; построено два механизированных коровника: в Ок-Тепе - на 100 голов и в Сумгане - на 80 голов скота [4, с.15].

После укрупнения колхозов в 1950-1958 годах колхозы и совхозы стали крупными, многоотраслевыми, экономически крепкими и высокодоходными хозяйствами, МТС также были крупными хозяйствами, оснащенными современной техникой. Руководить ими могли только достаточно опытные и образованные работники, хорошо знающие современную сельскохозяйственную технику, экономику производства, умеющие заглядывать вперед, способные организовать массы на решение задач, выдвигаемых жизнью, практикой.

Партийными и советскими органами в северных районах Таджикистана в процессе укрупнения колхозов была проделана огромная работа по улучшению подбора кадров для сельскохозяйственного производства. Лучшие председатели колхозов были избраны председателями укрупненных колхозов. Например, к марту 1952 г. 90% председателей укрупненных колхозов Ленинабадской области были подобраны за счет ранее работавших

председателей колхозов, проверенных на практических делах на протяжении многих лет, и только 105 избрано председателями вновь [16, с.18]. В результате этого выросли замечательные руководители колхозов, совхозов и МТС. Они наладили в своих хозяйствах образцовый порядок, максимально использовали современную технику, достижения науки и передовой опыт и добивались замечательных результатов.

Партийные организации Таджикистана, укрепляя решающие участки сельскохозяйственного производства специалистами, хорошими организаторами, не ограничивались не только их расстановкой. Наряду с этим проводилась работа по повышению деловой и политической подготовки кадров. Так, при Науском райкоме партии ежемесячно организовывался день специалиста, на котором читались квалифицированные лекции и доклады на специальные, научно-технические и общественно-политические темы, осуществлялся обмен опытом в работе. Руководящие колхозные кадры обучались в народном университете сельскохозяйственного института.

Основной формой организации труда в укрупненных хозяйствах являлась бригада. Бюро ЦК КП(б) Таджикистана 7 июня 1950 года приняло постановление об укреплении бригад и повышении роли бригадиров. В целях улучшения организации труда колхозам было рекомендовано всемерно укреплять постоянные производственные бригады и создавать заново звенья внутри бригад с закреплением за ней пропашных, технических, овощных культур и семенных участков. Бригаду отныне принято было считать основной формой организации артельного труда, закреплять за ними земельные участки на срок не менее полного севооборота, сенокосные угодья, рабочий скот, сельскохозяйственные и тракторные машины. В укрупненном хозяйстве бригада являлась основным производственным участком, она давала возможность правильно и производительно использовать землю, машины, достижения передовой сельскохозяйственной науки. Правильная организация труда привела к снижению его затрат на единицу производимой продукции и к повышению норм выработки. Если в 1948 г. на производство одного центнера хлопка-сырца в Таджикской ССР затрачивалось 130 трудодней, в 1951 г. – 11,2, то в 1952 г. - 10,3 трудодня [16, с.19].

Укрепление дисциплины и четкая организация труда в бригадах и звеньях способствовали повышению активного участия колхозников в общественном производстве. Количество членов сельхозартелей, занятых в колхозном производстве, увеличилось в 1952 г. на 10% по сравнению с 1948 г., возросла средняя выработка трудодней на одного колхозника, принимавшего участие в общественных работах [4, с.161]. Бригадная форма организации труда в крупном колхозе дала возможность наиболее правильно использовать колхозников на тех или иных участках производства в соответствии с их квалификацией и опытом.

Укрупнение сельхозартелей повышало роль и машинно-тракторных станций (МТС) - решающей силы в деле подъема всех отраслей сельского хозяйства, открывало возможности для более широкого внедрения в производство достижений передовой науки и техники. В целях развития производительных сил в сельском хозяйстве, Министерство сельского хозяйства Республики Таджикистан и его органы на местах обязали комплектовать тракторные бригады в начале года и закреплять за ними необходимые машины и инвентарь. До начала полевых работ до сведения трактористов, организованных в тракторные бригады, должны были доводиться все необходимые данные о нормах выработки, расхода горючего, графики проведения технического ухода за машинами, плановые задания по урожайности тех или иных культур.

Уже в 1950 году вся механизация трудоемких работ в колхозах осуществлялась МТС, которые располагали богатой техникой. Тракторный парк республики в 1953 г. насчитывал 7093 трактора, 303 комбайна, 2341 сеялку всех марок, 1925 культиваторов. В довоенные годы такие трудоемкие работы в хлопководстве, как основная глубокая пахота и сев, были механизированы только наполовину, в 1953 г. они были механизированы полностью [3, с.38].

Большую помощь хлопкоробам Ленинабадской области оказали коллективы рабочих и специалистов МТС. Так, была налажена бесперебойная работа землеройной техники. В 1950-1952 гг. более половины всех трудоемких работ в колхозах выполнялись механизмами МТС. В отдельных районах области, в частности Исписарском, Ленинабадском, Пролетарском, Науском, Исфаринском, Канибадамском и некоторых других районах Ленинабадской области, доля выполнения землеройных и планировочных работ техникой МТС составляла от 65 до 85 % [8, с.163].

Так, Исписарская МТС Ленинабадской области обслуживала 14 колхозов, среди них были колхозы им. Сталина, Димитрова, 1 Мая, Ленина, Молотова, Горького и др. Для обслуживания этих колхозов в Исписарской МТС были организованы 19 тракторных бригад, в составе которых было от 8 до 18 трактористов. Средняя нагрузка посевной площади на 1 трактор составляла 186 га земли. Процент механизации сева хлопчатника составлял 87 %, и процент механизации культивации хлопчатника составил 79%. [17, с.15]. Все тракторные бригады были обеспечены передвижной кухней и освещением для ночных работ. Это позволило увеличить объем механизации в отдельных отраслях сельского хозяйства. Уже в 1950 г. объем тракторных работ в хлопководстве был выполнен на 50 тыс. га больше, чем в предыдущие годы [14, с.85].

Доходы Науского района по сравнению с 1940 годом выросли в 7 раз. По сравнению с 1940 годом урожайность хлопчатника увеличилась на 7 %. За каждый трудодень колхозник получал от 20 до 35 рублей деньгами, кроме зерна [11, с.264].

К 1950 г. был уже превзойден довоенный уровень технической оснащенности сельского хозяйства как тракторами, так и другими видами машин, при этом рост технической оснащенности сопровождался и качественным улучшением машинно-тракторного парка. Была расширена сеть МТС, которые снабжались тракторами большой мощности и усовершенствованными сельскохозяйственными орудиями, что позволило более качественно проводить полевые работы. Место колесных тракторов, при помощи которых можно было обрабатывать почву на глубину не более 25-27 см, заняли гусеничные, имеющие до 80 л.с. и способные углубить рыхлый слой почвы до 40 см [2, с. 41].

Увеличение числа тракторов, плугов, культиваторов и других сельхозмашин и орудий значительно повысило удельный вес механизированных работ в сельскохозяйственном производстве. Улучшались показатели использования сельскохозяйственной техники. Так, на один 15-сильный трактор было выполнено сельскохозяйственных работ в 1950 г. 207 га против 123 га в 1945 г. [13, с. 360].

Организационно-хозяйственное укрепление колхозов, а также рост технической оснащенности МТС квалифицированными кадрами и их деловой квалификации способствовали дальнейшему повышению уровня механизации сельскохозяйственных работ. В 1958 г. в хлопководстве она достигла по вспашке-100, сеvu-99,4, культивации-92,6, внесению удобрений-76,6, нарезке поливных борозд-87,2% [3, с.18].

Следует отметить, что успехи в развитии сельского хозяйства, и прежде всего хлопководства, в послевоенные годы стали возможны потому, что советские и партийные организации Таджикистана уделяли исключительно большое внимание этому участку

работы. На пленумах ЦК Компартии республики систематически рассматривались вопросы о подготовке и проведении сева и уборки хлопка и других сельскохозяйственных культур, о ходе выполнения социалистических обязательств и организационно-хозяйственном укреплении колхозов.

В послевоенные годы восстанавливались и развивались животноводство, шелководство и другие отрасли сельского хозяйства, которые также способствовали повышению материального благосостояния трудящихся.

Таким образом, можно заключить, что в годы послевоенных пятилеток в республике была проведена большая работа по организационно-хозяйственному укреплению колхозов. Укрупнение колхозов, продолжавшееся в 50-годы XX века, стало важным этапом в колхозном строительстве.

Укрупнение колхозов основывалось, во-первых, на дальнейшем обобществлении основных колхозных средств производства и труда, и, во-вторых, на укрупнении земельных участков. Оно позволило привести соответствие размеры земельной площади колхозов с достигнутым уровнем развития производительных сил, прежде всего с успехами в области технического прогресса. Этим были созданы благоприятные условия как для более правильной организации производства, так и для повышения экономической эффективности использования машинной техники и роста производительности труда в сельском хозяйстве.

Как показал опыт колхозного строительства в Республике Таджикистан в послевоенные годы, в крупных сельхозартелях общественное хозяйство развивалось успешнее, производительнее использовалась сельскохозяйственная техника (тракторы, комбайны, автотранспорт и другие машины). В укрупненном хозяйстве основным производственным участком являлась производственная бригада, она давала возможность правильно и производительно использовать землю, машины, достижения передовой сельскохозяйственной науки. Создавались более благоприятные условия для развития хлопководства и других отраслей сельскохозяйственного производства республики, высокопроизводительного использования техники на больших земельных массивах, улучшения агротехники обработки земли, для более широкого внедрения достижений сельскохозяйственной науки и передового опыта в производство. Укрупнение, вскрывшее огромные возможности сельскохозяйственного производства страны, способствовало более эффективной организации труда в общественном хозяйстве и укреплению колхозов кадрами. Колхозы и совхозы северных районов Таджикистана значительно окрепли как в организационном, так и в хозяйственном отношении.

Значительно повысилась производительность труда, что привело к увеличению доходов сельхозартелей. В 1958 г. неделимые фонды колхозов республики по сравнению с 1950 г. увеличились в 5 раз, а денежные доходы - в 4,2 раза [13, с.441]. В республике выросли новые замечательные квалифицированные кадры колхозного производства, мастера земледелия, животноводства, механизации, умело использовавшие новейшую сельскохозяйственную технику и методы передовой агробиологии. Осуществление мероприятий по организационно-хозяйственному укреплению колхозов обеспечило подъем на новую ступень экономики республики, материального благосостояния и культуры таджикского народа.

Список использованной литературы:

- 1. Богомолова К.А. Из истории борьбы нашей партии за организацию и укрепление колхозов.- Сталинабад,1954.- С. 78-80.*

2. Ермолаев Н., Шифрин М. Механизация сельского хозяйства Таджикистана// Сельское хозяйство.-№ 10,1954.-С.38 -45.
3. Иванов Ф.Н. Из опыта работы Компартии Таджикистана по организационно-хозяйственному укреплению колхозов (1946-1966 гг.).-Душанбе: Ирфон,1974. -125 с.
4. Каршиев Д.К. Компартия Таджикистана в борьбе за подъем материального благосостояния колхозного крестьянства. -Душанбе:Ирфон.-50 с.
5. Козачковский В. Таджикская ССР в первой послевоенной пятилетке(1946-1950 гг.) //Материалы к истории таджикского народа в советский период. - Душанбе,1954. - 443с.
6. Коммунист Таджикистана.-1948.-4 сент.
7. Коммунист Таджикистана.-1950.-22 декабря.
8. Миронов Н.И. Борьба Компартии Таджикистана за мелиорацию и механизацию в хлопководстве (1945-1965 гг.).-Душанбе:Дониш,1975.- 226 с.
9. Народное хозяйство Таджикской ССР в 1962 г.// Стат. Ежегодник.-Душанбе,1963.-345 с.
10. Очерк истории колхозного строительства в Таджикистане (1917-1965 годы). - Душанбе: Дониш,1968.-432 с.
11. Очерки истории Коммунистической партии Таджикистана.-Душанбе:Ирфон,1965.- 430 с.
12. Очерки истории Коммунистической партии Таджикистана (1938-1983гг.). - Т.2, - Душанбе: Ирфон,1984.-505 с.
13. Очерк истории народного хозяйства Таджикистана (1917-1965 гг.). - Душанбе:Дониш.-493 с.
14. Скоробогатов И.М. Компартия Таджикистана в послевоенный период (1945-1953 гг.). -Душанбе,1963.-150 с.
15. Таджикская Советская Социалистическая Республика: Таджикская советская энциклопедия.-Душанбе,1984.- 236 с.
16. Яхьяев М. Борьба трудящихся Таджикистана за восстановление и развитие народного хозяйства республики (1945-1953 гг.) // Уч.зап. ГПИИШ. Сер. обществ.наук.- т.26,вып.4,1961.-с.17.
17. ЛФ ЦГА РТ,ф.51,оп.1,ед.хр.56.
18. ЛФ ЦГА РТ,ф. 187, оп 6.ед.хр.58.
19. ЛФ ЦГА РТ,ф.322,оп.1,ед.хр.11.
20. ЛФ ЦГА РТ,ф.696 ,оп 4,ед.хр.32.

Reference Literature:

1. Bogomolova K.A. From the History of our Party Combat for Organization and Consolidation of Collective-Farms. – Stalinabad, 1954.- PP. 78-80.
2. Ermolayev N., Shifrin M. Mechanization of Tajikistan's Agriculture // Agriculture. #10, 1954. – pp. 38 - 45.
3. Ivanov F.N. From the Experience of Tajikistan Communist Party Work in Reference to Organizing-Economic Consolidation of Collective-Farms (1946 - 1966). - Dushanbe: Cognition. – 125 pp.
4. Karshiyev D.K. Tajikistan Communist Party in Combat for Upsurge of Material Welfare Growth in Regard to Collective-Farm Peasantry. - Dushanbe: Cognition. – 50 pp.

5. *Kozachkovsky V. Tajik SSR in the first Period Post-War Five Years Plan (1946 - 1950) / Materials related to the history of the Tajik people during the Soviet period. – Dushanbe, 1954. – 443 pp.*
6. *Communist Tajikistana (Communist of Tajikistan). September 4, 1954.*
7. *Communist Tajikistana (Communist of Tajikistan). December 22, 1950.*
8. *Mironov N.I. Tajikistan Communist Party Combat for Melioration and Mechanization of Cotton-Growing (1945 - 1965). - Dushanbe: Knowledge, 1975. – 266 pp.*
9. *National Economy of Tajik SSR in 1962 / Statistical Annual. – Dushanbe, 1963. – 345 pp.*
10. *Essays on the History of Collective-Farm Building in Tajikistan (1917 - 1965). - Dushanbe: Knowledge, 1968. – 432 pp.*
11. *Essays on the History of Tajikistan Communist Party.– Dushanbe: Cognition, 1984. – 430 pp.*
12. *Essays on the History of Tajikistan Communist Party (1938 - 1983). – V.2. - Dushanbe: Cognition, 1984. – 505 pp.*
13. *Essays on the History of National Economy of Tajikistan (1917-1965). - Dushanbe: Knowledge, – 493 pp.*
14. *Skorobogatov I.M. Tajikistan Communist Party in the Post-War Period (1945-1953). - Dushanbe, 1963. – 150 pp.*
15. *Tajik Soviet Socialist Republic: Tajik Soviet Encyclopedia. - Dushanbe, 1984. – 236 pp.*
16. *Yakhyayev M. Tajikistan Working People's Combat for Restoration and Development of National Economy of the Republic (1945-1953) // Scientific Notes of GPISH. Series of Social Sciences. V.26, Issue 4, 1961. – p. 17.*
17. *Leninabad Filial of RT Central State Archive (CSA). Fund 51, inventory 1, registration number 56.*
18. *Leninabad Filial of RT Central State Archive (CSA). Fund 187, inventory 6, registration number 58.*
19. *Leninabad Filial of RT Central State Archive (CSA). Fund 322, inventory 1, registration number 11.*
20. *Leninabad Filial of RT Central State Archive (CSA). Fund 696, inventory 4, registration number 32.*

УДК 930
ББК 63.1 (2Т)

**К ВОПРОСУ ОБ
ИСТОРИОГРАФИИ ВНЕШНЕЙ
ПОЛИТИКИ РЕСПУБЛИКИ
ТАДЖИКИСТАН**

Солиходжаева Саидахон Анварходжаевна,
соискатель кафедры международных
отношений Таджикского государственного
университета права, бизнеса и политики
(Таджикистан, Худжанд)

**TO THE ISSUE OF THE
HISTORIOGRAPHY OF FOREIGN
POLICY OF TAJIKISTAN REPUBLIC**

Solikhoyayeva Saidahon Anvarhodjaevna,
claimant for candidate degree of the department
of the international relations under the Tajik State
University of Law, Business and Politics
(Tajikistan, Khujand)

E-MAIL: saidakhon_89@mail.ru

Ключевые слова: внешняя политика, сотрудничество, независимость, приоритеты, международные организации, дипломатия, суверенитет

В статье исследуется история формирования и становления внешней политики Республики Таджикистан. Анализируются труды таджикских ученых, посвященные основным этапам формирования внешней политики. Отражена деятельность президента страны по формированию и становлению внешней политики страны. Освещается историография сотрудничества РТ с ОБСЕ. Определены основные этапы историографии внешней политики Республики Таджикистан. В заключении автором делается вывод, что опубликованная в 1991-2012 годах литература положила начало историографии вопросов внешней политики Республики Таджикистан.

Key words: foreign policy, cooperation, independence, priorities, international organization, diplomacy, sovereignty

The article dwells on the history of formation and establishment of foreign policy. The author analyzes the Tajik scientists' works devoting to principal stages in reference to foreign policy formation. The activities of the country's president on both the formation and establishment of foreign policy are reflected. She elucidates the historiography of Tajikistan Republic cooperation with Organization of Security and Cooperation of Europe (OSCE). Specific stages of the historiography of foreign policy of Tajikistan Republic are determined. The author of the article comes to the conclusion that the literature published in the period of the 1990-ies-2010 - ies put the beginning of the historiography of the issues concerned with the foreign policy of Tajikistan Republic.

Обретение Таджикистаном независимости в сентябре 1991г. открыло перед республикой перспективы широкой интеграции в мировое сообщество. Провозглашение Декларации о государственной независимости заложило основы формирования внешнеполитического курса независимого Таджикистана. Принятая декларация явилась первым законодательным документом в области внешней политики, в котором была провозглашена приверженность Таджикистана общепризнанным принципам международного права.

Внешняя политика Республики Таджикистан основана на положениях Конституции, Декларации о государственной независимости, нормах международного права, приверженности целям и принципам ООН и ОБСЕ.

После обретения независимости Таджикистан стал самостоятельным субъектом международной политики, что обусловило необходимость определения основных приоритетов внешнеполитического курса страны. Формирование подходов внешней политики Таджикистана проходило на сложном и ответственном этапе становления нового мирового порядка. Главной задачей этого этапа было формирование международно-правовой базы сотрудничества с другими странами, как на двусторонней основе, так и в многостороннем формате. Наряду с этим и в процессе наработки определенного опыта дипломатической деятельности, на первый план вышла задача формирования механизма обеспечения стратегических национальных интересов за рубежом.

В условиях становления государственного суверенитета приходилось принимать нелегкие решения. Они содействовали вхождению нашей страны в мировое сообщество в качестве субъекта международного права и отношений, что являлось задачей огромной исторической важности. Становление внешней политики Республики Таджикистан сопровождалось огромными трудностями объективного и субъективного порядка.

Республика Таджикистан испытывала серьезные трудности в поисках механизмов осуществления внешней политики. Сложность становления внешней политики государства состояла в том, что этот процесс начинался практически с нуля. У Таджикистана фактически не было полноценных традиций внешнеполитической деятельности в советский период. А принципы советской дипломатии не подходили по причине несовместимости с ее идеологией, целями и задачами. С другой стороны, наступившее после распада СССР состояние неопределенности и нестабильности поставило перед государственным руководством Таджикистана сложную задачу адаптации к новой геополитической ситуации и выработки внешнеполитических приоритетов, которые соответствовали бы новым региональным и глобальным политическим, экономическим и духовно-культурным условиям и реальному месту суверенного Таджикистана в мировом сообществе.

Внешняя политика Таджикистана успешно прошла стадию становления и прочно утвердилась в качестве неотъемлемого элемента государственной политики в новых исторических и геополитических условиях, всемерно способствуя определению достойного места республики в мировом сообществе.

Историография возникновения и становления внешних связей Республики Таджикистан в отечественной научной и исторической литературе освящена недостаточно и отсутствуют комплексные обобщающие труды по этой проблеме. Исследование темы в таком плане проводится впервые. Изучение имеющейся литературы, отражающей процесс становления и развития внешней политики страны, показывает, что история международных отношений Республики Таджикистан является сравнительно новой сферой научных исследований ученых Таджикистана.

Первыми основополагающими трудами, в которых рассматривались международные отношения суверенного Таджикистана, стали работы ученых З. Саидова, А.Шарипова, А.Сабурова, К. Юлдашева, М. Тоштемирова. Заслугой указанных авторов можно считать то, что благодаря им был собран огромный фактический материал по внешней политике и международным отношениям суверенной Республики Таджикистан. В своих работах они показали, что формирование принципов внешней политики Таджикистана проходило на сложном и ответственном этапе становления нового миропорядка.

Заслуживает внимания исследователей истории внешней политики Республики Таджикистан также работа Карима Юлдашева «Эмомали Рахмонов – основатель дипломатии и внешней политики суверенного Таджикистана»[14].

Несмотря на то, что в этой книге затронуты лишь некоторые стороны международной деятельности Республики Таджикистан в период установления суверенитета, тем не менее, этот материал позволяет судить об основных тенденциях ее внешней политики на рубеже столетий. Так, в работе освещаются те трудности, с которыми сталкивалось независимое государство при формировании внешней политики. В частности отмечается, что формирование самостоятельной внешней политики Республики Таджикистан было одним из новых и практически неизведанных направлений деятельности правительства. В условиях тоталитарной системы Таджикистан был лишен возможности прямого и открытого выхода на международную арену, не обладал внешнеполитическими государственными инструментами и необходимым корпусом своих дипломатов, специалистов по внешним связям. Республика, как и её предприятия, была лишена возможности самостоятельно устанавливать прямые внешние связи, постоянно ощущала на себе жесткий пресс монополии центра. Автор отмечает, что за все годы Советской власти в дипломатических учебных заведениях МИД Союза ССР прошли подготовку, а затем работали в его центральном аппарате или загранучреждениях из числа лиц таджикской национальности или выходцев из Таджикистана не более 10 человек. В своем большинстве это были бывшие работники партийных и советских органов республики, которые после окончания Дипшколы (до 1978 г.), а затем Дипакадемии в основном направлялись на работу в советские посольства. Московский государственный институт международных отношений (МГИМО) молодежи из Таджикистана практически не был доступен. Обретение Таджикистаном независимости в сентябре 1991г. открыло перед республикой перспективы широкой интеграции в мировое сообщество.

Различные фазы развития внешнеполитического процесса суверенного Таджикистана нашли творческое воплощение в совместной работе Зафара Саидова и Абдунаби Сабурова, которые характеризуют основные события внешней политики. В работе содержится подробная хроника внешнеполитической деятельности Республики Таджикистан в средствах массовой информации в период 1993-1995 гг. [5]. Недостатком этой работы является то, что в ней в основном содержится констатация фактов, отсутствуют анализ и выводы. В отличие от неё, в книге «Таджикистан на рубеже тысячелетий: реализация национальных интересов на международной арене», написанной З. Саидовым в соавторстве с Абдунаби Сабуровым, дается подробное историческое описание и трактовка основных событий и фактов внешнеполитической деятельности, проводимой в РТ во главе с Президентом Республики Таджикистан Эмомали Рахмоном в 1992-2005 годах.[11].

Эти годы вошли в политическую историю Таджикистана как время, богатое важными событиями, связанными с закреплением достижений государственной независимости и дальнейшим ростом авторитета страны на международной арене.

Здесь необходимо отметить одного из ведущих специалистов по внешней политике Республики Таджикистан, Зафара Саидова. Его научный интерес был обращен к различным фазам развития внешнеполитического процесса суверенного Таджикистана: 90-е годы минувшего столетия [7], первое десятилетие XXI века [8], а также описание внешнеполитической деятельности Президента РТ Эмомали Рахмона [10]. Заслуга автора заключается в том, что им была впервые предпринята попытка проанализировать основные аспекты такого ключевого направления внешнеполитической деятельности

Республики Таджикистан, как двусторонние отношения с зарубежными государствами с 1992-го по 1998 гг. [6].

Это автор и составитель ряда книг о многогранной деятельности Президента страны Эмомали Рахмона на посту главы государства: «Рахмонов-человек и политик», «Внешняя политика Президента Рахмонова», где в наиболее полном виде отражена вся сложность становления внешней политики Республики Таджикистан, в которой принял личное участие Президент страны Эмомали Рахмон [10].

Отношениям Республики Таджикистан на международной арене в период с 2000 по 2004 годы посвящена монография З.Саид-зода «Внешняя политика Таджикистана в период его становления как суверенного независимого государства (1992-2004 гг.)» [7]. В данной работе дается подробное историческое описание всех основных событий и фактов внешнеполитической деятельности после завершения начального периода становления внешнеполитических ориентиров суверенного государства Таджикистан. Данная книга представляет собой доработанный вариант ранее изданной монографии под названием «Основные тенденции внешней политики Республики Таджикистан на рубеже столетий (1992-2004 гг.)» [11]. Подробное историческое описание всех основных событий и фактов внешнеполитической деятельности Президента Республики Таджикистан дается в книге З. Саидова «Внешняя политика Таджикистана в условиях глобализации» [6].

Главная особенность опубликованных работ Зафара Саид-зода состоит не только в фактологическом изобилии и полноте, но и в том, что, изучив их, можно ясно понять причины и характер эволюции внешней политики Республики Таджикистан на рубеже столетий и в первые годы нового, XXI века. В то же время в этих работах содержится достоверный исторический материал, который раскрывает основные тенденции внешней политики Таджикистана в начальный период его становления как суверенного независимого государства - в сложные и многотрудные 90-е годы минувшего столетия. Автор многочисленных работ по социальной философии, новейшей истории страны, внешней и инфомационно-имиджевой политике Республики Таджикистан, Зафар Саид-зода длительное время работал руководителем департамента информации МИДа РТ, пресс-секретарем Президента республики, директором информационного агентства «Ховар», а с февраля 2008 г. он старший советник Президента Республики Таджикистан по внешним связям.

Истории и развитию традиций дипломатических отношений в древней Средней Азии и в современном Таджикистане посвящены отдельные разделы трудов таджикских ученых Б.Г. Гафурова, Н.Негматова, Т.Назарова, Х. Зарифи, А.Саттор-зода, Р.Алимова и др. Среди них особое место занимает работа Н. Негматова «Концепция истории дипломатии таджикского народа», в которой определяется специфика дипломатии таджикского народа средневекового периода. Имеются и специальные исследования, посвященные проблемам международных отношений и отдельным аспектам дипломатической службы, таких авторов, как Сангинов, Э.Рахматуллаев, И.Усмонов, З.Саидов, К.Юлдашев, Р.Мирзоев, А.Сабуров.

Определенное место в историографии внешней политики занимают труды, статьи и выступления Президента Таджикистана Эмомали Рахмона, в которых отражены основные достижения таджикского народа в начальные годы независимости, определяются основные направления внешней политики и дипломатической службы Таджикистана. Так, в работе «Таджики в зеркале истории» оценивается роль Великого Шелкового пути как моста между прошлым, настоящим и будущим. Называя Бактрию и Согд колыбелью

первого государства таджиков, он практически во всех государственных формированиях выделяет раннюю дипломатию таджикского народа[4].

Необходимо отметить, что в конце 90-х годов XX в. внешняя политика, будучи целостным явлением, достигла достаточно полного самовыражения. Внешнеполитический курс Республики Таджикистан, основанный на строгом выполнении международных обязательств, характеризуется заинтересованностью и стремлением республики к дальнейшему развитию и углублению взаимовыгодного и равноправного сотрудничества с иностранными государствами и международным сообществом в целом по широкому спектру вопросов. Кроме того, именно в этот период произошел ряд событий, ознаменовавших рост международного авторитета политической и миротворческой деятельности Президента РТ Эмомали Рахмона. В 1999 г. он первым из глав государств СНГ был удостоен чести председательствовать на пленарном заседании 54-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН и первый среди политиков в мире награжден «Золотой звездой» Альберта Швейцера. Ему был вручен Международный «Приз Мира-99».

Подробное историческое описание и трактовка всех основных событий и фактов внешнеполитической деятельности Президента Республики Таджикистан Эмомали Рахмона в 1992-2003 годах дается очередной в работе З. Саидова и А. Сабурова [11]. Эти годы войдут в политическую историю Таджикистана как время, богатое важными событиями, связанными с закреплением достижений государственной независимости и дальнейшим ростом авторитета страны на международной арене.

Авторы подчёркивают особую роль во внешней политике Президента страны Эмомали Рахмона, который, будучи не только руководителем, но и основоположником внешней политики суверенного государства Таджикистан, проводит самостоятельный и конструктивный политический курс во внешних делах. Именно Президент Республики Таджикистан Э.Рахмон предпринял первые крупные шаги в плане расширения взаимовыгодных двусторонних отношений как со странами СНГ, так и дальнего зарубежья, что в политическом аспекте позволило добиться заметного потепления в отношениях мирового сообщества к конституционному руководству страны и понимания его позиции по ключевым вопросам вывода страны из внутривнутриполитического кризиса. В работе отмечается, что внешняя политика РТ, проводимая под руководством Президента страны Э. Рахмона, максимально прозрачна и учитывает законные интересы других государств, для неё характерны последовательность, соображения взаимовыгодного прагматизма и предсказуемость. В связи с этим важно отметить ставшие традиционными ежегодные Послания Президента Республики Таджикистан Маджлиси Оли, в которых озвучиваются важнейшие направления и аспекты внутренней и внешней политики.

Труды бывших и нынешних руководителей и сотрудников МИД Республики Таджикистан, где анализируются важные аспекты проблем международных отношений и дипломатической службы, также являются источниками по историографии внешней политики Республики Таджикистан. Авторами публикаций 90-х 2000-х годов, освещавших процесс становления и развития внешней политики, были в основном работники государственных и внешнеполитических ведомств, которые принимали самое активное участие в разработке её концепции. Поэтому они позволяют определить достаточно точную картину политического и, экономического положения суверенного Таджикистана, выяснить, по каким критериям оно развивалось. В частности, в трудах бывшего Министра иностранных дел РТ, известного ученого-экономиста, академика АН РТ Т.Н. Назарова отражены отличительные особенности внешней политики Таджикистана - многовекторность и сбалансированность, требующие оптимального сочетания усилий по

всем направлениям. Современное состояние и аспекты международных отношений освещены в книге Т.Назарова и И.Саттарова «Дипломатияи муносири тоҷик» («Современная таджикская дипломатия») [3]. В 2010 г. вышла в свет книга Министра иностранных дел Хамрохона Зарифи «Многовекторная дипломатия Таджикистана», в которую включены статьи, интервью, хроники встреч и визитов [2].

Восстановление мира и национального единства в стране создало благоприятные условия для более активного включения Таджикистана в деятельность международных организаций, внесения им посильного вклада в практическую реализацию этих интересов, и прежде всего в решение важнейших общечеловеческих проблем. В частности, оно позволило руководству республики выдвигать и добиваться реализации инициатив, имеющих важное значение для всего человечества. Самой значительной из подобных инициатив стало выдвинутое на 54 сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1999 г. предложение Президента страны Эмомали Рахмона по провозглашению 2003 г. Международным годом пресной воды [12]. В контексте поставленной проблемы особое место занимают труды, посвященные сотрудничеству Таджикистана с международными организациями, где внимание было уделено также изучению проблем взаимодействия Республики Таджикистан с ОБСЕ, ШОС, ООН на уровне международных организаций. В хронологическом списке членства Республики Таджикистан в международных организациях ОБСЕ значится первой. Определенный вклад в разработку данной проблемы внес экс-министр иностранных дел Хамрохон Зарифи, под общей редакцией которого была издана книга «Таджикистан - ОБСЕ: диалог сотрудничества». Выпуск этой книги был приурочен к весьма знаменательному событию-15-летию сотрудничества между Республикой Таджикистан и Организацией по Безопасности и Сотрудничеству в Европе. Книга представляет собой сборник статей людей, внесших весомый вклад в развитие сотрудничества между Таджикистаном и ОБСЕ, выступлений известных политиков, основополагающих документов ОБСЕ и фрагментов из ежегодных отчетов этой весьма представительной организации. Книга, где собраны материалы, рассказывающие и свидетельствующие о тесном сотрудничестве нашей страны с ОБСЕ, является первой попыткой публикации сборника материалов о сотрудничестве Таджикистана с ОБСЕ и деятельности её представительства в Таджикистане. Инициатор издания этой книги и автор статей, Министр иностранных дел Хамрохон Зарифи, проработавший длительное время Представителем РТ в ОБСЕ, сумел впервые отразить многогранную работу по совершенствованию взаимоотношений между Таджикистаном и ОБСЕ со дня основания Миссии ОБСЕ в Таджикистане, представить информацию высокой степени достоверности, так как по долгу службы он был очевидцем многих событий, поэтому основные события освещены в ней сравнительно объективно, что, несомненно, является огромным достоинством. Заслуга автора состоит в том, что им впервые был подготовлен и опубликован сборник статей, интервью, выступлений, хроник визитов и встреч Министерства иностранных дел, охватывающий период с декабря 2006 по апрель 2009 г., где собраны материалы, отражающие тесное сотрудничество нашей страны с ОБСЕ [2].

Таким образом, изучение имеющихся работ, а также обзор произведений периодической печати, дают основание утверждать, что зарождение историографии истории внешней политики произошло в период становления и формирования государственности и формирования внешней политики Республики Таджикистан.

Список использованной литературы:

1. Алимов Р., Лебедев М., Шарипова Дж. *Дипломатия Таджикистана*. - Душанбе: МИД РТ, 1994.-72 с.
2. Зарифи Х. *Таджикистан - ОБСЕ: диалог сотрудничества*. -Душанбе: Ирфон, 2009.- 352 с.; *Его же: Многовекторная дипломатия Таджикистана*. - Душанбе: Офсет, 2010.- 359с.
3. Назаров Т., Саттор-зода А. *Дипломатияи муосири тоҷик*. -Душанбе: Ирфон, 2006. - 224с.
4. Рахмон Э. *Таджики в зеркале истории*. -Душанбе:Ирфон,1996; *его же: Политика мира и созидания*.-Душанбе: Ирфон, 2009; *его же : Независимость Таджикистана и возрождение нации (в 8 т.)*. -Душанбе: Ирфон, 2006.
5. Сабуров А., Саид-зода З. *Таджикистан: внешняя политика и массовая информация (1993-1995 гг.)*. - Душанбе: Шарки Озод, 1997.-71 с.
6. Саидов З. *Межгосударственные отношения Республики Таджикистан в двустороннем формате*. - Душанбе: Авасто, 2001.-112 с.
7. Саидов З. *Внешняя политика Таджикистана в период его становления как суверенного независимого государства (1992-2004 гг.)*. - Душанбе: Контраст, 2009; *Его же: Внешняя политики Таджикистана в условиях глобализации*. - Душанбе: Авасто, 2004. – 592 с.
8. Саидов З. *Внешняя политика РТ на современном этапе (1992-2005 гг.)*- Душанбе, 2006.- 560 с.
9. Саидов З. *Политика открытых дверей*. -Душанбе, 2003. – 224 с.; *Его же: Внешняя политика Таджикистана в условиях глобализации*.- Душанбе: Авасто, 2004. - 590 с.
10. Саидов З. *Внешняя политика Президента Рахмонова*.-Душанбе: Авасто.-2000. – 176 с. *Его же: Внешняя политика Президента Рахмонова*.-Душанбе: Сарпараст, 2001.-396с. ;
11. Саидов З., Сабуров А. *Таджикистан на рубеже тысячелетий: реализация национальных интересов на международной арене*.-Душанбе: Деваитич, 2005. - 432 с.
12. Сотиров В. *ООН и Таджикистан: плодотворное взаимодействие и сотрудничество// Таджикистан и современный мир*. -2004.-№1(4).- С.13-15.
13. Тоштемуров М., Саидов З. *Президент Рахмонов: человек и политик*.- Алмата: КИТК, 1997.-79 с.; *Его же: Один год Президента Рахмонова: /По материалам российского информационного агентства «Интерфакс» за 1997 год./ Сост.: Саидов З.,Тоштемуров М. – Душанбе:Шарки озод, 1998.-122 с.;Его же: По меридианам дружбы. Политика открытых дверей Эмомали Рахмона*. - Душанбе: Шарки озод, 2010. -247 с.
14. Юлдашев К. *Эмомали Рахмонов – основатель дипломатии и внешней политики суверенного Таджикистана*.- Душанбе: Ирфон, 2001. - 95 с.

Reference Literature:

1. Alimov R., Lebedyev M., Sharipova Dj. *Tajikistan Diplomacy*. - Dushanbe: Tajikistan Ministry of Foreign Affairs (MFA), 1994. – 72 pp.
2. Zarifi Kh. *Tajikistan - Organization of Security and Cooperation of Europe (OSCE): Dialogue of Cooperation*. - Dushanbe: Cognition, 2009. – 352 pp.; *Multidirectional Diplomacy of Tajikistan*. - Dushanbe: Offset, 2010. – 359 pp.
3. Nazarov T., Sattorzoda A. *Modern Tajik Diplomacy*. - Dushanbe: Cognition, 2006. – 224 pp.
4. Rahmon E. *Tajiks in the Mirror of History*. - Dushanbe: Cognition, 1996; *Independence of Tajikistan and Revival of Nation (in 8 volumes)*. - Dushanbe: Cognition, 2006.

-
5. Saburov A., Sayidzoda Z. *Tajikistan: Foreign Policy and Mass Information (1993 – 1995)*. Dushanbe: Free East, 1997. – 71 pp.
 6. Saidov Z. *Interstatal Relations of Tajikistan Republic in Bilateral Format*. Dushanbe: Avesto, 2001. – 112 pp.
 7. Saidov Z. *Foreign Policy Of Tajikistan in the Period of its Formation as Sovereign Independent State (1992 – 2004)*. - Dushanbe: Contrast. - 2009; *Foreign Policy of Tajikistan under the Conditions of Globalization*. - Dushanbe: Avesto, 2004. – 592 pp.
 8. Saidov Z. *Foreign Policy of Tajikistan Republic at the Contemporary Stage (1992 – 2005)*. – Dushanbe, 2006. – 560 pp.
 9. Saidov Z. *The Policy of Open Doors*. – Dushanbe, 2003. – 224 pp.; *Foreign Policy of Tajikistan under the Conditions of Globalization*. - Dushanbe: Avesto, 2004. – 590 pp.
 10. Saidov Z. *President Rakhmonov's Foreign Policy*. – Dushanbe: Avesto, - 2000. – 176 pp.; *Ibidem. Sponsor*, 2001. – 396 pp.
 11. Saidov Z., Saburov A. *Tajikistan on the Junction of Millennia: Realization of National Interests on International Arena*. – Dushanbe: Devashtich, 2005. – 432 pp.
 12. Sotirov V. *UNO and Tajikistan: Fruitful Interaction and Cooperation // Tajikistan and Modern World*. – 2004. #1 (4). – pp. 13 – 15.
 13. Toshtemirov M.; Saidov Z. *President Rakhmon: Man and Politician*. – Almaty: KITK. 1997. – 79 pp.; *One Year of Rahmon's Presidency: / On the materials of «Interfax» Russian Informational Agency for 1997. / Compilers: Saidov Z., Toshtemirov M.* - Dushanbe: Free East. 1998. – 122 pp.; *Over Meridians of Friendship. The Policy of Open Doors of Emomali Rahmon*. - Dushanbe: Free East, 2010.- 247 pp.
 14. Yuldashev K. *Emomali Rahmon – the Founder of Diplomacy and Foreign Policy of Sovereign Tajikistan*. - Dushanbe: Cognition, 2001. - 95 pp.

УДК 94 (3)
ББК 63.3 (5 Иран)

ЗАВОЛИ СУЛОЛАИ САФАВИЁН ВА
БА САРИ ҲОКИМИЯТ ОМАДАНИ
НОДИРШОҲИ АФШОР

Назаров Довуд Алиевич,
сармутахассиси хадамоти давлатии
назорат дар соҳаи маориф
(Тоҷикистон, Душанбе)

ЗАКАТ ДИНАСТИИ СЕФЕВИДОВ И
ПРИХОД К ВЛАСТИ НАДИР-ШАХА
АФШАРА

Назаров Довуд Алиевич,
ведущий специалист государственной
службы надзора в области образования
(Таджикистан, Душанбе)

DECLINE OF SEFEVIDS` DYNASTY
AND RISING TO POWER OF
NODIRSHOKHI AFSHOR

Nazarov Dovud Aliyevich,
chief expert of the Statal Service on
Surveillance in the sphere of education
(Tajikistan Republic, Dushanbe),
E-MAIL:vestnik-tsulbp@mail.ru

Ключевые слова: история Ирана, династия Сефевидов, падение Сефевидов, приход к власти Афшаридов, военно-политическая ситуация, Хорасан, Средняя Азия, первая половина XVIII в.

Целью статьи является показ истории смены правящей династии в Иране в первой половине XVIII века. В работе раскрыта сложная история Ирана, и в особенности Хорасана исследуемого периода, когда произошли важные военно-политические события, связанные с падением династии Сефевидов и приходом к власти представителя племени Афшаридов – Надир-шаха. Автор статьи, используя письменные источники, всесторонне обобщил кризисные явления, феодальные и религиозные распри, которые происходили при последних правителях-Сефевидах, раскрыл причины и последствия нашествия афганцев и османских турков на территорию Ирана, проанализировал геополитические интересы России в Прикаспийском регионе, всесторонне обобщил сведения о борьбе иранского народа против иноземных захватчиков. В статье особое внимание уделено вопросам политической борьбы за центральную власть в Иране.

Key words: history of Iran, Sefevids` dynasty, decline of Sefevids, rising to power of Afsharids, military-political situation, Khoroson, Central Asia, the first half of the XVIII-th century

The author highlights the history of changes which took place within the ruling dynasty in Iran in the first half of the XVIII-th century. In his article the author discloses the complicated history of Iran; in particular, Khoroson referring to the period in question when an important military-political events connected with the decline of the dynasty of the Sefevids took place and rising to power of the representative of the tribe of Afsharids – Nodirshakh. Resorting to written sources he summarizes comprehensively crisis phenomena, feudal and religious dissensions which took place under the last governors of the Sefevids. The author reveals reasons and consequences of Afghans` and Ottoman Turks` invasion into Turbs invasijn the territory of Iran. D. Nazarov analyzes geopolitical interests of Russia in the coastal region of Caspiy; he summarizes the information concerned with the struggle of the Iranian people against foreigner invaders. Special attention is paid to the issues of political struggle for central power in Iran.

Сафавиён аз давлатҳои феодалии Эрон ба шумор рафта, аз ибтидои асри XVI то охири чоряки аввали асри XVIII дар ҳудудҳои Эрон, Озарбойҷон ва Арманистон ҳукмронӣ кардаанд. Тамоми заминҳои қаламрави давлатро шоҳ дар ихтиёри худ дошт.

Сиёсати шоҳони сафавӣ ба таҳкими ҳукумати марказӣ ва мубориза бар зидди нифоқҳои феодали равона гардида, давлат дар замони шоҳ Аббоси I муваффақиятҳои ҷангулодаи бузургеро ба даст овард. Фишори бераҳмонаи шоҳ нисбат ба ашрофи муктадири феодали-низомии қabilaҳои қизилбош ба хотима додани балвоҳои муқаррари феодали оварда расонид ва шароити нисбатан мусоидро барои тавсеаи иқтисодӣ фароҳам овард.

Вазъияти бӯҳрони давлати Сафавӣ аз замони ҳукмронии шоҳ Сулаймон (1666-1694) оғоз гардид ва ин чараён дар замони шоҳ Султон Хусайни Сафавӣ (1694 — 1722) авҷ гирифт. Сукути давлати Сафавӣ аз зиддиятҳои дохилии табақаи феодали ва рӯ гардонидани қисме аз онҳо аз шоҳони сафавӣ вобастагӣ дошт.

Ашрофони маҳаллии сарзаминҳои тасхиршуда ва вассали монанди Озарбойҷон, Арманистон, Гурҷистон ба сафи муҳолифон пайвастанд (1, с.52).

Ҳатто рӯхониёни суннимазҳаби Озарбойҷон, Афғонистон ва дигар ҷойҳо бар зидди Сафавиён бархестанд. Таъкиби сунниён сабаби норизоии онҳо шуд. Дар шароити зулму ситами мазҳабӣ, сиёсӣ ва иқтисодӣ феодалиҳои Арманистон, Доғистон, Гурҷистон, Қарабоғи Шарвон ва Афғонистон ба муборизоти истиклолхоҳонаи халқ ҳамроҳ мешуданд.

Оид ба инқирози давлати Сафавиён Дурӣ Афандӣ сафири султони Туркия Усмонӣ дар Эрон соли 1720 ҳангоми бозгашт ба ватанаш гузориш дода мегӯяд: «Давлате, ки замоне «шукуфону обод» буд, акнун умраш наздик ба поён аст» (5, с.51).

Яке аз музофотҳои шарқии давлати Сафавиён шаҳри Қандаҳор буда, он аз аввалинҳо шуда, аз ҳайати давлати Сафавиён баромад. Дар ин маҳал соли 1709 яке аз нерӯмандтарин қabilaи афгон, қabilaи ғилзоӣ шӯриш бардошт. Дар натиҷаи ин шӯриш Қандаҳор аз давлати Сафавиён ҷудо гардид ва дар соли 1717 амир Маҳмуд ҳокими он ҷо шуд. Дар охири соли 1721 ғилзоиён, ки гурӯҳҳои ҷудогонаи қabilaҳои дигари афгон ба онҳо пайваста буданд, дар якҷоягӣ бо қabilaҳои ғайриафгон бо сарвари Мир Маҳмуд ба самти ғарб лашкар кашиданд. Моҳи март соли 1722 онҳо пойтахти давлати Сафавиён шаҳри Исфahонро муҳосира намуданд. Дар натиҷа, санаи 22 октябри ҳамаи сол шоҳ Султон Хусайн ба урдуи амир Маҳмуд омада, мағлубияти худро эътироф намуд. Инчунин, тоҷи шоҳиро ба сари Маҳмуд гузошт. Аз он замон афгонон дар Форс ва Кирмону Ироқи Аҷам паҳн шуданд.

Дар Астаробод амалан Фатҳалихони Қочор ҳукумати мустақил дошт. Ин феодали муктадир ба Таҳмосп Мирзо, писари шоҳ Султон Хусайни Сафавӣ (июни соли 1722), ки аз муҳосираи Исфahон гурехта буд, паноҳгоҳ дод. Пас аз он ки амир Маҳмуд Исфahонро тасарруф намуд, Таҳмосп Мирзо худро шоҳи Эрон эълон намуд.

Дар давоми панҷ соли баъди аз даст рафтани қудрати сиёсии шоҳ Султон Хусайни Сафавӣ дар ин минтақа сиёсати хориҷии Туркия ва Русия ғайб гардид. Чӣ тавре, ки академик В.В.Бартолд таъкид мекунад: «Туркияи Усмонӣ аз заволи ҳокимияти форсҳо истифода бурда, меҳост бархе аз вилоятҳоро забт намояд ва чун дар асри XVI ҳокимияти худро барпо намояд» (2, с. 762).

Туркияи Усмонӣ кӯшиш менамуд ҳукмронии худро дар Шарвон ва минтақаҳои дигаре, ки аз давлати Сафавиён ҷудо шуда буданд, мустаҳкам созад.

Русия низ мавқеи худро дар минтақаи назди Каспӣ пурзӯр намуд. Дар он вақт Пётри I ба Эрон лашкар кашид. Қушуни Русия моҳи сентябри соли 1722 Дарбанд ва

соли 1723 Бокуро ишғол кард. Туркҳо бошанд баҳори соли 1723 Тифлисро гирифтанд. Ин вазъият шоҳ Таҳмоспро маҷбур мекард, ки бо Русия наздик шавад. Тибқи қарордоде, ки байни давлати Сафавӣ ва Русия баста шуд (сентябри соли 1723) Русия ваъда дод, ки дар ҷанг бар зидди афғонон ба Таҳмосп ёрӣ мерасонад. Бар ивази ин, шоҳ Таҳмосп мулкҳои забтнамудаи Русияро эътироф намуда, Гелон, Мозандарон, Астарободро ба ихтиёри Русия вогузошт. Русия ваъда дод, ки Эронро дар мубориза алайҳи қувваҳои марказгурези дохилӣ, таҷовузи афғонҳо ва туркҳо ҷонибдорӣ мекунад (3, с.78, 80-81). Аммо қўшуни Русия танҳо бо ишғоли Гелон қонё гардид.

Лашкаркашии Пётри I ба Эрон ва қарордоди соли 1723 муносибати Туркияро бо Русия тезутунд намуд. Бо вучуди ин, моҳи июни соли 1724 миёни Русия ва Туркия қарордод баста шуд. Султони турк он заминҳое, ки Русия тибқи қарордоди соли 1723 ба даст оварда буд, эътироф намуд ва Русия низ Кавказ ва шимолу ғарбии Эронро ҷузъи таркибии Туркия донист. Вобаста ба ин қарордод қўшуни султони Усмонӣ тамоми шимолу ғарбии Эрон, Озарбойҷон, Курдистон ва ҳатто бархе иёлот (Қазвин, Ардабил)-ро, ки дар қарордоди пешина набуд, ишғол намуд (1, с.57).

Ишғолгарони турку афғон ба Эрон харобихои зиёде оварданд. Муноқишаҳои байнихудии феодалони маҳаллӣ низ ба вазъияти иқтисодии ин давлат таъсири манфӣ расонид. Дар ин давр афғонони ғосиб дар миёни мардум таъягоҳе надоштанд. Чӣ қўшишҳои Мир Маҳмуд ва чӣ қўшишҳои ҷонишин ва писарамаки ӯ Мир Ашраф (соли 1725 баъди қўшта шудани Мир Маҳмуд ба сари қудрат омадааст) барои ҷалби ғимояи маъмурони давлат ва ашрофи қабилаҳои ҷодарнишин натавонистанд муваффақият ба даст оваранд. Ҳамчунин, шохони афғон натавонистанд тоҷирони эрониро (ба ҷуз зардуштиҳо) ба тарафи худ ҷалб кунанд. Шохони афғон маҷбур буданд, ки фақат ба қўшуни худ таъя кунанд. Ҳукумати афғонон дар Эрон бо истибдоди зулму зўрӣ ба роҳ монда шуда буд. Ин ҳукумат танҳо бо фишору зўрварӣ мавқеи худро нигоҳ медошт.

Ишғолгарони афғон тахти сарвариин Мир Ашраф маҷбур буданд, аз як сӯ бо шоҳ Таҳмосп ва Фатҳалихони Қочор (ҳокими Астаробод) ва, аз тарафи дигар, бо қўшуни Русия дар Гелон ва ишғолгарони Туркия низову кашмакаш намоянд.

Мир Ашраф дар ҷанг бо русҳо шикаст хӯрд. Инчунин таъйиқи Туркияи Усмонӣ торафт вусъат меёфт. Дар натиҷа, тибқи қарордоди 13 октябри соли 1727 Мир Ашрафи афғон ҳукумати султони Усмониро дар Озарбойҷон, Курдистон, Ҳузистон ва қисмате аз Эрони марказӣ ба расмият шинохт. Ин шикастҳо аз заифии қўшуни афғонон гувоҳӣ медод ва заминаро барои талоши баъдӣ он омода менамуд. Дар замони ҳукмронии Мир Ашраф дар натиҷаи ихтилофи ғилзоиёни қандаҳорӣ ва афғонони дар Эрон мустақар буда, нерӯи низомии афғонон хеле заиф гардид. Мир Ашрафро дар қатли Маҳмуд, бародари Ҳусейнхон, ҳокими Қандаҳор муттаҳам карданд.

Инчунин, ба суғташани мавқеи афғонон дар Эрон муборизаҳои озодихонаии гурӯҳҳои васеъ, шӯришҳои пай дар пайи халқӣ, чӣ кишоварзон ва чӣ аҳолии шаҳрҳо сабаб шуданд.

Халқи Эрон ватани худро дар мубориза ба муқобили ишғолгарони бегона дифоъ мекард. Оид ба масъала Шайх Муҳаммад Алиин Ҳазин мегӯяд: «Бисёр таъҷҷубовар аст, ки бархе қароъа дар арзи 7 соли фармонравии афғонон мартабан барои истиклоли худ мубориза мекунанд ва бо вучуди он ҳама қўшишҳои ишғолгарони афғон мардум ҳаргиз ба онон таслим нашуданд. Ба таври кулӣ афғонон ҳарчанд пирузӣҳое ба даст оваранд, вале ҳаргиз оромиш надоштанд ва пайваста дар ваҳшати ҳучуми раёё буданд (9, с.126).

Сарчашмаҳои хаттӣ далолат медиҳанд: қабл аз он, ки табақаи феодалони Эрон муборизаро бар зидди ишғолгарони бегона оғоз намоянд, мардуми одӣ мустақилона ба мубориза зидди аҷнабиён пардохтанд. Муборизаи халқ ғолибан дар либоси «иддаҳои дурӯғӣ» зоҳир мешуд (б. с.129). Масалан, дар миёни бахтиёриён шахсе бо номи Сайид Ҳусайн иддао кард, ки бародари шоҳ Султон Ҳусайн аст. Ӯ амалиёти худро дар минтақаи Исфаҳон оғоз кард. Сайид Ҳусайн дар ҷанг бо афғонон кушта шуд ва кӯшунаш торумор гардид. Ҷунбиши дигари зидди афғонӣ бо номи Махдии дуругин ва ҳаракати дигар бошад ба номи Саид Аҳмад Ҳамроҳ ба вуқӯъ пайваست. Сайид Аҳмад соли 1727 худро шоҳ хонд ва феодалону аъён ашроф ба номи ӯ ҳам хутба хонда, сикка заданд. Ӯ бо афғонон задухӯрдҳои зиёд намуд, натавонист Табрез, Кирмон ва Доробро тасарруф кунад, дар Шероз бо нокомиҳо рӯ ба рӯ шуд. Ӯ дар қалъаи Ҳасанобод ба муҳосираи кӯшуни сеҳазораи Мир Ашраф афтода, асир гардид ва дар Исфаҳон ба қатл расонида шуд.

Дар ҳамон замон Сӯфӣ Мирзо ном шахс низ худро писари шоҳ Султон Ҳусайн хонда, бахтиёрихоро ба мубориза бар зидди асоратгарони турку афғон даъват намуд. Қариб 20 000 нафар ҷамъ кард. Ӯ Шуштар, кӯҳи Гелуя, Хурамобод ва дигар шаҳрхоро тасарруф кард ва сипас худро шоҳ хонд. Фаъолиятҳои Сӯфӣ Мирзо Нодиркулиро ба ташвиш овард. Нодиркули номае ба хони бахтиёрии кӯҳи Гелуя навишт ва ёдовар шуд, ки иддаи Сӯфӣ Мирзо дурӯғ аст. Хонҳои бахтиёрӣ аз тавсеаи ин ҳаракат ба ҳарос афтоданд ва ӯро ба қатл расониданд.

Шахсе бо номи Шомил Каром, ки бо тоҷирӣ машғул буд, худро бародари шоҳ Султон Ҳусайн эълон намуда, зидди афғонҳо дар соҳили халиҷи Уммон ва Балучистон амалиётҳои ҷангӣ бурд. Дар Балучистон Шомил Каром оғаҳӣ ёфт, ки Мир Ашраф кӯшуни нисбатан бузурге барои сарқӯб намудани ӯ фириристодааст, маҷбур шуд, ки ба Ҳиндустон фирор намояд.

Аз муборизаи фаъоли халқҳои Эрон бар зидди ишғолгарон Нодиркулихон (Нодиршоҳ) - намояндаи авлоди қарқулуи қабилаи афшор истифода бурд. Нодиркули дар ибтидои даҳаи сеюми қарни XVIII дар Хуросон ба хидмати кӯшуни Бобоалибек (ҳокими Абевард) медарояд. Даре нагузашта сарвари кӯшунро ба ихтиёри худ гирифт. Мулкҳои Калот, Дастҷурду Абевард ба итоати ӯ даромаданд. Аммо ӯ натавонист ҳукумати худро дар Хуросон тавсеа бахшад, зеро яке аз муқтадиртарин феодалони он замон - Малик Маҳмуди каёнӣ (Сиистонӣ), ки дар тамоми Хуросон ва Сиистон нуфуз дошт, садди роҳи ӯ гардид. Дар масъалаи зеро итоат даровардани Хуросон байни онҳо муборизаи шадид шурӯъ шуд. Кӯшиши Нодиркули барои тасхири Машҳад, пойтахти Малик Маҳмуд бебарор анҷомид. Соли 1726 шоҳ Таҳмосп ва Фатҳалихони Қочор бо мақсади сарнагун намудани Малик Маҳмуд бо кӯшун ба Хуросон ворид шуданд. Аз мавриди қулай истифода бурда, Нодиркули бо кӯшуни худ ба хидмати шоҳ Таҳмосп даромад. Ӯ бо ин роҳ меҳост бо кӯмаки кӯшуни шоҳ дар мубориза бо Малик Маҳмуди Сиистонӣ пирӯзӣ ба даст орад.

Барои шоҳ Таҳмосп Нодиркули бо сабабҳои зерин лозим буд: якум, аз он сабаб, ки кӯшуни ӯ артиши шоҳро тақвият мебахшид, дуум ин ки шоҳ Таҳмосп меҳост худро аз нуфузи Фатҳалихони Қочор муҳофизат намояд (1, с.61).

Ҳангоми муҳосираи Машҳад Фатҳалихон бо фармони шоҳ Таҳмосп кушта шуд (10, с.59). Баъди ин воқеа Нодиркули фармондеҳи кулли қувваҳои мусаллаҳи шоҳ Таҳмосп шуд. Аммо тамоми намояндагони ашрофи қочор, ки наздикони Фатҳалихон буданд, дар мақомҳои собиқӣ худ боқӣ монданд. Ин аз он шаҳодат медиҳад, ки баъди ба қатл расидани Фатҳалихон шоҳ ва Нодиркули бо нерӯи воқеии қочорҳо созиш карданд.

Баъд аз ин дар муддати кӯтоҳ Нодиркулӣ Машҳадро ишғол намуд. Аммо Малик Маҳмуди Сиистонӣ аз мубориза даст накашид. Ӯ муваффақ шуд қабилаҳоеро, ки дар атрофи Марв сукунат доштанд, ба муборизаи зидди шоҳ Таҳмосп ва Нодиркулӣ барангезад. Аммо Малик Маҳмуд барои ба даст овардани ҳукумат муваффақ нагашт ва дар охир ӯ ба қатл расонида шуд.

Пас аз тасхири Машҳад ва сарқубии Малик Маҳмуд эътибори Нодиркулӣ фавқулода боло рафт. Дар воқеъ Нодиркулӣ чӣ дар миёни қўшун ва чӣ дар дастгоҳи ҳукумат ба сурати як шахсияти вафодор ва содиқ маъруф гардид. Аммо дере нагузашта зимистони соли 1727 байни Нодир ва шоҳ Таҳмосп ихтилоф ба миён омад. Лашкаркашиҳои бисёри Нодир ба Хабушон, Дараи Гуз, Марв, Мозандарон ва Астаробод ба ӯ имконият дод, ки қабилаҳои сершумори курду турки Хуросонро тасхир кунад ва тамоми шимоли ховари Эронро муттаҳид намояд. Муваффақиятҳои Нодир, подшоҳи афғон Мир Ашрафро саҳт ба ташвиш овард. Мир Ашраф чанд пойгоҳи низомиро, ки дар Исфаҳон мустақар буданд, бар зидди Нодир ба Хуросон равона сохт. 30 сентябри соли 1729 дар набарде, ки дар соҳили рӯи Меҳмондўст рух дод, Мир Ашраф мағлуб шуд. Мир Ашраф шитобон ба самти Техрону Исфаҳон ақибнишинӣ намуд. Бинобар сабаби қисмати зиёди нерӯҳои худро аз даст додан, аз қўшуни султони Усмонӣ ёрӣ талабид. Набарди қатъӣ байни Мир Ашраф ва Нодир дар таърихи 13 ноябри соли 1729 дар Мурчиҳурт, 60 километрии Исфаҳон рух дод. Нодир дар мубориза бар зидди Мир Ашрафи афғон бори дуюм ғолиб омад. Афғонон муҳимот ва урдугоҳро дар майдони ҷанг ба ҷой ниҳода, ба самти Исфаҳон ва аз он ҷо ба самти шарқ фирор намуданд. Баъди се рӯз Нодир ба Исфаҳон ворид шуд ва Таҳмоспро ба тахти шоҳӣ шинонд. Яъне, Нодир тоҷи шоҳии Эронро бо дасти худ ба сари шоҳ Таҳмосп ниҳод. Нодир хуруҷи комили туркону афғонро ҳадафи асосии худ эълон намуд. Ӯ хуб мефаҳмид, ки танҳо ба воситаи мубориза бар зидди истилогарони бегона ба воситаи тақия намудан ба халқ метавонад ҳаракати миллиро бедор намуда, мубориза барад. Аз ин сабаб, барои муборизаи пирӯзмандона бо афғонону туркон лозим буд, ки ӯ аз ҳимояти афшор ва сайи мардуми кишвар бархурдор бошад.

Дар муддати кӯтоҳ дар зери парчами Нодиркулӣ ва шоҳ Таҳмосп ҳазорон ҳазор ватанпарастон гирд омаданд. Мардуми кишвар қўшуни онҳоро ғаёлона пуштибонӣ намуданд. Масалан, ҳангоме, ки Нодир ба лашкаркашии Исфаҳон шурӯъ намуд ва аҳолии он ҷо дар замони ҳуҷуми Мир Маҳмуд гурехта, дар кӯҳҳо паноҳ бурда, беозуқа монда буданд, ба назди қўшун меомаданд ва барои онҳо озуқа меоварданд. Инчунин, қисми зиёди аҳолии Эрон бо хоҳиши худ ба шоҳ рӯй меоварданд. Мо метавонем чунин гуфтаҷоро дар асарҳои Фрезер (7, с.97), Шайх Ҳазин (6, с.177-178) ва дигарон мушоҳида намоем. Қўшуни Нодиркулӣ ва шоҳ Таҳмосп аз ҳисоби оммаи халқи заҳматкаш рӯз ба рӯз зиёд шудан гирифт. Чуноне, ки аз гуфтаҳои сайёҳи Санкт - Петербург бар меояд, шоҳ Таҳмосп бо қўшуни бисёр аз «3 000 нафар ва бо кўмаки рустойён» ба лашкаркашии Хуросон даст зад (1, с.64).

Вақте, ки қўшуни афғон дар Исфаҳон қарор дошт, мардуми ҳар маҳал яроқ ба даст гирифта бар зидди афғонон ҳуҷум мекарданд. Оиди масъалаи мазкур Шайх Муҳаммад Али Ҳазин хотирнишон менамояд, ки «дар тамоми тўли роҳ ҳатто курси ноне ба дасти онҳо (афғонҳо- Н.Д.) наафтад». Ҷанговарони афғон маҷбур буданд, ки гўшти хоми харон ва аспони худро бихўранд, зеро ки мардуми ҳар маҳал ҳозир буданд ба афғонон ба маблағи гарон низ озуқа нафурўшанд (9, с.183-184).

Ҳангоме, ки Мир Ашрафи афғон бародари худро аз Лор ба Басра баҳри дарҳости кўмак аз султони Туркия фиристод, кишоварзони навоҳии атроф ба ӯ ҳамла намуда,

ӯро ба қатл расониданд ва ҷасадашро ба бародараш Ашраф фиристоданд. Ҳамлаҳои пай дар пайи кишоварзон ба боқимондаи кӯшуни афғонон боиси шикасти онҳо гардид (1, с.65).

Соли 1725 бар асари ҳамлаи кӯшуни Туркия ба Ҳамадон, ҳокими шаҳр ва кӯшун шаҳрро ба ҳоли худ гузошта, фирор намуданд. Дар натиҷа, мардум ба дифои шаҳри худ бархестанд ва кӯшуни туркҳо бо осонӣ натавонистанд шаҳрро ишғол намоянд. Мухосираи шаҳр наздики 4 моҳ идома ёфт. Мардуми шаҳр ва кишоварзони атрофи он истодагарӣ ва қаҳрамониҳои фавқулода нишон доданд (9, с.137-138). Ҳокими Хурамобод низ Ҳангоми наздик шудани кӯшуни турк фирор намуд, вале мардуми шаҳр намехостанд, ки ба ғосибони турк таслим шаванд, қисме аз мардум дар кӯҳҳои атроф пинҳон мешуданд. Чуноне, ки Шайх Муҳаммад Али Ҳазин мегӯяд: «Агарчӣ туркҳо иёлоти зиёдеро, аз қабилҳои Курдистон, Луристон ва ғайра ба тобеияти худ дароварданд, аммо кишоварзон намехостанд бо ҳукумати турк ошӣ кунанд ва дар муқобили онҳо ба саҳтӣ муқовимат менамуданд. Масалан, дар шаҳри кӯчаки Баручурд дар ҷое, ки туркон ҳоким таъин карда ва подгон мустақар намуда буданд, «авомун нос» ва «бозориён» исён карданд ва наздик ба 4 000 ҷангҷӯи туркро нобуд намуданд. Ин исён сарқӯб гардид ва ба мардум ғурумотбаста шуд» (9, с.65-66).

Аҳолии Табрез низ шаҳри худро қаҳрамонона мудофия намуданд. Дар хиёбонҳои шаҳр муҳорибаи хуни тан ба тан сурат гирифтанд. Қувваҳои нобаробар буд. Туркҳо ба табрезиён иҷозат доданд, ки бо зану фарзанд ва як миқдори амвол шаҳрро тарк намоянд. Он гоҳ 5 000 нафар бо яроқи аслиҳа аз Табрез хориҷ шуданд. Ба гувоҳии шоҳид: «аз Ҳангоме, ки Ҷаҳон ба вучуд омад то кунун чунин диловарии бемонанде дар миёни сокинони шаҳрҳо на дар тан иттифоқ афтада» (9, с.106-130).

Ин мисолҳо аз он далолат медиҳанд, ки аҳолии шаҳрҳои Эрон алайҳи ғосибони турк мубориза бурданд ва нагузаштанд, ки туркон ҳокимияти худро дар қаламрави Эрон барқарор намоянд.

Пас аз берун рафтани кӯшуни афғонон аз мулки Эрон Нодирқулихон ба муборизаи зидди туркон шурӯъ намуд. Ин мубориза то охири соли 1735 давом кард ва ӯ тавонист туркони аз марзи Эрон берун кунад.

Соли 1732 Нодирқулихон аз норозигии мардуми кишвар ва нокомии Сафавиён дар ҷанги зидди Туркия истифода бурда, шоҳ Таҳмоспро аз тахт сарнагун намуд. Ба ҷои Таҳмосп Аббоси сеюм, ки ҳамагӣ яқсола буд, шоҳи Сафавиён эълон гардид. Аз сабаби хурдсолии шоҳ Нодирқулихон ноибуссалтана шуд ва фармонравии мутлақ гардид. Ӯ соли 1736 дар дашти Муғон дар анҷуман (шӯрои ашроф) ба номи Нодиршоҳ ҷамъгузорӣ намуд (11, с.446-458), (10, с.266-269). Аббоси сеюми хурдсол соли 1740 яқоя бо падараш ба қатл расонида мешавад.

Ҳамин тавр, дар қаламрави Эрон, аз ҷумла Хуросон ба сари қудрат Нодиршоҳи Афшор мебарояд ва баҳри бунёди давлати абарқудрат шурӯъ мекунад. Нодиршоҳ дар муддати кӯтоҳ тавонист қабилаҳои туркиро мутамарказ намояд, давлати воҳид бунёд кунад, иқтисодии ҷарбии давлатро мустаҳкам намояд ва ихтилофҳои динӣ муҳаббаро бартараф созад. Баъди ба сари қудрат омадан Нодиршоҳ ба лашкаркашиҳо шурӯъ намуд. Ӯ бо ин амал (фатҳи кишварҳо) меҳост ғаниматҳои зиёди ҷангӣ ба даст биёрад, вазъи ҳаёти иқтисодиро беҳтар кунад, дороии табақаҳои ҳокимро афзун намояд ва бо ин роҳ обрӯву эътибори давлатро боло бардорад. Нодиршоҳ то андозае ба устуворӣ ва суботи мамлакат муваффақ гардид.

Қаллидвожаҳо: таърихи Эрон, сулолаи Сафавиён, таназули давлати Сафавиён, ба сари қудрат омадани Афшориён, вазъи ҷарбиву сиёсати Хуросон, Осиёи Миёна дар нимаи аввали асри XVIII.

Пайнавиит:

1. Арунова М.Р., Ашрафян К.З. Государство Надир-шаха Афшара. Очерки общественных отношений в Иране 30-40-х годов XVIII века. - М., 1958. - 283 с.
2. Бартольд В.В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира / Соч. - М., 1963. - Т.2. - Ч.1. - С. 651-772.
3. Гаджиев В.Г. Петербургский договор 1723 г. // Русско-дагестанские взаимоотношения в XVI - начале XX в. Темат.сб. - Махачкала, 1988. -С. 66-83.
4. Гамзатова Д.П. Иран в период свержения власти и распада державы Сефевидов// Омский научный вестник.-№3 (55). -2007.-С.10-12.
5. M.de, Relation de Dourry Effendi, Paris, 1810, P.51.
6. Миклухо -Маклай Н. Д. Афганское нашествие в Иране (канд. диссер). - Ташкент, 1945. - 232 с.
7. Fraser James. The history of Nadir shah, formerly called Thamas Kulikhan, - London, 1742. - 234 pp.
8. Синха Н.К., Банерджи А.Ч., История Индии. - М., 1954. - 442 с.
9. Sheikh Hasin. The Life of Sheikh Mohammed Ali Hasin. written by himself. Under editorship of F.S. Beljour. Persian text. With an English translation, - London, 1830-1831. - 309 с.
10. Мирзо Махдихони Астарободи. Чахонгушои Нодирӣ. / Бо эҳтимоми Саид Абдуллоҳ Анвар. -Техрон, 1377х. - 868 с.
11. Муҳаммад Козими Марвӣ. Оламори Нодирӣ. Бо тасҳеҳи доктор Муҳаммад Амин Риёҳӣ. - Техрон, 1364 х. - 1800 с.

Reference Literature:

1. Arunova, M.R., Ashrafyan K.Z. State of Nadirshah Afshar. Essays of Social Relationships in Iran during the 30-ies - the 40-ies years of the XVIII-th century. - М., 1958. - 283 pp.
2. Bartold V.V. The Place of Caspian Areas in the History of Muslims` World //Compositions. М., 1963. V.2. P.1. - pp. 651 - 772.
3. Gajiyev B.G. Petersburg Agreement of 1723. // Russian-Dagestanian Mutual Relations in the XVth - the Beginning of the XX-th Centuries. Thematic articles. - Makhachkala, 1988. - pp. 66 - 83.
4. Gamzatova D.P. Iran in the Period of Power Overthrow and Decline of Sefevids Power //Omsk Scientific Bulletin. - # 3 (55). - 2007. - pp. 10 - 12.
5. M.de, Relation de Dourry Effendi, Paris, 1810, p-51.
6. Miklukho-Maklay N.D. Afghan Invasion in Iran. (Synopsis of candidate dissertation in history), - Tashkent, 1945. - 232 pp.
7. Fraser James. The History of Nadir Shah, formerly Called Thamas Kulikhan, - London. - 1742. - 234 pp.
8. Sinkha N.K., Banerdji A. Ch. History of India. - М., 1954.- 442 pp.
9. Sheikh Hasin. The Life of Sheikh Mohammed Ali Hasin. Written by himself. Under the editorship of F.S. Beljour. Persian text. With an English translation, -London, 1830-1831. - 309 pp.
10. Mirzo Makhdikhoni Astarobodi. Jahonkushoi Nodiri. / under the editorship of Said Abdulloh Anvar. - Tehran. 1377 hijra. - 868 pp.
11. Muhammad Kozimi Marvi. World-Inventor Nodiri. / under the editorship of Muhammad Amin Riyohi. - Tehran, 1364 hijra. - 1800 pp.

09 00 00 ИЛМҲОИ ФАЛСАФА
09 00 00 ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ
09 00 00 PHILOSOPHICAL SCIENCES

09 00 03 ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ
09 00 03 HISTORY OF PHILOSOPHY

УДК 1/14
ББК 87.3

КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО
МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИХ ИДЕЙ
«ШАХНАМЕ» АБУЛКАСИМА
ФИРДОУСИ

Атоев Атоулло Мухторович,
к.ф.н, доцент, заведующий кафедрой
философии ХГУ им. акад. Б. Гафурова
(Таджикистан, Худжанд)

CULTURAL SPACE OF
OUTLOOK IDEAS IN
«SHAKHNAME» BY
ABULKOSIM FIRDAWSI

Atoev Atoulllo Mukhtorovich,
chief of the department of philosophy under
KSU named after acad. B. Gafurov, candidate
of philosophical sciences, Associate Professor
(Tajikistan, Khujand)
E-MAIL: Otella64@mail. ru

Ключевые слова: национальный эпос, мировоззрение, культурное пространство, территория, интерпретация, идентичность

В статье анализируется влияние элементов культурной символики величайшего персo-таджикского эпоса «Шахнаме» на формирование культурной идентичности народов, живущих на обширном пространстве Востока. Автор подчеркивает, что, несмотря на значительные изменения в интерпретации символов и даже их переосмысление, разность ассоциаций, возникающих в связи с последствиями действий и характеров главных героев, в понимании влияния места обитания (гора и долина) на характер и судьбу людей, понятия добра и зла, в той или иной степени эти народы идентифицируют себя с культурным и историческим контекстом, изображенным Фирдоуси.

События и люди в интерпретации Фирдоуси символизируют любовь к Родине, ее природе, сложные переплетения сил добра и зла, вызывая либо симпатию, либо антипатию, и заставляют отождествлять себя с теми позитивными образцами поведения, которые выработаны на основе тысячелетнего опыта. В этом видит автор уникальность «Шахнаме», и её силу в формировании мировоззрения и идентичности не только собственно иранских народов, но ее сохраняющееся влияние на более широкое культурное пространство Востока.

Key words: national epos, outlook, cultural space, territory, interpretation, identity

The author of the article analyzes the influence of the elements of cultural symbolics related to the greatest Persian-Tajik epos «Shahname» over a formation of the cultural identity of the peoples inhabiting the broad space of the East.

The author lays an emphasis upon the fact that in spite of considerable alterations in the interpretation of symbols and even their recomprehension, a variety of associations rising in connection with the consequences of both actions and characters of protagonists in reference to the understanding of the influence of the place of inhabitation (mountain and vally) on the character and fate of people; notions of good and evil, in a varying degree these peoples identify themselves with cultural and historic context of Firdawsi`s depiction.

Events and people in the interpretation of Firdawsi symbolize love for Motherland, its nature, complicated intertwining forces of both good and evil, causing either sympathy or antipathy; they make identify themselves with those positive patterns which are elaborated on the grounds of millennium experience.

Just in it the author sees «Shahname» uniqueness, its force in the formation of outlook and identity not only of Iranian peoples, but its preserving influence upon much broader cultural space of the Orient either.

Мировоззрение народа и его идентичность имеют свои истоки и многообразие проявлений. Качественный состав иных элементов культуры может играть незаменимую роль при формировании мировоззрения народов и определять их идентичность на большом пространстве и времени их бытия.

К числу таких качественных элементов культуры персоязычных народов относится «Шахнаме» Абулкасима Фирдоуси.

В этой связи анализ влияния элементов культурной символики величайшего персотаджикского эпоса «Шахнаме» на формирование мировоззрения и культурной идентичности народов, живущих на обширном пространстве Востока, имеет большое научное значение.

Дело в том, что, несмотря на значительные изменения в интерпретации символов и даже их переосмысление, разность ассоциаций, возникающих в связи с последствиями действий и характеров главных героев, в понимании влияния места обитания (гора и долина) на характер и судьбу людей, понятия добра и зла, многие восточные народы в той или иной степени идентифицируют себя с культурным и историческим контекстом, изображенным Фирдоуси.

Абулкасим Фирдоуси творил в период, когда происходила активация плеяды персотаджикских гениев. Творчество каждого из них невозможно представить отдельно друг от друга. Не только социально-политические обстоятельства и условия формировали такой взлет, но и диалог между этими центрами, идеями создавал условия для встречи новых идей и развития общей культурной и интеллектуальной атмосферы творческой свободы на пространстве мусульманского мира. Несмотря на то, что «Шахнаме» Фирдоуси относится к XI веку, это произведение продолжает оказывать серьезное идентификационное влияние не только на Иран, но и на Пакистан и Афганистан, не исключая всю Центральную Азию, и в особенности Таджикистан.

В течение почти тысячелетия персидская культурная и языковая традиция была доминирующей на индийском полуострове. Административным языком этого региона был персидский. Только после колонизации Индии Великобританией персидский язык был вытеснен английским языком, что стало началом ослабления влияния индо-персидской

культуры в этом регионе. В особенности это стало очевидным после национального разделения в 1947 году между Индией и Пакистаном.

В этом контексте современные исследователи подчеркивают, что ««Шахнаме» играет роль «архетипов» в персидском сознании, которые подчеркивают психологические коллективно-бессознательные модели поведения в случаях победы, поражения, надежды и отчаяния, рождения и смерти (6).

Самые серьезные семантические изменения в понимании и интерпретации символов «Шахнаме» произошли сегодня на границе интерпретационного конфликта между Пакистаном и Афганистаном, в особенности в отношении главного символа «Шахнаме» – Рустама. Интересно, что он представлен на миниатюрных картинах скорее в образе демона (7), нежели как идеальный рыцарский образ.

«Такая интервенция и переосмысление значения образа Рустама, - отмечает Суруш Иrfани, - «от создателя до разрушителя человеческой жизни и ценностей, является лейт-мотивом у художника - миниатюриста Кадима Али в его сериях картинных изображений Рустама» (7) началась с момента, как он посетил движение Талибан в Афганистане в марте 2001г. Интересно, что афганские талибы, которые известны как противники Ирана и персидской культуры, идентифицируют себя с Рустамом и соотносят, таким образом, свое поведение с ним как с идеальной моделью.

Фактически мифологическая история Ирана у Фирдоуси соприкасается с реальными географическими областями мира, начиная с распределения областей мира, которые были подконтрольны Ирану. Это распределение начинается с момента распоряжения, которое дает Фаридун своим трем сыновьям: Сельму, Туру и самому младшему- Ираджу.

Безусловно, Фирдоуси, помимо мифологических представлений о расположении различных государств, уже был знаком с новыми открытиями, которые были связаны с развитием географических открытий в мусульманском мире. Однако Фирдоуси все же следует мифологической или, можно даже сказать, - авестийской традиции, которая рассматривала расположение территорий сквозь призму срединного расположения самого Ирана.

Предоставляя сыновьям территориальное политическое правление, Фаридун исходит из положения о трехчастном делении мира: середина (Иран), Запад (Рум), которая отражала территории, связанные с Арменией и Ираком, и Восток, который включал в себя Туран и Чин (Китай).

Фаридун отдает первенство Ираджу потому, что именно он сохранил баланс и решимость в своих действиях, чего не хватило его братьям в момент испытания их на прочность, которое провел Фаридун. Сельм был осторожен и хитер в вопросе о выживании, и поэтому ему был дан Рим и Запад; Тур был, напротив, безрассуден и импульсивен – и ему были отданы восточные части Турана и Чина, где он должен был возглавить правление над туранцами. И только Ирадж в ходе испытания обнаружил баланс между осторожностью и безрассудством двух братьев, за что и получил в правление Иран, символизирующий срединное географическое положение, балансирующее между двумя другими частями.

После гибели Ираджа территория Турана и Чина (Китай), где было совершено убийство Ираджа, превратилась в территорию Ахримана. Фирдоуси, упоминая территорию Турана, не забывает постоянно добавлять термин «Ахриман».

Можно сказать, что на этом центральном пространстве сопрягаются вертикальное и горизонтальное измерения. Не случайно Иран, доставшийся Ираджу, находится в центре между западным и восточным миром. В этой связи стоит согласиться с М. Шукуровым,

который, применяя метод Юрия Лотмана в отношении анализа текста, отмечает: «Именно в центре мира, на пересечении горизонтальной и вертикальной осей происходят основные конфликты повествования «Шахнаме». В связи со сказанным следует отметить, что интерпретация подобных сюжетов, действие которых происходит в конфликтной зоне – центре мира, заметно упрощается, поскольку основные семантические характеристики (верх-низ, божественное – человеческое, свет-мрак и т.д.) могут быть легко наполнены соответствующим символическим содержанием»(5).

Прохождение через центральную ось дает возможность герою выйти в другое пространственное измерение и даже изменить личностные характеристики и судьбу.

Место заточения Зоххака имеет символическое значение. Когда Фаридун возносит булаву над головой Зоххака, слышится голос Соруша, символизирующего слово света Ахура Мазды, который предупреждает Фаридуна о том, что еще не настал час смерти Зоххака. Его нужно, продолжает Соруш, распять в оковах между двумя горами.

*«С Зоххаком добрался до горных вершин;
Связав еще крепче, его поволок,
Злодей в одиночестве с этой поры
Остался прикованным в сердце горы.
Зияла там пропасть, глуха и мрачна;
Взглянув, Фаридун не увидел в ней дна» 4(80).*

Распятие между двумя скалами имеет важное символическое значение для Фирдоуси. Мало победить зло или противника, главное – разрушить это имя в прах. Люди должны помнить, что зло живо и оно может в любой момент выйти наружу. Живой Зоххак есть напоминание людям о том, к чему может привести забвение света и правды.

В народных преданиях Ирана до сих пор существуют мотивы о том, «что стоны до сих пор слышны Зоххака из того места, где он был заточен. При этом «Эльборз» (Эльбрус) восходит к авестийскому слову «Berezato Nairi» (высокая гора), которая занимает важное место в космологических преданиях иранцев. Гора Эльборз являлась местом отдыха солнца, луны и созвездий, а также началом пути в обитель блаженства»(1). Можно предположить, что Зоххак был специально распят прямо на пути к проходу блаженства и рая, тем самым постоянно напоминая ему о том, что было им потеряно, когда он предал забвению путь к правде и свету.

В греческой мифологии две скалы символизировали Сциллу и Харибду, которые то сближались между собой, то расходились. Только герою Тесею удалось пройти сквозь этот проход. Данный символ определял способность героя находить баланс между страхом и мужеством, эмоциями и разумом и т.д. Тот, кто не способен находить данный баланс, становится жертвой этих скал и таким образом не реализует свои самые заветные цели.

Необходимо отметить, что при правлении Гоштаспа появляется имя Зороастра, который прибывает к нему и добивается, что Гоштасп принимает зороастрийскую веру нового пророка. Сын Гоштаспа Исфендиар распространяет эту веру на всем пространстве Ирана.

М. Шукуров верно отмечает идеи Лотмана и Успенского о том, что «пространство обладает способностью «моделировать» иные непространственные (семантические, ценностные и пр.) отношения» (5). В этой связи Шукуров в разделе об организации пространства и времени на примере «Шахнаме» указывает, что «художественное пространство в «Шахнаме» предстает перед читателем как цепь автономных и разнокачественных пространственно-временных континуумов. При этом он упоминает об особом стилистическом изображении гор в иллюстративной традиции восточного

средневековья и связывает символическое содержательное изображение данной иллюстративной традиции с историческим и культурным контекстом, когда горы ассоциировались с хаосом и местом для обитания дивов или темных сил»(5).

*Тогда Кеюмарс повелителем стал;
Высоко в горах он сперва обитал;
Там счастье обрел и державный удел,
Себя и мужей в шкуры барсов одел.
С тех пор стали люди уметь и уметь,
Все обновилось – одежда и снесь» 4 (23).*

Именно в горах Хушанг (внук Кеюмарса) находит секрет огня, который является матрицей культуры и религии иранского духа, на котором, собственно, и выстраивается религиозная доктрина зороастризма.

Шах Джемшид при распределении сословий священников (кутузи) распределяет в горы.

*«Священников, тех, что зовем картузе,
Кто в мире избрал благочестья стези,
Джемшид отделил от сословий других,
Обителью горы назначил для них;
И там пребывают они, в небеса
Моления и вздохи свои вознося» (4, с.36).*

Горы, действительно, являются местом, где сопрягается рождение борьбы света и тьмы, добра и зла. Даже у Ф. Ницше в его самом известном философском произведении «Так говорил Заратустра», Заратустра все самое чистое, возвышенное и духовное получил именно высоко в горах, куда он уходил из долины для того, чтобы набраться силы и духовной мощи с тем, чтобы вновь возвратиться в долину для возвещения истины»(2).

Интересно, что когда Зоххак был повержен, его не убили, а распяли на горе Эльборз по приказу Соруша.

И самое интересное то, что в «Шахнаме» обнаруживается не только чисто эстетическое наслаждение природой, но и прагматическое отношение к ней, уважение к природным стихиям, облагораживание и следование им с целью получения большей урожайности, продуктивности, орошения и т.д.

Воспевание прекрасного в природе сопровождается у Фирдоуси любовью к своей родине и патриотическим отношением к своей земле. Это особо ярко отражено в словах Нушинравона, который, обходя свои владения (дворцы, степи, озера, реки и т.д.) и восторгаясь ими, восклицает, «что если царь действительно мудрый, он не должен допускать врагов к своей земле, чтобы они уничтожали ее красоту, топтали поля, сады, луга копытами лошадей. Он повелел повсюду в Индии и Руме, по всей стране, разыскать мастеров, с тем чтобы они возвели высокие стены вокруг Ирана, чтобы враг не ступил на землю Ирана и не увез богатства, не обижал дехканина – землепашца и не уничтожил красоту земли» (3).

Природа и земля становятся маркерами определения идентичности человека, его эстетического и даже этического поведения.

События, люди в интерпретации Фирдоуси символизируют любовь к Родине, ее природе, сложные переплетения сил добра и зла, вызывая либо симпатию, либо антипатию, заставляют отождествлять себя с теми позитивными образцами поведения, которые выработаны на основе тогдашнего тысячелетнего опыта.

В этом видит автор уникальность «Шахнаме» и ее силу в формировании мировоззрения и идентичности не только собственно иранских народов, но ее сохраняющее влияние на более широкое культурное пространство Востока.

Список использованной литературы:

1. *Комментарии к.кн.: Фирдоуси А. Шахнаме.-Т.1.М.:Изд-во АН СССР,1974.-390 с.*
2. *Ницше Ф. Сочинения в 2 х-т. Пер.с нем; Сост., ред. и авт. примеч. К.Асясьян.-М.: Мысль,1990. -829 с.*
3. *Фирдоуси А. Шахнаме. В 9-ти томах.-Душанбе: Адиб,1987-1991. – 675 с.*
4. *Фирдоуси А. Шахнаме. - Т1. –М.: Изд-во. АН СССР, 1975. -421 с.*
5. *Шукуров М. «Шах-наме» Фирдоуси и ранняя иллюстративная традиция. -М.: Наука,1983. -С.80.*
6. *Mansoor Rastgar Fasssai. – Farhange Nam'ha'ye Shahnama. 2 vols. – V 1.Tehran: Cultural Studies and Research Institute. Ministry of Culture and Higher Education. 1990. – P.35.*
7. *Рисунок 1. На стр. 36. В кн.: [Soroush Irfani. – Shakhname: The Other Story || Painting the Persian Book of Kingstory. Ancient Text and Modern Images. – London, Cambridge UK, Published by Talking Tree Books. 2010.]*

Reference Literature:

1. *Commentaries to the book: Firdawsi A. Shahname. V.1. – M.: USSR Academy of Sciences, 1974. – 390 pp.*
2. *Nitsshe F. Compositions. In 2 volumes. Translation from German; compiler, editor and aurhor of footnotes K. Asyasyan. – M.: Thought, 1990. – 829 pp.*
3. *Firdawsi A. Shahname. In 9 volumes. - Dushanbe: Man-of-Letters, 1987 – 1991. – 675 pp.*
4. *Firdawsi A. Shahname. V.1. – M.: USSR Academy of Sciences, 1975. – 421 pp.*
5. *Shukurov M. «Shahname» by Firdawsi and Early Illustrational Tradition. – M.: Science. 1983. – pp. 80.*
6. *Mansoor Rastgar Fasssai. – Farhange Nam'ha'ye Shahnama. 2 vols. – V 1.Tehran: Cultural Studies and Research Institute. Ministry of Culture and Higher Education. 1990. – p. 35.*
7. *Drawing 1. On page 36. In the book: [Soroush Irfani. – Shakhname: The Other Story || Painting the Persian Book of Kingstory. Ancient Text and Modern Images. – London, Cambridge UK, Published by Talking Tree Books. 2010.]*

09 00 11 СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ
09 00 11 SOCIAL PHILOSOPHY

УДК 316
ББК 60.022.3

**ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ ПАРАДИГМЫ
ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ
ПРОТИВОРЕЧИЙ В СОВРЕМЕННЫХ
СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИХ
КОНЦЕПЦИЯХ** (в контексте теории
социальной системы Н. Лумана)

Ахрори Бузургмехр,
аспирант 1-го курса кафедры
философии Худжандского
государственного университета
имени академика Б.Гафурова
(Таджикистан, Худжанд)

**RECOMPREHENSION OF RESEARCH
PARADIGM IN REFERENCE TO SOCIAL
CONTRADICTIONS IN MODERN SOCIAL-
PHILOSOPHICAL CONCEPTIONS**
(in the context of N. Luman`s social system)

Buzurgmekhr Ahror,
post-graduate of the first year of the
philosophy department under Khujand
State University named after
academician B. Gafurov
(Tajikistan, Khujand)

E-MAIL: vip.akhrori@mail.ru

Ключевые слова: социальные противоречия, социальный конфликт, социальная система, синергетика, коммуникация, аутопойесис, самоорганизация.

В условиях многообразия теорий вновь активизировалась дискуссия вокруг проблемы соотношения различных методологических подходов. По мнению автора, вопрос выбора методологии исследования является сложным и ответить однозначно на этот вопрос трудно, более того, он является предметом острых споров в современной социологии и социальной философии. В этом контексте в качестве приоритетной задачи социальной философии автором выделяется глубокое и объективное исследование проблемы социальных противоречий и конфликтов современного общественного развития.

В статье предпринята попытка про анализировать эту проблему в контексте исследования социальных противоречий. Научная значимость статьи заключается в том, что в ней предпринята попытка рассмотреть данную проблему через призму теории социальных систем немецкого ученого-социолога Н. Лумана. Научный поиск и нахождение различных теоретических основ и методологии социального познания в современных условиях крайне необходимо, поскольку в условиях поляризации теоретических основ научных исследований на поле социальной философии столкнулись новые научные парадигмы в познании социальных явлений.

Key words: social contradictions, social conflict, social system, sinenergetics, communication, autopoiesis, self-organization

Among a multiple variety of theories the discussion around the problem of correlation of different methodological approaches activized anew. In author's opinion, the issue concerned with research methodology option is complicated and it is very difficult to answer this question in an only possible way; moreover, it is an object of acute arguments in modern sociology and social philosophy. Profound and objective research of the problem of social contradictions and conflicts of contemporary social development is singled out by the author as a priority goal of social philosophy.

The author makes an endeavour to comprehensively analyze this problem in the context of exploration in regard to social contradictions. Scientific importance of the article lies in an attempt to consider the problem in question through the prism of the theory of social systems belonging to German scientist N. Luman working in the field of sociology. Scientific quest and finding of different theoretical grounds and methodology of social cognition under contemporary conditions are extremely necessary because in the atmosphere of polarization of theoretical grounds concerned with scientific researches on the arena of social philosophy new scientific paradigms related to the cognition of social phenomena came into collision.

Проблема выбора теоретических приемов и методологических принципов в процессе социального познания всегда являлась приоритетным направлением исследований в области социальной философии. Однако сегодня, в период быстро меняющейся действительности, эта проблема приобрела более важное значение, чем вчера. Ибо новые тенденции вероятностного развития социальной реальности не поддаются познанию в рамках старых подходов. На наш взгляд, актуализация этого вопроса связана с двумя факторами. Во-первых, усложнение социального бытия и происходящие глубокие социальные изменения в этой сфере требуют нового взгляда, иного видения возникающих проблем. Во-вторых, если раньше исследователи в основном ориентировались на диалектику как на наиболее верное учение о бытии, в том числе социальном, то сейчас на авансцену науки выходят такие методы, как синергетика, системно - структурный анализ, институциональный и другие. В результате переосмысления этих методологических приемов выявляются их новые, наиболее эффективные аспекты. Прежде всего выявляется, что социальные явления в условиях многополярного развития общественной жизни находятся под влиянием различных внутренних и внешних факторов. Среди этих факторов крайне опасным является проникновение в ткань социальных отношений таких негативных явлений, как терроризм, фундаментализм, религиозный фанатизм, которые, в свою очередь, придают социальному развитию различные, порой нежелательные бифуркационные моменты. Учет влияния этих факторов на социальные феномены в рамках только диалектического метода становится практически невозможным. Именно это обстоятельство обуславливает задачу переосмысления сущности и содержания прежних подходов в области познания социальных явлений.

Проведенный анализ научных исследований в области социального познания за последние годы показывает, что авторы в основном стремятся выявить преимущества и недостатки традиционно-линейных методов, что сулит обращение к нетрадиционно-нелинейным подходам. Абстрагируясь от конкретного содержания философских споров по данному вопросу, заметим, что в процессе острых дискуссий происходит переориентация сознания исследователей относительно выявления сущности современной социальной реальности и вероятностных тенденций её развития. Приоритетным направлением теоретических исканий становится нахождение таких философских конструктов, которые позволили бы проникать в происходящие социальные процессы и

понять их. В этом контексте в качестве важной задачи социальной философии выделяется глубокое и объективное исследование проблемы социальных противоречий и конфликтов современного общественного развития. Ныне мир превращается в единое глобальное пространство. На этом пространстве столкнулись социокультурные ценности различных народов и наций и, главным образом, геополитические интересы сверхдержав. И в сложившихся условиях познание особенностей социально-политических процессов становится невозможным без обращения к социально-философскому анализу социальных противоречий и конфликтов.

На наш взгляд, задача переосмысления парадигм исследования социального познания, в том числе через призму проблемы противоречия, вполне обоснована. Эта необходимость продиктована тем, что в выполненных исследованиях преобладают традиционн-линейные подходы, которые не давали возможности раскрыть сущность и содержание происходящих социальных процессов, разрабатываемые теоретико-методологические конструкты не всегда успевали за происходящими социальными изменениями.

Памятуя сложившуюся ситуацию в конце XX-начале XXI вв., ученые-обществоведы начали разрабатывать междисциплинарные подходы, в которых, благодаря синкретическому синтезу, делались попытки нетрадиционно решать «старые» и «новые» проблемы социального развития. При этом следует заметить, что каждая эпоха, даже небольшой отрезок времени, может ставить перед наукой совершенно новые задачи, решение которых создаёт предпосылки для общественного прогресса. В этой связи, если обратиться к истории, то начиная со времен античности и до сегодняшнего постмодернистского общества, перед философией всегда возникали совершенно новые задачи. Следовательно, нынешние попытки ученых-исследователей найти синтезированные модели теории и методологии социального познания совершенно оправданы. Как отмечает Т.А. Фомина, «в современной теоретической социологии... наметилась тенденция к созданию синтезированной модели социальной реальности, сочетающей в себе интегративные методологии и социологические концепции...». (2, с. 14) Мы разделяем данную точку зрения и от себя добавим, что в формирующихся новых социально-философских концепциях предпринимаются попытки переосмысления парадигмы исследования социальных противоречий. Зачастую это переосмысление происходит с учетом трансформации социокультурных процессов в условиях глобализации и утверждения идеи многополярного развития общественной жизни.

Вектор социально-философского анализа этой проблемы на постсоветском научном пространстве начал изменяться лишь в конце XX - начале XXI века, когда наука, в том числе социальная философия, в своих исследованиях освободилась от влияния различных идеологем. Ещё тогда было заявлено, что марксистская теория, которая всемерно господствовала в социально-философских исследованиях, была нивелирована с целью оправдания политики и идеологии советского общества. К сожалению, как показывает анализ, на протяжении всего XX века теоретико-методологические основы науки, в том числе социальной философии, в Советском Союзе развивались именно на этой платформе.

Однако по мере поляризации науки на авансцену научных исследований начали проникать такие концепции, как «конфликтологическая теория» Л. Козера и Э. Дюркгейма, «теория социальных систем» Н. Лумана, «теория социального обмена» Дж. Хоманса и П. Блау, «концепция столкновения цивилизаций» С. Хантингтона, «теория социокультурного анализа» А. С. Ахиезера, «теория культурного ядра» А.И. Ракитова. Разумеется, в рамках одной научной статьи невозможно раскрыть содержание всех этих

теорий. Поэтому, несколько ограничивая свою задачу, мы попытаемся проследить изменение парадигмы развития социальных систем в контексте социальных противоречий.

Следует заметить, что в современных социально-философских концепциях выделяются два подхода к определению роли противоречий в развитии социальных систем. *Первая* концепция развития через преодоление противоречий представлена в социологической теории К. Маркса и, частично, - в социологической теории Р. Дарендорфа. Для Маркса развитие социальной системы есть разрешение противоречия. Противоречия и только противоречия являются источником развития и двигателем общественного прогресса. Р. Дарендорф подчеркивает, что каждый этап развития общества подвержен социальным изменениям, а последние не всегда происходят плавно и непротиворечиво. Наоборот, общество как сложно организованная система развивается путем преодоления возникающих противоречий. Дарендорф предполагает, что противоречия, и, следовательно, социальный конфликт - результат сопротивления существующим во всяком обществе отношениям господства и подчинения (4, с. 236).

Вторая концепция связана с именами Э. Дюркгейма, Т. Парсонса и Н. Смелзера. В их учениях основной упор делается на стабильность и устойчивость социальных систем. Например, Т. Парсонс исходит из того, что общество есть хорошо структурированная система, где каждый элемент выполняет определенную функцию. Он формулирует ряд функциональных предпосылок стабильности общества, обеспечение которых позволяет сохранить социальную систему в рамках сложившихся норм и ценностных ориентаций, избежать появления социальных противоречий и конфликтов. Это:

- удовлетворение основных биологических и психологических потребностей значительной части членов данного общества;
- эффективная деятельность органов социального контроля, воспитывающих индивидов в соответствии с господствующими в данном обществе нормами;
- совпадение индивидуальных мотиваций с общественными установками, в связи с чем индивиды выполняют предписанные им обществом функции и задачи. (3, с. 127)

Квинтэссенция данной концепции заключается в том, что тот, кто находит механизмы управления конфликтами, может управлять ими и обеспечивать равновесное и стабильное развитие общества.

В современных социально-философских концепциях имеют место и другие взгляды. Например, немецкий социолог Н. Луман занимает совершенно иную позицию относительно роли и значения противоречий в развитии социальной системы. Отмечая кризис и разброс мнений в современной теории социальных систем, он приходит к выводу о необходимости создания единой социологической теории. В рамках данной статьи значимым для нас является взгляд Лумана на роль противоречий в развитии социальных систем. Он отмечает: «Противоречия - распространённая тема в социологии. О них много говорят, но, чаще всего, все же неясно, что здесь имеется в виду. Структурный функционализм, например, быстро отказался от чересчур гармоничной картины социальных систем и стал говорить о структурных противоречиях и, соответственно, о противоречивых требованиях к поведению. Но что именно подразумевается, когда речь идет о «противоречии»?» Отвечая на этот вопрос, Н. Луман подчеркивает, что «представления о противоречиях социальных систем постоянно меняются. Явление, кажущееся в одной ситуации противоречивым, в другой может быть закономерным в протекании событий» (5, с. 175). Следовательно, проблема противоречия в теории социальных систем Лумана рассматривается в контексте социальных изменений. Он ставит перед собой вопрос: происходят ли социальные изменения? Утвердительно отвечая на этот

вопрос, Н. Луман пытается выявить механизмы происхождения социальных изменений. В отличие от Т. Парсонса, Н. Луман в качестве матрицы социальных изменений определяет структуру системы. Он отмечает: «Системы идентифицируются посредством структур, а они меняются. Тогда в этом отношении справедливо утверждать, что система меняется, если меняется структура, так как, по крайней мере, меняется нечто, относящееся к системе (причем именно то, что обеспечивает ее аутопойетическую репродукцию)» (5, с. 157). Однако Луман не рассматривает в своей теории социальных систем структуру как взаимодействующие противоположности. Видимо, это связано с тем, что он не доводит анализ структуры до уровня элементов структуры. Если исходить из того, что взаимодействие элементов структуры является фактической силой изменения и развития социальной системы, то здесь необходимо признать противоречия как механизм детерминации социальных изменений и развития. Парадокс теории социальных систем Лумана заключается в том, что он признаёт наличие структурных противоречий, однако стремится их всячески обходить. Видимо, это связано с тем, что он критически относился к социологическим идеям структурализма. Он отмечает, что структуралисты ещё не до конца объяснили, как вообще возможны структурные изменения, и, тем более, то, как они реализуются. Они часто работают с противоречиями в структуре или с конфликтами, считая, что система нестабильна и имеет тенденцию к изменению структуры. Рассматривая методологию изучения трансформирующегося таджикского общества, профессор Х.У. Идиев отмечает, что «структурно-системный подход уместен для изучения явлений стабильного состояния общества, но малоэффективен в процессе анализа событийного пространства нестабильных переходных систем». (6, с. 36) На наш взгляд, эта оценка заслуживает внимания, поскольку в стабильных общественных системах действительно есть определенные структуры, как бы фиксирующие и воплощающие стремление общества к социальным изменениям. Однако в условиях нестабильных систем, например, как это было в таджикском обществе в 90-е годы прошлого века, эти структуры могут утратить свою роль и значимость при определении тенденций будущего развития, вследствие чего они оказываются в состоянии неопределённости. Опыт общественного развития в Таджикистане показал, что социальная напряженность в условиях нестабильного развития также может возникнуть и в результате несоответствия, и, следовательно, противоречивости структуры социальной системы. В результате отсутствия осознания, а порой – и простого игнорирования стремлений и чаяний народа в своей деятельности социально – политические структуры тогдашнего таджикского общества потеряли свою роль и значимость в определении тенденций будущего развития. (6, с. 76).

Вопрос переосмысления парадигмы исследования социальных противоречий в современных социально-философских концепциях также связан с уточнением содержания понятия «взаимодействие». В этом плане следует заметить, что в социальной реальности ничто не может возникнуть без взаимодействия объективных условий и без участия субъективного фактора. Более того, утверждение о том, что социальные противоречия носят «объектно-субъектный» и «субъектно-субъектный» характер, стало аксиомой социологических теорий. Следовательно, процесс познания социальных противоречий зиждется не только на взаимоотношениях субъекта и объекта, но и на взаимоотношениях между субъектами социальных взаимоотношений. «Объектно-субъектные» и «субъектно-субъектные» отношения представляют собой сложную и противоречивую картину. Например, исследователь Л.И. Чинакова отмечает: «Противоречие между объективными и субъективными факторами – важнейший источник, причина и движущая сила исторического процесса, она пронизывает все остальные

противоречия, все сферы общественной жизни, все общественные процессы».¹ Относительно проблемы объекта и субъекта социальных взаимодействий Н. Луман придерживается несколько иной позиции. Он считает, что социальная система как объективная реальность создаёт для себя особый порядок, правила поведения, вхождения субъекта в процесс коммуникации. Поэтому вхождение субъекта в систему не является простым и непротиворечивым.

Вопрос о социальных противоречиях как субъектно-субъектных отношениях также изложен в социологических взглядах немецкого ученого М. Вебера. Он отмечает, что мы о социальных взаимодействиях можем говорить лишь в том случае, если это происходит между двумя и более лицами, т. е. субъектами, в других случаях это не является социальным взаимодействием. Исходя из этого, он определяет «социальное взаимодействие» как действие, которое по предполагаемому действующим лицом или действующими лицами смыслу соотносится с действием других людей и ориентируется на него. (7, с. 602-603) Отсюда вытекает, что социальные противоречия возникают лишь тогда, когда люди вступают в определенные формы социального взаимодействия.

Идеи М. Вебера в той или иной форме развиваются в учении Ф. Знанецкого, который также социальное взаимодействие рассматривает как субъектно - субъектное отношение. На наш взгляд, позиция Ф.Знанецкого более близка к идеям Н. Лумана, ибо он также социальные действия исследует через призму структуры социальной системы. (3, с.143) Н. Луман, анализируя позицию М. Вебера и Т. Парсонса, отмечает: «Для Вебера социальное действие является особым случаем действия, определённым через социально направленное намерение. У Парсонса совершенно иная концепция – образование социальных систем есть аналитически обнаруженный вклад в эмерджентность действия как такового. Согласно этому, социальные системы основаны на типе действия или на его аспекте, а субъект, так сказать, входит в систему через действие» (3, с.193). Но Н. Луман не разделяет данную позицию, поскольку, по его мнению, люди не являются частью общества, они лишь часть его окружающей среды. Он развивает теорию «сеть коммуникации» в лоне социальной системы. У Лумана нет таких понятий как, «индивид» и «человек». Эти понятие заменяется понятием «самоорганизация». Это означает, что социальная система и подсистема, и даже отдельно взятый индивид являются самореферентной и самодостаточной системой. При этом он подчеркивает, что для их существования необходима окружающая среда.

В этом вопросе можно поспорить с Н. Луманом. На наш взгляд, его мнение о том, что люди не являются частью общества, а частью окружающей среды, выглядит спорным. В этом контексте хотелось бы отметить, что непонятно что подразумевает Луман под понятием «социальная система». Если под социальной системой он подразумевает общество, то последнее не может существовать без людей. Ведь согласно общепринятому утверждению общество – это есть совокупность социальных действий и взаимодействий между людьми. Вне сознательной деятельности человека бессмысленно говорить об обществе. В своей социальной теории он по вопросу субъекта попытался синтезировать существующие точки зрения. На первый взгляд кажется, что он в своей теории социальной системы понятие «социальные действия» заменяет понятием «коммуникация». Он определяет, что общество - это результат коммуникации, а последнее рассматривает как элемент социальной системы. Здесь наблюдается некоторое несоответствие, а

¹ Чинакова Л.И Социальный детерминизм.М.: Издательство политической литературы. 1985, с. 100.

следовательно, противоречие в теории социальной системы Н. Лумана. С одной стороны, он заявляет, что люди не являются частью общества, с другой – он считает, что социальная система есть совокупность коммуникации контингентов. Контингенты по Луману, это и есть люди.

Таким образом, можно предположить, что в теории социальных систем Н. Лумана происходит переосмысление парадигмы исследования социальных противоречий. Хотя в некоторых своих утверждениях он пытается отвернуться от объективно существующих противоречий, тем не менее, он признаёт, что «противоречия являются стартерами системного движения или даже приводами диалектического развития. Противоречия артикулируют самовоспроизводимость, и, таким образом, они есть ее специфические формы. Их функция заключается в сохранении, даже в выделении единства формы смысловой связи, их функция не заключается в усилении, а, наоборот, в ликвидации надежности ожиданий» (5, с. 482-483). Любые противоречия, дестабилизируя функционирование системы, активизируют противоположности в социальных системах. Однако, если исходить из системной теории Н. Лумана, «нельзя полагать, что дестабилизация как таковая уже дисфункциональна. Социальные системы, чтобы все время реагировать на угрозы и риски, нуждаются в высокой степени нестабильности» (5, с. 483). Следовательно, нельзя полагать, что система всегда остается как есть, а необходимо все время создавать новую надежность ожиданий, т.е. проверять происходящее на предмет информации по поддержке или изменению структур ожиданий. Отсюда вытекает, что противоречия это есть сигнал тревоги о том, что система сползает в сторону дестабилизации, и возникает необходимость коррекции ее дальнейшего развития. Коррекция социальной системы осуществляется с помощью иммунной системы, которая характерна для каждой системы.

Поскольку общество есть самореферентный организм, то оно обладает «иммунной системой», которая выступает как способ коррекции отклонений и восстановления. Иммунная система не позволяет проникнуть в ткань коммуникации ненужным и вредным явлениям. Кроме того, каждая система обладает защитным поясом, (по Луману, это аутопойесис), который защищает систему от нежелательных тенденций развития.

Следует иметь в виду, что "аутопойесис" - важнейшая категория системной парадигмы Н. Лумана. Аутопойесис - это своего рода защитный пояс системы, который сохраняет ее от резкой дестабилизации и разрушения. Защитный пояс социальной системы должен сохранять не просто «себя», но и свои «существенные переменные», к ним относятся: взаимопроникновение распада и репродукции, способность к самонаблюдению и т. д. Изложенные Н. Луманом идеи особенно актуальны в условиях глобализации, когда идет активный процесс проникновения в социокультурную жизнь общества, в том числе Таджикистана, элементов массовой культуры. Проникновение в идейно-политическое и культурное пространство таджикского общества таких явлений, как терроризм, фундаментализм, политический ислам, расшатывает не только фундамент таджикской государственности, но и придает социальному пространству общества неравновесный и противоречивый характер.

Отсюда можно сделать вывод, что вопрос переосмысления парадигмы исследования социальных противоречий является своевременным и целесообразным. Вместе с тем, необходимо заметить, что ознакомление с теорией социальных систем Н. Лумана показывает, что при поверхностном подходе понять и воспринять её в контексте исследования противоречий социальной системы трудно. При более глубоком её анализе можно выявить, что она позволяет углубить наше представление о противоречиях социальной жизни, накопить новые знания о методологии исследования социального

познания, поможет лучше понять и объективно исследовать проблемы и противоречия современных трансформирующихся обществ.

В заключение следует отметить, что анализ различных парадигм и подходов при изучении социокультурных противоречий показал, что, во-первых, есть общая логика их развития в рамках научных исследований; во-вторых, общая методология исследований строится на общефилософских понятиях и категориях на системном уровне; в-третьих, использование на практике закономерностей развития социокультурных явлений в построении определенной структуры общества обуславливается спецификой существующих традиций, обычаев и норм, в которых живут и действуют субъекты социального процесса.

Список использованной литературы:

1. *Актуальные вопросы диалектики (историко-философские аспекты). Тезисы XIII ежегодной научно-практической конференции кафедры философии РАН. 31 января – 1 февраля 2000 года.* -М., 2000. - 191с.
2. Фомина Т.А. Социокультурная самоидентификация современного российского студенчества: региональный аспект. Автореферат дисс. на соиск. уч. ст. кандидата социологических наук: 22.00.06 / Фомина Татьяна Анатольевна. - М., 2007. – 176 с.
3. Парсонс Т. Система современных обществ. – М.: Аспект Прогресс, 1982. - 427.с.
4. Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально- политического познания / Вебер М. Избранные произведения. – М., 1990. – 808 с.
5. Луман Н. Социальные системы. Очерк общей теории. -М.: Наука. – 455 с.
6. Идиев Х.У. Трансформирующееся таджикское общество. –Душанбе: Ирфон, 2003. – 211 с.
7. Вебер М. Избранные произведения. –М.: Прогресс, 1990. - 720 с.
8. Ракитов А.И. Новый подход к взаимосвязи истории, информации и культуры: пример России // Вопросы философии. -1994. -№4. С. 14–34.
9. Bourdieu P. *Outline of a Theory of Practice.* Cambr, Univ. Press, 1977; Davis N. *Society and Culture in Early Modern France.* Stanford Univ. Press, 1975; Hunt L. *Politics, Culture and Class in the French Revolution.* Barking: Univ. Calif. Press, 1984; Rosen L. *Bargaining for Reality: The Construction of Social Relations in a Muslim Community.* Chicago Univ. Press, 1984.

Reference Literature:

1. *Actual Issues of Dialectics (Historic-Philosophical Aspects): Theses of the XVIII-th annual scientific-practical conference of the philosophy department under RAS. 2000, January 31 – February 1.* M., 2000. – 191 pp.
2. Fomina Tatyana Anatolyevna. *Sociocultural Self-Identification of Contemporary Russian Studentship: Regional Aspect. Synopsis of candidate dissertation in sociology.* M., 2007. – p. 176.
3. Parsons T. *System of Contemporary Societies.* – M.: Progress Aspect, 1982. – 427 pp.
4. Veber M. «Objectivity» of Social-Scientific and Social-Political Cognition // M. Veber. *Selected Works.* – M., 1990. – 808 pp.
5. Luman N. *Social Systems. Essay of General Theory.* – M.: Science. – p. 455.
6. Idiyev H.U. *Transforming Tajik Society.* – Dushanbe: Cognition, 2003. – 211 pp.
7. Veber M. *Selected Works.* – M.: Progress, 1990. – 720 pp.
8. Rakitov A.I. *New Approach to Mutual Connection between History, Information and Culture: Example of Russia // Issues of Philosophy (Voprosy Filosofii) 1994, # 4.* – pp. 14 – 34.
9. Bourdieu P. *Outline of a Theory of Practice.* Cambr, Univ. Press, 1977; Davis N. *Society and Culture in Early Modern France.* Stanford Univ. Press, 1975; Hunt L. *Politics, Culture and Class in the French Revolution.* Barking: Univ. Calif. Press, 1984; Rosen L. *Bargaining for Reality: The Construction of Social Relations in a Muslim Community.* Chicago Univ. Press, 1984.

10 00 00 ИЛМҲОИ ФИЛОЛОГИЯ
10 00 00 ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ
10 00 00 PHILOLOGICAL SCIENCES

10 01 03 ЛИТЕРАТУРА НАРОДОВ СТРАН ЗАРУБЕЖЬЯ
10 01 03 LITERATURE OF FOREIGN COUNTRIES PEOPLES

УДК 82/821.0
ББК 83.3(0)4

ТАБАҚАБАНДИИ МАВЗЌИИ
ОСОРИ НАСРИИ
СОИНУДДИНИ ХУҶАНДИ

Мирзоев Садриддин,
н.и.ф., дотсент, докторанти ДДХ ба номи
акад. Б.Гафуров (Тоҷикистон, Хуҷанд)

ТЕМАТИЧЕСКАЯ
КЛАССИФИКАЦИЯ
ПРОЗАИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ
СОИНУДДИНА ХУДЖАНДИ

Мирзоев Садриддин, к.ф.н., доцент,
докторант Худжандского государственного
университета им. акад. Б. Гафурова
(Таджикистан, Худжанд)

THEMATIC CLASSIFICATION OF
SOINUDDIN KHUJANDI'S
PROSAIC HERITAGE

Mirzoyev Sadriddin,
candidate of philological sciences, Associate
Professor of the department of Tajik classical
literature under Khujand State University named
after academician B. Gafurov, claimant for
doctoral degree (Tajikistan, Khujand)
E-MAIL: sadriddin-mirzoev@mail.ru

Ключевые слова: история персидско-таджикской литературы, творчество Соинуддина Худжанди, династия Оли Худжанд Исфакхона, художественная проза, религиозная проза, суфизм, хуруфия.

Ходжа Али ибн Мухаммад ибн Афзалуддин Худжанди Исфакхони (1370-1433), более известный под титулом Соинуддин (Защита религии) и именем Ибн Турка, несомненно, является одним из выдающихся учёных и мыслителей своей эпохи. Автор отмечает, что количество сочинений Соинуддина современниками и исследователями его творчества определено от 42 до 70 книг, среди которых значительную часть составляют прозаические произведения. Однако большинство сочинений учёного до сих пор не изданы и хранятся в рукописном виде. Именно поэтому до сегодняшнего дня должным образом не определено место и значение творчества Соинуддина, в том числе его прозаических произведений, в истории литературы и суфизма конца XIV - первой половины XV вв. Проза мыслителя написана на двух языках – персидско – таджикском и арабском, с обильным использованием стихотворных отрывков. В настоящей статье

рассматривается писательская деятельность Соинуддина Худжанди на примере его прозы. В результате тематической классификации его проза разделяется на художественную, научно-образовательную, суфийскую и религиозную.

Key words: history of Tajik-Persian literature, Soinuddin Khujandi's creation, dynasty of Oli Khujand Isfakhona, imaginative prose, religious prose, **sufizm**, **khurufiya**

*Khodja Ali ibn Mukhammad ibn Afzaluddin Khujandi Isfakhoni (1370-1433), known more under the title of Soinuddin (defense of religion) and under the name of Ibn Turka is undoubtedly one of the most outstanding scholars and thinkers of his epoch. The author notes that the number of Soinuddin's compositions vacillates in the range of 42-70 books as it is determined by contemporaries and explorers of his creation; prosaic works constituting the major part. However, the majority of the scientist's literary productions haven't been published up to now being kept as manuscripts. It's just for this reason that the place and importance of Soinuddin's creation, his prosaic works inclusive, haven't been established up to the present in reference to the history of literature and **sufizm** referring to the period of the end of the XIV-th – the first half of the XV-th centuries. The thinker's prose is written in two languages – Persian-Tajik and Arabic; versified fragments being used in abundance. The given article dwells on Soinuddin Khujandi's literary activity; his prose being taken as an example. The thematic classification conducted divides his prose into the styles of belles-letters, scientific education, **sufizm** and religion.*

Афзал-ул-муҳаққиқин Хоча Алӣ ибни Муҳаммад ибни Афзалуддин Хучандии Исфаконӣ, мулаққаб ба Соинуддин ва маъруф ба Ибни Турка бешак яке аз маъруфтарин уламои рӯзгори худ мебошад, ки “муҳимтарин халкаи робита миёни Садрои Шерозӣ, Бӯалӣ Сино ва Сӯҳравардӣ ва Ибни Арабӣ ва Насириддини Тӯсӣ аст” (9 ,чihil) , ки бидуни ӯ мактаби адабӣ ва фикрии Исфакон қобили мулоҳиза нест. Ҳамзамонон ва муҳаққиқони минбаъда теъдоди осори ӯро аз 42 то 70 китоб баршумурдаанд, ки аз ин миён бахши қобили таваҷҷӯҳ ва муҳимро осори насрии ӯ ташқил медиҳанд. Дар ин мақола ҳам ба қасди арҷгузорӣ ба ҳунари нависандагии Соинуддин осори насрии вай бо дар назардошти дастабандии мавзӯӣ ба сурати зайл муаррифӣ мешаванд: осори динӣ-мазҳабӣ, адабӣ, тасаввуф ва ирфон, ҳуруфия ва мантиқу фалсафа. Осори шинохташудаи ӯ ба шарҳи зайл аст:

Осори динӣ-мазҳабӣ. “Иҷозаи ривояти китоби ал-масобех”. Соинуддин ин иҷозаро барои яке шоғирдонаш Юнус, ки китоби масобехи ҳадисро назди вай хонда ва хостааст иҷозаи ривоят ба вай бидиҳад, таълиф кардааст. Ин китоб ба забони арабӣ навишта шуда, то ҳол нашр нашудааст. Қадимитарин ва мӯътабартарини нусхаи он дар рӯзгори Соинуддин нигошта шуда ва дар чанд мавзеи он хати муаллиф ба назар мерасад, ки тахти шумораи 8503 дар Китобхонаи Маҷлиси шӯрои миллии Эрон нигоҳдорӣ мешавад (9 , чihilу ҳафт).

“Ал-арбаъиният”. Рисолаи мухтасаре аст ба забони арабӣ дар шарҳи ҳадиси “Ман ҳафиза арбаъина ҳадисан...”, ки барои фарзанди яке аз дӯстони худ дар 13 ҷумодиюлохири 828х./ 11 майи 1425м. навиштааст. Ин рисола бо номҳои “ал-Ҳасоис” ва “Ҳасоис адад-ул-арбаъин” низ ёд гардида, дар баёни хусусиятҳои адади арбаъин ва арзишу аҳамияти он дар илми ҳуруф баҳс мекунад. Рисолаи мазбур ҳанӯз ба ҷоп нарасидааст ва дар тақия ба феҳристҳои дастрас метавон гуфт, ки нусахи қалами он дар китобхонаҳои Боязиди Туркия, зери шумораи 1825, амир-ул-муъминини Начаф,

мачмӯаи шумораи 1754, Мачлиси шӯрои миллии Эрон таҳти шумораи 8503, Мадраси сипахсолор мачмӯаи 2930 ниғаждорӣ мешавад (1, с. 112).

“Асрор-ус-салот”. Яке аз маъруфтарин ва маҳбубтарин осори мазҳабии Соинуддин аст, ки бо забони форсии тоҷикӣ дар шаҳри Ҳирот ба соли 820х./1416 м. нигошта шудааст. Мусаллам аст, ки перомунӣ ин мавзӯ китобҳои бисёре аз ҷониби аҳли маърифат навишта шудааст “валекин ҳеҷ кадом аз онҳо ба пояи асрори намози Ибни Турка (яъне Соинуддин.- С.М.) намерасад, вай аз тариқи маърифат ба ҳақоқиқӣ илоҳӣ ва ирфонӣ ҳуруфӣ ба асрори намоз пардохта ва бисёре аз усули аҳли ҳақиқатро дар он баён намудааст” (9, ҷиҳилу нуҳ).

Ин рисола аз як муқаддима ва ду боб фароҳам омада, боби аввал дар “маънии таҳорат ва таҳқиқи арқони маънавияи он. Ва он ду саҳифа (яъне ду фасл.-С.М.) аст ва як тазниб”. Боби дувум. “Дар таҳқиқи маънии намоз ва он муштамил аст бар муқаддимае ва панҷ саҳифа ва тазнибе. Муқаддима дар баёни бандагии тасхирӣ ва бандагии ихтиёрӣ. Саҳифаи аввал. Дар баёни маънии намоз ба урфи ом. Саҳифаи дувум. Дар таҳқиқи моҳияти намоз бар урфи ҳоси аҳли камол, ки ворисон ва наздикони ҳазрати Рисолатпаноҳи хатмианд” (11, с. 77-139).

Ҳоча Соинуддин ин рисоларо нахуст соли 820х./ 1416 м. дар шаҳри Ҳирот навишта ва пас аз ҳашт сол, яъне дар 28 рамазони 828/ 16 июли 1424м. онро таҷдиди назар кардааст. Ин китоб дар мачмӯаи расоили Соинуддин ба нашр расидааст (10).

“Рисолаи эътиқодот ё муътақидот”. Аслан ҳуди Соинуддин ин рисоларо чунин унвон нагузоштаст, вале аз матолиби китоб пайдост, ки дар боби муътақидоти ҳуди ўст, бинобар ин, чунин номгузорӣ шудааст. Рисола дар радди тухматаст, ки дар боби мазҳаб ва ақида ба вай нисбат дода, ўро ба сӯфигарӣ муттаҳам карда буданд ва онро дар таърихи 19 ҷумодиюлаввали 829х./ 9 майи 1425м. дар Ҳирот навиштааст.

“Эътиқод ё эътиқодия”. Рисолаи кӯчаке аст, ки перомунӣ эътиқодоти ҳудаи навишта, ҷунонӣ гӯяд: «Эътиқоди ин фақир (яъне Соинуддин.-С.М) ба ғайр аз он чӣ аиммаи суннат ва ҷамоат бар онанд, набуда...» (11, 299). Бояд гуфт, ки ин рисола дар ду сафҳа таълиф шуда, ғайр аз китоби дигаре аст, ки таҳти унвони “Эътиқодот” зикр гардид. Ин ду рисола ҳам ба забони форсии тоҷикӣ таълиф гардида, дар мачмӯаи расоили Соинуддин нашр шудааст (11, 259-300). Аслан Соинуддини Хучандӣ дар боби мазҳаб бисёр мунсифона сухан гуфтааст, ки мо дар ин бобат бамаврид мулоҳиза намудаем (5, с. 199-208).

“Ар-рисолати-л-инзолияту ё инзолия”. Ин рисола дар 7 рамазони 828х./10 январи 1424 м. ба итмом расида, ҳаммонанди номи бисёре аз китобҳои ў аз мавзӯи рисола гирифта шудааст. Соинуддин дар ин рисола перомунӣ нузули китоби муқаддаси Қуръон ва маротиби он сухан гуфта аст. Дар муқаддима инзол ва арқони онро бад-ин тақриб шарҳу тавзеҳ намуда, ки инзол ҳаракате аст аз боло ба поён, бинобарин, иборат аз се рукн мебошад: 1. Мо минҳу-л-ҳаракат: 2. Мо илайҳи-л-ҳаракат. 3. Мо фиҳи-л-ҳаракат (1, 133). Рисолаи “Инзолия” ба тасҳеҳи адабиётшинос Мӯсавии Бехбаҳонӣ соли 1349 ш./1971 м. ҷоп шудааст (1, с. 142).

“Ал-бойъати”. Рисолаи мухтасаре аст ба равиши суолу ҷавоб. Дар муқаддимаи рисола зикр шудааст, ки нафаре аз Соинуддин ҳикмати афзалияти ҳарфи “б” -ро бар тамоми ҳуруфи Қуръон мепурсад ва муаллиф ин рисоларо дар ҷавоби суоли зикршуда дар таърихи 828х./ 1425м. навиштааст. Ин ду рисола ба забони арабӣ таълиф шудаанд.

“Тухфаи Алоия”. Ҳамонгуна ки аз исми китоб пайдост Соинуддин онро ба номи Алоуддавла фарзанди Бойсунғур дар таърихи 831х./1427м. ба итмом расонидааст. Муаллиф ҳадиси “Рӯзе назди Расули Худо будем, ки ногаҳон марде бар мо зохир

шуд...”-ро шарҳ дода, дар ҳамин асос мартабаҳои ибодат: имон, ислом ва эҳсонро низ шарҳу тавзеҳ мекунад. Ин рисола аз шаш боб иборат мебошад: таҳорат, намоз, закот, рӯза, ҳаҷ ва аркону шароити ҳар як аз он. Мавзӯҳои зикршуда ба сурати татбиқӣ миёни чаҳор фирқаи аҳли суннат баррасӣ шудааст. Ин рисола соли 1973 дар Техрон ба нашр расидааст (11, с. 155- 204).

“Саллам дору-с-салом”. Унвони комили ин китоб “Саллам дору-с-салом фӣ баёни ҳукми аркони-л- ислом” буда, мавзӯи баҳси он аҳком ва аркони панҷгонаи исломӣ аст, ки дар як муқаддима, панҷ боб ва хотима мураттаб шудааст. Дар муқаддима перомунӣ маънии ибодат ва анвоъи он суҳан гуфта , боби аввал дар баёни калимаи шаҳодатайн, боби дуюм дар баёни ҳикмати намоз ва шароити он, боби сеюм дар баёни закот, боби чаҳорум дар баёни рӯза ва боби панҷум дар баёни ҳаҷ мебошад. Ҳар ду рисола ҳам ба забони форсии тоҷикӣ навишта шудаанд.

“Шарҳи ҳадиси аъмоъ”. Ин асар кӯтоҳтарин рисолаи Ҳоҷа Соинуддин мебошад, ки дар тафсири ин ҳадис: “Худо пеш аз офариниши махлуқот дар кучо буд?”. Ҳазрати Муҳаммад(с) дар ҷавоб гуфт: “Кона фӣ иъмоин мо фавқа ҳавоу ва мо таҳта ҳавоу” (11,310) таълиф гардидааст. Ин рисола бо унвони “Шарҳи ҳадиси ғамом” низ ёд гардида, ба забони форсии тоҷикӣ дар таърихи 827х./ 1424 м. ба итмом расидааст. Рисолаи мазбур ҳам дар Техрон ҷоп шудааст (11, с. 311-313).

“Шарҳи ҳадиси ал- имон ё шарҳи ду ҳадиси набавӣ”. Рисолаи кӯчаке аст ҷамъан дар ду сафҳа ба равиши фалсафӣ ва ирфонӣ дар тафсири ин ду ҳадис: **“Инна ли қулла шайъин қалбан ва қалбу-л- қуръони ёсин”** ва **“ унзила-л- қуръону ало сабъати ахруфин”**. Касе аз Соинуддин шарҳи ин ду ҳадисро пурсидааст ва муаллиф ба илтимоси суолкунанда ин рисоларо нигоштааст. Ин рисола низ ба забони форсии тоҷикӣ навишта шуда, соли 1973 дар Техрон мунташир шудааст (11, с. 315-318).

“Шарҳи ҳадиси “Ҳайру-л-ҳадиси китобу-л-Лоҳи...ва қуллу бидъатин залолата”. Соинуддини Хучандӣ ин рисолаи кӯчакро ба забони арабӣ барои Рукниддин Соиди Қирмонӣ ба равиши аҳли ҳақ таълиф кардааст (14, наваду ду).

“Ар-рисолат-ул-Муҳаммадияту”. Рисолаест ба забони арабӣ дар шарҳи ин мавзӯ, ки “чи гуна аҳкоми шаръи муҳаммадиё бидуни тавассул ба фунуни ақлӣ ва улуми зоҳирӣ аз худ он чи бар Пайғамбар (с) нозил шуда, метавон истинбот кард” (1, с. 162). Китоби “ ал-Муҳаммадият” ханӯз ба ҷоп нарасидааст, аз мавҷудияти нусахи он адабиётшинос Бехбаҳонӣ иттилоъ додааст. Соинуддин ин китобро дар шавволи 828х./ августи 1425 м. ба поён бурдааст.

“Шакқи қамар ва баёни соат”. Ин рисола бо номҳои **“Шакқ-ал-қамар”** ва шарҳи ояти **“иктарабати-с-соату ва-н- шаққа-ал-қамару”** ҳам маъруф мебошад. Соинуддин сабаби иншои онро дар муқаддима баён намуда, дар маънии шакқ-ул-қамар ва «соат» дар партави ҳадиси «Барои Қуръон ҳафт батн» аст, назари ҳафт табақа росихони илмро тавзеҳ додааст:

Табақаи аввал. Аҳли зоҳиранд, яъне муҳаддисони каломӣ набавӣ. **Табақаи дуюм.** Ҳам аҳли зоҳиранд, валекин аз мартабаи тақлид гузашта, ба поймардии фикру назар роҳ бурда... **Табақаи сеюм.** Ҳукамои зоҳир ва мутааххирон эшонанд. **Табақаи чаҳорум.** Ҳукамои қадим, ки ба урфи замон эшонро ишроқиён хонанд. **Табақаи панҷум.** Муҳаққиқони сӯфианд ва аҳли шухуд. **Табақаи шашум.** Рамзхонии ҳуруфи қуръонианд. **Табақаи ҳафtum.** Мартабаи авлил ядӣ ва-л-абсор (11, с. 153). Соинуддин мулоҳизаи ҳафт табақаро доир ба шикоятҳои моҳ оварда, сипас назари ҳушро баён кардааст. Китоби “Шакқ-ал қамар”-и Соинуддин дар 829 х./ 1426 м. ба забони форсии тоҷикӣ навишта шуда, соли 1973 дар Техрон ба зевари табъ ораста гардидааст (11, с. 139-155).

“Мадоричи афҳом”. Яке аз китобҳои бисёр муҳими Соинуддин, рисолаи ҳозир аст, ки дар тафсири ояти “Самонията азвочин мина-з-зани-с-найни ... навишта шудааст. Ҳокими Мозандарон Разиаддини Алӣ таи номае аз Соинуддин хостааст ояти фавқро шарҳ кунад. Бинобар ин, муаллиф ба шарҳи ояи мазкур мепардозад ва онро дар ду мақола баррасӣ мекунад: **“мақолаи аввал:** нақду баёни суҳанон ва муфассирони зоҳир. **Мақолаи дувум:** нақду баёни гуфтори орифони маорифи вилоят”.

(13, с. 55). Мақолаи аввал шомили ду васл буда, мақолаи дувум бошад, шомили шаш табақа мебошад:

Табақаи аввал: нақди суҳанони сӯфияи зоҳир. **Табақаи дувум:** нақди суҳанони ҳукамон расмӣ. **Табақаи савум:** баррасии гуфтори муҳаққиқони сӯфия. **Табақаи чаҳорум:** нақди дарёфти зурафои сӯфия. **Табақаи панҷум:** нақди суҳанони воқифони забони анбиёи мурсал. **Табақаи шашум:** гуфтори маҳрамони ҳарамсарои хатмӣи вилоят. Зоҳиран ин табақабандӣ боис гардида, ки ин рисола бо номи “Мадоричи афҳом” бихонанд, зеро Соинуддин дар ҳеҷ мавзее аз ин китоб ба ин ном ишора накардааст. Ба қавли адабиётшинос Моили Ҳиравӣ вай ин нигоштаашро бо номи “таълиқот” хондааст (13, 56). Санаи навишти китоб дар таърихи 831х./ 1428 м. ҳангоми табъиди Соинуддин аз шаҳри Хирот дар Мозандарон иттифоқ афтодааст. Рисолаи “Самонияти азвоч” ба эҳтимоми Начиб Моили Ҳиравӣ дар Техрон чоп ҳам шудааст (13).

“Шарҳ-ул-бисмиллоҳ”. Шарҳи тафсири “Бисмиллоҳ” ба забони арабӣ, бар пояи усули аҳли маърифат ва илми ҳуруф. “Дар номае, ки Қозизодаи Румӣ” ба муаллиф фиристода, аз ин рисола бо таҷлил ёд намудааст. Соинуддин ин китобро дар 829 х./ 1426 м. навиштааст.

“Муҳри нубувват”. Рисолаи кӯтоҳе аст перомунӣ шарҳи муҳри пайғамбар ба забони арабӣ, ки дар таърихи 831х./ 1428 м. ба поён расидааст. Ин рисола ҳанӯз ба нашр нарасида, аз рӯи гуфтаҳои адабиётшинос Дебоҷӣ аз се нусаҳои он иттилоъ ёфтем, ки дар китобхонаҳои Эрон нигоҳдорӣ мешаванд (1, с. 130).

Осори адабӣ. Аз Соинуддини Хучандӣ осори бисёре ба забони форсии тоҷикӣ ва арабӣ бар қой мондааст, ки ағлаб ба сурати маҷмӯаи расоил дар китобхонаҳои Эрон, Туркия, Ҳинду Покистон, Британия ва Тошканд нигоҳдорӣ мешаванд. То ҳол нисфи ин осор ба чоп нарасидаанд ва бахше аз онҳоро рисолаҳои мансури адабии муаллиф ташкил медиҳад. Бинобар ин, бо тартиби мақом ва дараҷаи то кунун шинохта шуданашон осори адабии Хоҷа Соинуддинро ба шарҳи зер муаррифӣ мекунем:

Шарҳи «Ламаот» ё «Зуъ-ул-Ламаот». Аз муҳимтарин китоби Соинуддини Хучандӣ мебошад, ки дар шарҳи тавзеҳи яке аз маъруфтарин осори мансури ирфони назарӣ - «Ламаот»-и Ироқӣ, бо забони форсии тоҷикӣ таълиф шудааст. Агар қулӣ муҳаққиқон нахустин шарҳи “Ламаот”-ро Ламаҳот фӣ шарҳи-л-ламаот”-и Шайх Ёралӣ ибни Абдуллоҳи Шерозӣ (ваф. 812-816х./ 1409-1413м.) дониста бошанд, пас аз назари замон ва санаи таълиф “Зуъ-ул-ламаот”-и Соинуддин дуҷумин шарҳест бар ин китоб, ки соли 815х./1411м. таълиф шудааст. Муаллиф дебоҷа ё хутбаи оғозини китоби “Ламаот”-ро ба насри зебо тафсир карда, сипас шарҳи бисту ҳашт ламъа бо тартиби муайян, бо насри пухтаю илмӣ ва ораста баён мешавад. Китоби “Зуъ-ул-Ламаот” ба тасҳеҳи Бехбаҳонӣ ва Дебоҷӣ дар Техрон чоп шудааст (11, с. 15-77).

“Базм ва разм”. Ҳамонгуна, ки аз унвони китоб бармеояд мунозира ва мочароест миёни шамшер ва қалам, “қазовати ин баҳс ва чадал ба ақл ва завқ воғузур гардида ва қалами тавонои Ибни Турка онро ба сурате дилнишин сохта ва пардохтааст. Китоби “Базм ва разм” таърихи 829х./ 1426 м. таълиф гардида, аз мавҷудияти

нусхаҳои он аз рӯи навиштаҳои адабиётшиносон Дебочӣ ва хонум Неъматӣ огоҳӣ дорем (1, с. 119; 14, ҳаштод).

“Ақл ва ишқ ё мунозироти ҳамс”. Маъруфтарин китоби Соинуддин аст, ки дар қолаби дostonҳои дилнишин ва мутаассир аз дostonҳои рамзии Ибни Сино ва Сӯҳравардӣ (Шайхи Ишроқ) дар авоҳири муҳаррами 808х./ ноябри 1406 м. ба забони форсии тоҷикӣ нигошта шудааст. Рисола бо равиши рамзӣ- ирфонӣ навишта шуда, мафҳумҳои ақлу ишқ, ваҳму ҳаёл, ҳусну илҳом ва монанди ин, ки қувваҳои инсониянд, ҳамчун шахсият зухур мекунад ва ба мочарои ҳамдигар бармехезанд. Унвони аслии китоб «Мунозирот» («Ақлу ишқ») будааст. Ба хотири ин ки мундариҷа ва мазмун рисола аз мунозираҳои ақлу ишқ иборат аст, ин китоб «Ақлу ишқ» ном гирифтааст. Аз мӯҳтавои рисола ҳам пайдоист, ки мунозироти панҷгонаи он ба қарори зайл аст: 1. Мунозираи ақл бо ишқ 2. Мунозираи ваҳм бо ақл 3. Мунозираи ваҳм бо ҳаёл 4. Мунозираи самъ бо басар 5. Мунозираи ошиқ бо маъшук.

Хонум Ҷудии Неъматӣ дар асоси муқобала ва муқоисаи даҳ нусхаи хаттӣ ин рисоларо тасҳеҳ намуда, дар Эрон ба чоп расонидааст (9).

“Муншаот”. Адабиётшинос Баёнӣ нусхае аз мактуботи Соинуддинро дар маҷмӯае муаррифӣ карааст (4, с. 238). Ин маҷмӯа шомили осори донишмандоне мебошад, ки дар қарни ҳаштум ва нуҳуми ҳиҷрӣ мезистаанд ва шахсе бо номи “ Қивом” онҳоро дар ҳудуди соли 878х./1472 м. тадвин кардааст. Маҷмӯа муштамил аст бар муншаоти Соинуддин Алӣ “ шомили макотибе, ки аз тарафи умаро ва бузургон ба Шохрух ва Бойсунғур ибни Шохрух ва Сайид Зайнулобиддин ва амир Юсуфхоча навиштааст ва ба дунбол макотиби мутааддиди ихвонӣ дорад” (4, 237).

“Номаҳо”. Илова бар номаҳое, ки дар маҷмӯаи Баёнӣ муаррифӣ шудаанд, адабиётшинос Дебочӣ дар маҷмӯаи дигар ҳудудан даҳ номае аз Соинуддин шинохтааст, ки ба Алоуддин ибни Бойсунғур, амир Коркиё, Хоҷа Муҳаммад Качаҷӣ, амир Алоуддини Гелонӣ, Ҳасани Аттор, амир Фирӯзшоҳ ва номаҳои ирфонӣ шинохта шудаанд (9, панҷоҳу ҳафт). Дар баробари ин Муҳаммадтақӣ Донишпажӯҳ чанд номаи дигар дар зайли осори Соинуддин овардааст, ки ба онҳо ишора мекунем: «Соли Насириддини Тӯсӣ фӣ мактуби Садриддини Қунавӣ», «Номаи ӯ ба Сайид Неъматуллоҳ аз Исфаҳон ба Язд», «Ду мактуби ӯ ба истидъои амир Неъматуллоҳ», «Мактуби ӯ аз Қозизодаи Румӣ», «Номаи ӯ ба «Шарфо» (Алии Яздӣ) «Номаи ӯ ба амир Фирӯзшоҳ», «Мактуби Ҳазрати Сайидшариф Ҳусайни Ихлотӣ» (2, с. 307-312).

“Нафсат-ул-масдури аввал”. Замоне, ки фуқаҳои Ҳирот Соинуддинро ба сӯфигарӣ тухмат мекунад вай дар дифоъ аз худ барои Шохрухи Темурӣ ин китобро ба сабки адабӣ ва ирфонӣ навишта, дар он ба тафсил аз саргузашти худ ёд кардааст. Ин рисола шомили як муқаддима ва ду васл мебошад. Дар муқаддима аз шарҳи ҳоли худ ва хонадонаш суҳан гуфта, дар зимн аҳволу авзои иҷтимоӣ ва ахлоқии он рӯзгорро баён кардааст. Дар васли аввал нӯҳ ҳадиси набавиро, ки дар мазаммати бидъат гуфта шудаанд, шарҳ медиҳад. Таълифи китоб санаи 829 х./ 1426 м. дар шаҳри Ҳирот иттифоқ афтодааст.

“Нафсат-ул-масдури дуюм”. Соли 830 х./ 1427 м. Аҳмади Лур Шохрух Мирзоро дар масҷиди ҷомеи Ҳирот маҷрӯҳ сохт ва иддае донишмандон, аз ҷумла Соинуддинро ба он воқеа тухмат намуданд. Ба ҳамин ҷиҳат муаллиф китобе бо унвони “Нафсат-ул-масдури дуюм” навишт ва шарҳи ҳоли худ хонаводаашро дар он баён карда, аз ҳокими вақт Мирзо Бойсунғур кӯмак ҳам хостааст. Адабиётшинос Бехбаҳонӣ санаи навишта шудани онро 838х./1435м. донистааст, ки чандон саҳеҳ нест. Зеро Соинуддин соли 836х./1433м. даргузаштааст. Ба занни қавӣ таърихи таълифи ин рисола ба воқеаи

Аҳмади Лур рост меояд ва тахмин меравад, ки Соинуддин онро зимни мусофарат дар 830-831х./1427-1428м. навиштааст. Ҳар ду рисола ба забони форсии тоҷикӣ таълиф гардида, дар маҷмӯаи расоили Соинуддин ба зевари табъ ораста гардидаанд (10, с. 205-239).

“Шарҳи “Гулшани роз”. Бархе адабпажӯхон, аз ҷумла Бехбаҳонӣ ишора кардааст, ки гуё ҳамон рисолаи “Ақлу ишқ” аст, аммо Ҷудии Неъматӣ бар он аст, ки Соинуддин китобе бо унвони “Шарҳи Гулшани роз” дорад, аммо номе аз муаллиф бурда нашудааст (14, наваду ду). Дар ин маврид бояд гуфт, ки ин рисола ба забони форсии тоҷикӣ навишта шуда, дар баъзе феҳристҳо ба номи Соинуддин сабт шудааст ва ҳатто ба эҳтимоми Козими Дузуфулиён “Матн ва шарҳи Гулшани роз” бар асоси панҷ шарҳи қадимтарини “Гулшани роз” аз ҷумла шарҳи Соинуддин мунташир шудааст (3). Ҳангоми муқоиса ҳам равшан гардид, ки матни он аз “Ақлу ишқ” тавофут дорад.

“Шарҳи даҳ байт аз Ибни Арабӣ”. Ин рисола ба равиши ирфонӣ перомуни тафовут миёни “вучуд” ва “қавн” ба забони форсии тоҷикӣ навишта шудааст. Дар оғози он омада, ки азизе аз толибони кӯи яқин тарцимаи ин даҳ байтро аз ман илтимос намуд, бар асоси ин гузориши шоиста ба миён омад. Ин китоб дар 838 х./ 1435 м. дар Шероз нусхабардорӣ шуда, соли 1973 дар Техрон нашр шудааст (11, 324-332).

Тасаввуф ва ирфон. Осори дар ин замина навиштаи Хоҷа Соинуддин бахши муҳим ва қобили асарҳои мансури ўро ташкил мекунанд, ки зайлан яқояки онҳо ба таври иҷмол муаррифӣ хоҳанд шуд: **“Тамҳид-ул-қавоид”.** Унвони комили ин китоб “ат-Тамҳид фӣ шарҳи қаводи-т-тавҳид” буда, аз ҷумлаи осори арзишманд дар ин замина махсуб мешавад, ки ба забони арабӣ дар таърихи 830х./ 1427м. дар Шероз навишта шудааст. Китобе аст ба равиши ирфони Ибни Арабӣ дар шарҳи “Қавоиди-т-тавҳид” - и ҷаддаш Садриддин Абӯҳомид Муҳаммад, ки “аз дер боз дар маҷолис ва маҳофили илмӣ ва ҳавзаҳои баҳсӣ ва дарсӣ шинохта шуда будааст” (9, панҷоҳу се). То кунун ин китоб панҷ маротиба дар Техрон ба нашр расида, охири тасҳеҳи он ба кӯшиши Ҳасанзода Омулӣ сурат гирифтааст (6).

“Шарҳи “Назм-уд-дурар”. Ибни Фориз (ваф. 632х./ 1237м.) қасидае дорад, ки абёти он ба ҳарфи “т” ба охир мерасад ва ба “Қасидаи тоя” шўҳрат дорад. “Ин қасида дар он ҳад аз аҳамият ва азамат будааст, ки бузургоне аз аҳли ирфон ҳам чун Садриддини Қунавӣ онро ба дарс мегуфта...” (9, панҷоҳу панҷ). Соинуддин бар ин қасида ду шарҳ яке ба форсӣ ва дигаре ба арабӣ бар мабони ирфони назарӣ дар 806 х./ 1404 м. навишт. Вай ин шарҳро бо дархости ҷамъе аз азизон ба анҷом расонида, ки шомилӣ муқаддимае бар як асл ва ҷаҳордаҳ васл мебошад. Ин қасида дорои 760 байт мебошад ва Хоҷа Соинуддин онро бо усули таҳлили байт ба байт ба сабки насри фанӣ тафсир кардааст. Илова бар ин, Соинуддин ин қасидаро ба забони форсии тоҷикӣ тарҷума ҳам кардааст, ки матни он дар қанори ҳамин шарҳ бо муқаддима ва тасҳеҳи хонум Ҷудии Неъматӣ дар Техрон ба зевари табъ ораста гардидааст (14).

“Шарҳ-ут-тояти-л-кубро”. Ин рисола шарҳи арабии “Қасидаи тоя” ё “Назм-уд-дурар” мебошад, ки шомилӣ муқаддима ду асл ва як тазниб аст. Шеваи нигориш дар шарҳи арабӣ ба ҳамон равиши шарҳи форсӣ аст. Танҳо дар ин рисола нахуст луғот ва истилоҳоти душвори ирфонӣ шарҳу тавзеҳ гардида, сипас Соинуддин барои такмил ва тақвияти андеша аз ашъори шуарои араб шохид овардааст. Тасаллутӣ Ибни Фориз дар шеъри ирфонӣ ҷунон аст, ки дар адабиёти форсии тоҷикӣ танҳо бо ашъори ирфонии Ҳофиз қобили муқоиса будааст. Бинобар ин, шарҳу тавзеҳи ингуна осор аз донишмандӣ ва тасаллутӣ Соинуддин дар ирфон ва адабиёти арабӣ гувоҳӣ медиҳад. “Шарҳ-ут-тояти-л-кубро” ҳам дар Техрон ҷоп шудааст (15).

“Шарҳи “Фусус-ул-ҳикам”. “Фусус-ул-ҳикам” муҳимтарин китоби Ибни Арабӣ дар ирфони назарӣ аст, ки донишмандони зиёде бар он шарҳ навиштаанд. Аз зумраи касоне ки ин китобро мавриди назар қарор дода, Хоча Соинуддин аст. “Шарҳи “Фусус-ул-ҳиками Ибни Турка дар миёни шарҳҳое, ки бар ин китоб нигориш ёфта, назир надорад” (11, панҷоҳу панҷ). Ин китоб таърихи 831х./1428 м. ба забони арабӣ навишта шуда, ба кӯшиши Мухсини Бедорфар дар Техрон ба чоп расидааст (16).

“Атвори салоса”. Ин рисола бо номи “Атвори сулсаи тасаввуф” низ маъруф буда, соли 828х./ 1425м. ба забони форсии тоҷикӣ нигошта шудааст. Муаллиф сӯфияро ба се гурӯҳ тақсим мекунад: муҳакқиқон, аброр ва аҳёр. Мустанадӣ Соинуддин дар ин тақсимбандӣ ояти 32-юми сураи Фотир буда, таври “муҳакқиқ”-ро ба Ибни Арабӣ интисоб додааст. Тариқаи «аброр»-ро ба Наҷмиддини Кубро ва «аҳёр»-ро бошад ба Шаҳобиддини Сӯҳравардӣ мансуб медонад. “Атвори салоса” ҳам, ба тасхеҳи Хусайни Довудӣ дар Техрон мунташир шудааст (8).

“Истилохоти сӯфия”. Ин рисола ба тартиби алифбой тадвин шуда, дар баъзе нусхаҳо бо унвони “Ҳавошии истилохот аз ҳар ҷо навиштаанд”, омадааст. “Маълум мегардад, ки ин мухтасари ёддоштҳое буда, ки вай дар ғӯша ва канор навишта буда ва пас аз он мураттаб сохта ” (9, ҳаштоду се). Ин китоб дар соли 829х./ 1426м. ба забони арабӣ таълиф гардида, то кунун рӯи ҷопро надидааст. Нусхаҳои он дар китобхонаҳои Маҷлиси шӯрои миллии ва Мадрасаи Сипаҳсолори Эрон нигоҳдорӣ мешаванд.

“Рисолаи қобилият”. Рисолае аст перомунӣ истеъдод ба равиши аҳли маърифат, ки ба забони форсии тоҷикӣ тадвин шуда, соли 1973 ҷоп гардидааст (10, с. 145-152).

“Шарҳи хутбаи тафсири “ал-Кашшоф”. Ҳамонгуна ки аз унвони китоб пайдост шарҳу тавзеҳи хутбаи тафсири “Кашшоф”-и Замахшарӣ мебошад. Ин рисола ба забони арабӣ нигошта шуда, то ҳол нашр нагардидааст, вале аз мавҷудияти се нусхаи қадимӣ ва муътабари он тибқи навиштаҳои Мӯсаии Беҳбаҳонӣ огоҳӣ дорем.

Осори ҳуруфӣ. Ба қалами Соинуддини Хучандӣ як зумра осори арзишманд бар мабнои ирфони ҳуруфӣ таълиф шудаанд ва аҳли фан ҳам ўро аз муассисон ва бунёдгузори мактаби ирфони ҳуруфӣ донистаанд, ки “ҳеҷ як аз донишмандони исломӣ дар ин илм ба пояи ў намерасанд ” (9, панҷоҳу ҳафт). Асарҳое, ки дар ин бобат навишта шудаанд, ба таври зайл муаррифӣ мешаванд:

“Рисолаи ҳуруф”. Рисолаи кӯтоҳе аст дар усул ва муқаддамоти илми ҳуруф барои мубтадиён дар шаҳри Язд соли 828х./ 1425м. ба забони форсии тоҷикӣ тасниф шудааст. Дорои як муқаддима, се асл ва як тазниб аст. Рисолаи мазбур ба зевари табъ орошта нагардида, аз се дастхати он дар маҷмӯаи шумораи 8503 китобхонаи Маҷлиси шӯрои миллии Эрон ва феҳристи Бодлиён (Ш1298Г45-47) огоҳӣ ёфтем (1, с. 118).

Ал-мафохис. Муҳимтарин китобе аст, ки дар илми ҳуруф ва адад ба арабӣ нигошта шуда, ба ғуфтаи мусанниф мавзӯи баҳси он “воҳид бимо ҳува воҳид” аст. Дар як муқаддима, ҷаҳор саҳифа тадвин шуда, ки муқаддима дорои ҳафт мафҳас мебошад (9, панҷоҳу ҳашт). Муаллиф дар ин китоб доирае оид ба илми адад кашидаст, ки онро “доираи таҳвия” меномад. “Ал-мафохис” то имрӯз ба ҷоп нарасида, нусхаҳои он дар феҳристҳои Китобхонаи марказии донишгоҳи Техрон, донишқадаи Илоҳиёт ва остони Қудси Разавӣ муаррифӣ шудаанд. Донишпажӯҳ бар он аст, ки ин китоб дар шаъбони 823х./ июли 1420 ба анҷом расида, дубора дар 14 шавволи 828х./ 15 июли 1420 м. бад-он боз нигариста ва бандҳое илова кардааст. Нусха ба хатти Алии Яздӣ навишта шуда, дар оғоз ва охири он хатти Соинуддин ҳам дида мешавад (2, с. 308; 1, с. 115).

Суол-ул-мулук. Рисолае аст дар баёни илми ҳуруф, ки бо дархости амирзода Бойсунғур ба забони форсии тоҷикӣ тадвин гардида, аз муқаддима ду васл ва як хотима иборат мебошад. Дар муқаддима доир ба илми ҳуруф ва ҳақиқи он сухан рафтааст. Васли аввал дар маънии хавоси ҳуруф, дорои се боб. Васли дувум дар бахши назарии илми ҳуруф, шомили се сухан. Номи дигари ин рисола дар баъзе феҳристҳо “Мақбул-ул-мулук” сабт шудааст (14, навадуду).

Анҷом. Ба забони форсии тоҷикӣ нигошта шуда, фарқи миёни илми ҳуруфро аз илми тасаввуф баён кардааст. Аз муқаддима, ду васл ва як хотима иборат мебошад. Ин рисолаи кӯчак ба саъй ва эҳтимоми Иброҳими Дебӯҷӣ дар маҷаллаи донишқадаи адабиёти Донишгоҳи Техрон ба ҷоп расидааст (12).

Нукта. Рисолаи кӯчаке аст дар баёни “Анан-н-уктати-л-латий тахту-л-боъи” ба равиши ҳуруфиён, ки таърихи 828х./ 1425 м. ба забони форсии тоҷикӣ нигошта шудааст. “Рисолаи нукта” то ҳол ба зевари таъби орошта нагардида, аз мавҷудияти нусхаҳои он аз маълумоти феҳристҳо огоҳӣ дорем.

Осори фалсафӣ. Ҳоча Соинуддин дар заминаи фалсафаи исломӣ низ як зумра расоили арзишманд ва мондагор тасниф кардааст, ки дарвоқеъ бидуни вай мактаби фалсафии Исфохон қобили мулоҳиза ва дарёфт нест. Осори фалсафии ӯро ба тартиб баён мекунем:

“Мабдаъ ва маод”. Бо дархости шоҳ Разиуддини Алӣ дар як муқаддима, ду боб ва хотима ба равиши аҳли ҳақ дар 832х./1429м. ба забони форсии тоҷикӣ навишта шудааст. Муқаддима дар тақсими навъи одамӣ. Боби аввал дар мабдаъ ва маод ба забони аҳли назар. Боби дуюм дар мабдаъ ва маод ба забони урафо (2, с. 309).

“Шарҳи таҷаллии зотӣ”. Шарҳу тавзеҳи китоби “Таҷаллии зотӣ”-и табиби Испонӣ Ҳасан ибни Иззуддавла (ваф. 697ё 699х./ 1298м.) маъруф ба Ибни Худи Мағрибӣ мебошад, ки ба забони арабӣ таълиф гардидааст. То кунун ба нашр нарасида, доир ба се нусхаи он адабиётшинос Беҳбаҳонӣ иттилоъ додааст.

“Тақдим-ул-ақл алан-н-афс”. Ин рисола дар “тақдими ақл бар тамоми қувваҳои нафсонӣ дар ҷаҳор маслак, ба тариқи аҳли маърифат ба забони арабӣ таълиф гардидааст. Рисолаи мазбур низ то имрӯз ба ҷоп нарасида, аз нусхаҳои он дар китобхонаи мадраси Сипаҳсолори Эрон ва микрофилми Донишгоҳи Техрон огоҳӣ дорем.

“Рисола дар шарҳи ҳақиқати ваҳдати мутлақаи зотия”. Соинуддин дар ин рисолаи кӯтоҳ ваҳдати мутлақаи зотиро ба забони арабӣ шарҳу тавзеҳ кардааст. Дар баъзе феҳристҳо ба номи “ал-хатмия” ҳам сабт шудааст. То ҳол ҷоп нагардида, роҷеъ ба нусхаҳои он аз маълумоти феҳристҳо огоҳӣ пайдо намудем (1, 119).

“Маънии илми сарф”. Рисолаи кӯтоҳе аст, ки дар баёни илми сарф навишта шуда, масоили ин илмро аз назари ирфонӣ тафсир мекунад. Ин рисола бо номҳои “Рисолаи фӣ хавоси илми сарф” ва “Сарф-ул-қулуб”-и Соинӣ ҳам маъруф мебошад. Соинуддин ба монанди “Наҳв-ул-қулуб”-и Кушайрӣ “ваҷҳи ҳар як аз афъол дар ҷаҳордаҳ сигаро бар асоси мактаби ҳуруфӣ” (11, с. 308) баён намудааст. Рисолаи мазбур дар маҷмӯаи расоили Соинуддин ба нашр расидааст (11, с. 307-311).

“Рисолаи муаммо”. Муаллиф ба сабки ҳоси худ усулу қавоиди муамморо шарҳ кардааст. Ин рисола то кунун нашр нашуда, аз мавҷудияти нусхаи он, ки дар китобхонаи Маҷлиси шӯрои миллии Эрон ниғадорӣ мешавад, огоҳӣ дорем (1, с. 120). Ин ду рисола ба забони форсии тоҷикӣ таълиф шудаанд.

“Ал-маноҳиҷ фи-л-мантиқ”. Ҷунонки аз унвони китоб фаҳмида мешавад дар илми мантиқ ба забони арабӣ тадвин гардида, аз як муқаддима ва ҷаҳор манҳаҷ фароҳам омадааст. Яке аз осори пурмоҷаи Соинуддини Хучандӣ китоби “ал-маноҳиҷ”

аст, ки дар раҷаби 833х./ майи 1430 м. барои фарзандаш Муҳаммад дар шаҳри Натназ нигошта шудааст. Ин китоб ба саъй ва эҳтимоми Иброҳими Дебҷӣ дар Техрон омода ва нашр шудааст (9).

“Исбоҳ-ул-анвор.” Ин китоб дар ҳеҷ як феҳристҳое, ки ба муаррифии осори Соинуиддин пардохтаанд, ишора нашудааст. Адабиётшинос Ҷудии Неъматӣ бар асоси гуфтаҳои худ Соинуиддин дар рисолаи “Тухфаи Алоия” аз мавҷудияти чунин китоб доштани ӯ барои аввалин бор иттилоъ додааст (14, ҳаштоду нух).

“Махзан-ул-ғариб”. Адабиётшинос Мӯсавии Беҳбаҳонӣ ин китобро дар феҳристи Бодлиён ба номи Соинуиддин дидааст (1, с.110).

Дар феҳристи Мунзавӣ ду рисола ғайр аз он чи то ҳол муаррифӣ гардид, ба Соинуиддин нисбат дода шудааст, ки инҳоянд: “Маҳич-ул-ашвоқ” ва “Маъҷуни Илоҳӣ” (14, наваду нух).

Ҳамин тавр, бо таваҷҷуҳ ба таърихи китобати ин осор метавон гуфт, ки таснифоти Соинуиддин Ҳучандии Исфаҳонӣ аз синни 36-солагӣ оғоз гардида, нахустин китоби нависанда “Шарҳи “Назм-уд-дурар” мебошад, ки дар ирфони назарӣ ба шеваи насри адабӣ навишта шудааст. Асарҳои мансури нависанда аз нигоҳи фарогирии мавзӯ ва мундариҷа ба анвои зерин тақсим мешаванд: осори мансури адабӣ, асарҳои илмӣ- таълимӣ, тасаввуфу ирфон, улуми динӣ ва шарҳу тафсир. Вай бештаринаи ин осорро дар тӯли 25 сол миёни солҳои 806 то 836 х./ 1404 то 1433м., ки соли вафоти ӯст, иншо кардааст.

Метавон ба чунин натиҷа расид, ки яке аз вежаҳои сабкӣ осори Соинуиддин танаввуи мавзӯ дар таълиф ва шеваи баён будааст. Ё ба баёни дигар унсурҳои ташкилкунандаи андешаҳои вай иборатанд аз шариат, ирфон, фалсафа ва афкори ҳуруфӣ. Муҳим он аст, ки ин китобу рисолаҳо чи форсии тоҷикӣ ва чи арабӣ ба шеваи насри фанӣ навишта шуда, гузашта аз мақоми илмӣ дар олами худ тозагӣ доранд ва Соинуиддин ҳам аз зумраи донишмандоне мебошад, ки шеваи фаннӣ дар мавриди масоили илмӣ ба қор бурдааст. Бинобар ин дар ҳар боб навиштаҳое дорад, ки бар устодии вай гувоҳӣ медиҳанд. Нигорандаи ин мухтасар дар тақя ба маълумоти нусахи хаттии осори суҳанвар ва маълумоти сарчашмаҳои зерин даст буда, то кунун беш аз 70 асар ба форсии тоҷикӣ ва арабӣ аз Соинуиддин шинохтааст.

Аммо аҳволу афкор ва хусусияти сабақш дар назму наср барои ҷомеаи фарҳангии форсизабонон ба шоистагӣ омӯхта нашудааст. Шояд бад-он сабаб бошад, ки тамомии осори нависанда ба нашр нарасида ва мавриди нақду баррасии ҳамаҷониба қарор нагирифтааст. Бинобар ин, ҷойгоҳи мақом ва осори Соинуиддини Ҳучандии Исфаҳонӣ дар таърихи адабиёти форсии тоҷикӣ асри понздаҳуми мелодӣ ба сурати комили илмӣ муайян нашудааст ва ниёз ба баррасӣ ва мулоҳизаи амиқ дорад.

Вожаҳои калидӣ: Соинуиддини Ҳучандӣ, таърихи адабиёт, насри адабӣ, осори динӣ, тасаввуфӣ, ҳуруфия

Пайнавишт:

1. Беҳбаҳонӣ, Сайидалӣ. Аҳвол ва осори Соинуиддини Туркаӣ Исфаҳонӣ ба инзимоми рисолаи “Инзолияи”-и ӯ// Маҷмӯаи суҳанрониҳо ва мақолаҳо дар бораи фалсафа ва ирфони исломӣ/ Сайидалӣ Беҳбаҳонӣ. -Техрон: Мутолиоти исломӣ, 1349. С. 110-132.
2. Донишпазҷӯх, Муҳаммадтақӣ. Маҷмӯаи расоили Ҳучандӣ/ Муҳаммадтақӣ Д. // Фарҳанги Эронзамин.-1345.-Ҷилди 4. – С. 307-312.
3. Маҳмуди Шабистарӣ. Гулиани роз (матн ва шарҳ) бар асоси қадимитарин ва муҳимтарин шурӯҳи “Гулиани роз”. Ба эҳтимоми Қозими Дузуфулиён / Шабистарӣ М. -Техрон: Тиллоӣ, 1393.- 656 с.

4. Маҳдӣ Баёнӣ. Маҷмӯаи муниаот / Баёнӣ М. // Раҳнамои китоб.-1340.-Соли чаҳорум, ҷилди 3. - С.237.
5. Мирзоев С. Нигоҳе ба афкори динӣ-адабии Соинуддини Хучандӣ / С. Мирзоев // Ахбори ДДХБСТ.-2014.-№2(58).-С.199-208.
6. Соинуддин Али. Тамҳид-ул-қавоид . Тасҳеҳ ва ҳавошӣ Муҳаммадризо Қумшаӣ ва Мирзо Муҳаммад. Муқаддима ва таълиқ: Ҷалолиддини Оштиёнӣ / А. Соинуддин.- Қум: Бӯстони китоб, 1387.- 489 с.
7. Соинуддин Али . Ақлу ишқ ё мунозироти хамс. Тасҳеҳ ва таҳқиқи Акрам Худӣ Неъматӣ / А. Соинуддин .-Техрон: Аҳли қалам, 1375. – 218 с.
8. Соинуддин Али .Атвори салоса. Тасҳеҳи Хусайни Довудӣ /А. Соинуддин // «Маориф».- 1371, давраи нуҳум, шумораи дуҷум. - С. 45-77.
9. Соинуддин Али. Ал-маноҳич фи-л-мантиқ. Ба эҳтимоми Иброҳими Дебоҷӣ / А. Соинуддин.- Техрон: Донишгоҳ, 1376. - 232 с.
10. Соинуддин, Алӣ. Чаҳордаҳ рисолаи форсӣ. Ба тасҳеҳи Мӯсаии Беҳбаҳонӣ ва Иброҳими Дебоҷӣ /А. Соинуддин.-Техрон, 1351. -296 с.
11. Соинуддин, Алӣ .Чаҳордаҳ рисолаи форсӣ. Муқаддима ва тавзеҳот: Маҳмуди Тоҳирӣ / А. Соинуддин.-Техрон, 1389. -373 с.
12. Соинуддин Алӣ. Рисолаи анҷом. Ба қўишии Иброҳими Дебоҷӣ / А. Соинуддин. // Донишқадаи адабиёт.-1342.-Ҷилди 3. - С.154-181.
13. Соинуддин Алӣ. Мадориҷ-ул-афҳом. Ба тасҳеҳи Моили Ҳиравӣ / А. Соинуддин // Кайҳони андеша.-1367.-Шумораи 17-18.- С.48-95.
14. Соинуддин Алӣ. Шарҳи Назм-уд-дурар. Тасҳеҳ ва таҳқиқ аз Ҷудии Неъматӣ / А. Соинуддин.-Техрон: Мероси мактуб, 1384.-509 с.
15. Соинуддин Алӣ. Шарҳ-ут-тояти-л-қубро. Тасҳеҳи Маҷид Ҳодизода /А. Соинуддин.- Техрон: Пажӯҳиши ҳикмат ва фалсафа, 1391.-218 с.
16. Соинуддин Алӣ. Шарҳи Фусус-ул-ҳикам.-Дар ду ҷилд. Таҳқиқ ва таълиқ: Муҳсин Бедофар /А. Соинуддин.-Қум: Бедор, 1378. -1023 с.

Reference Literature:

1. Bekhbakhoni, Sayidali. Life and Creation of Soinuddin Turka Isfakhoni with the Supplement of the Treatise «*Inzoliya*» // Collection of reports and articles about Islamic philosophy and mysticism. // Sayidal Bekhbakhoni. - Tehran: Islamic Studies, 1349 hijra. – pp. 110 – 132.
2. Donishpazhukh, Mukhammadtaki. Collection of Treatises by Khujandi / Mukhammadtaki Donishpazhukh // The Culture of Iran. – 1345 hijra. – V.4. – pp. 307 – 312.
3. Makhmud Shabistari. Flower-Bed of Mysteries (text and commentaries on the basis of the ancientest and authoritative commentaries to «Flower-Bed of Mysteries» under the editorship of Kozim Duzufuliyon // Shabistari M. Tehran: Gold, 1393 hijra. – 656 pp.
4. Makhdii Bayoni. Collection of Letters / Bayoni M. // Book Review. – 1340 hijra. – The fourth year. V.3. – 237 pp.
5. Mirzoyev S. On Religious-Literary Views of Soinuddin Khujandi // S. Mirzoyev // Bulletin of TSULBP. – 2014. - #2(58). – pp. 199 – 208.
6. Soinuddin Ali // Introduction into Rules. Recension and commentaries by Mukhammadrizo Kumsay and Mirza Mukhammadi. Introduction and commentaries by Djaloliddin Oshtiyoni / A. Soinuddin. - Kum: Flower-Bed of Book. 1387 hijra. – 489 pp.
7. Soinuddin Ali. Reason and Love. Under the editorship of Akram Khudi Nedmati // A. Soinuddin. - Tehran: Men-of-Letters. 1375 hijra. – 218 pp.

8. Soinuddin Ali. *Atvori Salasa*. Under the editorship of Khusayn Dovudi / A. Soinuddin // *Maorif (enlightenment)*. – 1371 hijra, #2. – pp. 45 – 77.
9. Soinuddin Ali. *Treatise on Logic*. Under the editorship of Ibraghim Debodji // A. Soinuddin. - Tehran: University. 1376 hijra. – 232 pp.
10. Soinuddin Ali. *Fourteen Persian Treatises*. Under the editorship of Musavii Bekhbakhoni and Ibraghim Debodgi // A. Soinuddin. – Tehran, 1351 hijra. – 296 pp.
11. Soinuddin Ali. *Fourteen Persian Treatises*. Introduction and commentaries by Makhmud Tokhiri // A. Soinuddin. – Tehran. 1389 hijra. – 373 pp.
12. Soinuddin Ali. *The Treatise about the End of your Way*. Under the editorship of Ibraghim Debodji // A. Soinuddin // *The faculty of philology*. – 1342 hijra. – V.3. – pp. 154 – 181.
13. Soinuddin Ali. *Commentary to Sura's Ayat «Cow»*. Under the editorship of Moil Khiravi // A. Soinuddin // *Cosmos of Meditations*. – 1367 hijra. - # # 17 – 18. – pp. 48 – 95.
14. Soinuddin Ali. *Commentary to «Nazm-ut-Darar»*. Recension and research by Djuti Negmati // A. Soinuddin. - Tehran: *Written Legacies*. – 1384 hijra. – 509 pp.
15. Soinuddin Ali. *Interpretation of «Toya» Big Kasyd*. Recension by Madjidi Khodizoda // A. Soinuddin. - Tehran: *Research on Mysticism and Philosophy*. 1391 hijra. – 218 pp.
16. Soinuddin Ali. *Interpretation of «Gems of Wisdom»*. In two volumes. Research and commentaries by Mukhsin Bedofar // A. Soinuddin. - Kum: *Debor*, 1378 hijra, 1023 pp.

**ИНЪИКОСИ СИМОИ
ЗАН ДАР «БЎСТОН»-И
САЪДИИ ШЕРОЗӢ**

Ахророва Гулчехра Усмоновна,
н.и.ф., дотсент, муовини директор оид
ба корҳои тарбиявии ДИС ДДТТ
(Тоҷикистон, Хуҷанд)

**ОТРАЖЕНИЕ ОБРАЗА
ЖЕНЩИНЫ В МЕСНЕВИ
СААДИ ШЕРОЗИ «БУСТОН»**

Ахророва Гулчехра Усмоновна,
к.ф.н., доцент, заместитель директора по
воспитательной работе Института экономики
и торговли Таджикского государственного
университета коммерции
(Таджикистан, Худжанд)

**REFLECTION OF WOMAN`S
IMAGE IN MESNEVI
«BUSTON» BY SAADI SHEROZI**

Ahrorova Gulchehra Usmonovna,
candidate of philological sciences, Associate Professor,
deputy director on upbringing work of the Institute of
Economy and Trade under the Tajik State University of
Commerce (Tajikistan Khudjand)
E-MAIL: akhrorava@mail.ru

Ключевые слова: творчество Саади, характеристика образа женщины, достоинства женщины, женщина-мать, потенциал женщины, поэтические средства

Автор дает характеристику образа женщины в творчестве Саади Шерози. Поэт показывает не только достоинства женщины: стойкость, терпение, зрелость и красоту, но и её испорченность. Саади отмечает ее красноречие, примерное поведение, стыдливость. Поэт показывает заботливую, красивую, достойную женщину, которая является хранительницей семейного очага. Саади уделяет большое внимание образу женщины-матери. Также он даёт и отрицательную оценку поведения женщин. Женщина может быть хитрой, коварной, непостоянной в своих чувствах и эгоистичной. Поэт призывает женщину быть чистой, красивой, преданной, наставлять мужчин на истинный путь. Создавая образ женщины, отражая её внешний облик и духовный мир, воспевая достоинства неповторимой женской натуры, Саади считал своим творческим долгом раскрыть весь сосредоточенный в женщине потенциал. Саади Шерози находит поэтические художественные средства для раскрытия образов своих героинь.

Key words: characteristics of woman`s image, woman`s dignity, woman-mother, sa`di creations, woman`s potential, poetic means.

The author of the article characterizes women`s images in Saadi Sherozi`s creation. The poet points out not only woman`s dignities such as: stoicism, patience, maturity and beauty, but her depravity either. Saadi marks their eloquence, good behavior, bashfulness. The poet depicts a careful, lovely and worthy woman who is a guardian of family`s hearth. Particular attention is paid to the image of woman-mother. He gives a negative assessment of women`s behaviour as well. Women can be sly, crafty, inconstant in their feelings and egoistic. The poet invokes a woman to be pure, beautiful, devoted; to admonish men from bad roads. Creating a woman`s

image, reflecting her outward appearance and inner world, praising the dignities of unique woman`s nature Saadi keeps to the opinion that a disclosure of all potential concentrated in woman is considered as his creation duty. Saadi Sherozi finds poetic imaginative means for revelation of presentation of his heroine`s images.

Омӯзиш ва таҳқику баррасии сайри чандасраи таърихи адабиёти форсу тоҷик аз он гувоҳӣ медиҳад, ки тимсоли зан дар осори адабии мардуми форсизабон решаҳои қадимӣ дорад ва зуҳури он дар манобеи адабии давраи куҳан ба назар мерасад. Дар асоси, ривоёт ва дostonҳои ҳамосавии бostonӣ чехраи занон бо хусусиятҳои мумтозе инъикос ёфтаанд. Донишмандону суҳанварони адабиёти форсӣ дар қарнҳои муҳталиф бар он муваффақ шудаанд, ки ғановати маънавӣ, зоҳиру ботин ва ҳислату сифоти занонро дар осори бадеии хеш ба тасвир оваранд ва дар ин мавзӯ ҷилсилаи симоҳои ҷовидонае биофаранд.

Саъдии Шерозӣ аз бузургтарин адиби форсу тоҷик аст, ки дорои осори гаронбаҳое чун «Бӯстон» ва «Ғулистон» мебошад. Ин осори пурмуҳтавои адабиёти форсу тоҷик нишондиҳандаи роҳи дурусти зиндагӣ ва ҳидоятгари одобу ахлоқи ҳасана гардидаанд.

«Бӯстон» асари гаронбаҳои тарбиявӣ буда, фароғири даҳ боб оид ба адлу тадбир, эҳсону қаромат, ризову қаноат, шукр бар офият ва олами тарбият аст. Суҳангӯи бузурги Шероз дар осори беназири хеш перомунӣ манзалату матонат, тамкину таҳаммул, қамолу қамол ва ҳатто табоҳқории занон андешаҳои ҷолиб баён намудааст. «Дар ин дунё, ки Саъдӣ дар «Бӯстон»-и хеш нақши онро рехтааст, ҳеҷ чиз беравнақтару бечилватар аз бадиву зиштӣ нест. Саъдӣ мекушад, ки ҳар чиро зиштиву бадист, аз арсаи ин ҷаҳон бизудояд ва дар ҳамаи ҷаҳон ҷуз некиву зебоӣ чизе боқӣ нагузорад» [2, с. 188]. Дар ин осори мӯхташам зан мақоми хеле воло дошта, тасвири бузургиву шахомат, одобу фазилат, тавоноиву зебоӣи ҷисмониву рӯҳонӣ ӯ аз масоили умдаву муҳрам ба шумор меравад. Саъдӣ беҳтарин ҳислати занонро дар хушбаёнӣву суҳанварӣ, хирадмандиву орифӣ ва ахлоқи поку шарму озарм дарёфтааст. Зан дар ҳикояҳо бештари маврид ситоиш қарда шудааст. Шинохти мақоми зан ва арҷи волои шахсияти ӯ яке аз ормонҳои муҳими ҳақими Шероз буда, дар асар зан ғолибан чун мазҳари зебоӣ, муҳассанот, тимсоли некиву покӣ ва офаридаи инсонӣ қомил тасвир шудааст. Саъдӣ дар боби ҳафтом, ки «Дар олами тарбият» унвон дорад, ба таври муфассал дар мавриди ҳислати зани хубу фармонбар, ғамгусору боҳирад нуқтаи назари хешро баён мекунад. Саъдӣ зани хуб ва ахлоқи ҳақидаи ӯро ормони худ донистааст:

*Зани хуби фармонбари порсо
Кунад марди дарवेशро подшо.
Бирав, панҷ навбат бизан бар дарат,
Чу ёре мувофиқ бувад дар барат.
Ҳама рӯз, агар ғам хӯрӣ, ғам мадор,
Чу шаб ғамгусорат бувад дар қанор.
Қиро хона ободу ҳамхоба дӯст,
Худоро ба раҳмат назар сӯи ӯст [7, с. 232-233].*

Шоир дар тасвири симои зан нигоҳи хоса дорад. Ӯ симои зан ва андешаву ақидаҳои доир ба зан доштаи худро бо овардани ҳикоеҳои алоҳида дар бораи вазъ ва рӯҳияи занон дар оила ва дар муносибати байни марду зан ибраз доштааст, ки ин низ яке аз роҳҳои ифодаёбии фикр ва пеш гирифтани майлони тозае дар офариниши ин

тимсол мебошад. Зан дӯсти наздик, рафиқи хуб, равшангари хонаву макон, бунёдгари рӯзгори осуда ва дар ишқ вафодор аст.

Чу мастур бошад зани хубрӯй,

Ба дидори ӯ дар бихишт аст шӯй [7, с. 233].

Зан садоқат ва вафодорию дар шахсияти худ бо сифатҳои мардонагӣ ва далериву шучоат пайваستاаст. Ба ибораи донишманди шинохтаи тоҷик Ҷонон Бобокалонова «Саъдӣ зани хушгуфтор ва хушмуомиларо беҳтарин инсон доништа ва мардро ба он даъват мекунад, ки иззати нафси занро нақохонд ва бо вай хушмуомила ва некрафтор бошад» [1, с. 94]. Зан аз нигоҳи шоир оқилу доно, насихатгару донишманд аст ва бо сухани пандомезу ҳакимонаи худ инсонро ба роҳи рост ҳидоят карда метавонад. Саъдӣ дар мавриди зане сухан мегӯяд, ки тавонистааст ҳамсари худро аз рафтори зишту ношоиста ва бадҷаҳливу ҳӯи бад нигоҳ дорад. Зан қодир аст, мардро панду андарз диҳад ва ӯро ба қори нек ҳидоят намояд. Дар ҳикояти боби шашум овардааст:

Ба деҳқони нодон чӣ хуш гуфт зан,

Ба дониш сухан гӯй, ё дам мазан...

Чӣ некӯ задаст ин масал барҳаман:

«Бувад ҳурмати ҳар кас аз хештан» [7, с. 218].

Ё дар ҳикояти дигар овардааст:

Зане гуфт бозикунон шӯйро:

«Асал талх бошад турушрӯйро».

Ба дӯзах барад мардро ҳӯи зишт,

Ки ахлоқи нек омадааст аз бихишт [7, с. 232].

Аз ҷамъи ин абёт маълум мегардад, ки зан метавонад мардро аз қори бад, рафтори ношоиста, ҳӯи зишт нигоҳ дорад. Ба гуфти Аҳмади Ранҷбар: «...зане, ки чораандеш асту гиреҳкушӣ, зане, ки роздор асту ройзан ва зане, ки олим асту донишманд, наметавон байни ӯ ва мардаш тафовуте қоиладар шуд, ки ӯст гиреҳкушӣ мушқилоти мардон» (4, с. 179).

Шоир ончунон ғарқи ҳодисоту олам аст, ки метавонад бо тафсилоту ҷузъиёте, ки тахайюли парвозиаш пеши назар меоварад, саҳифаҳои зиёдро пур кунад ва дар айни замон ин амалро бо шефтагии тамом анҷом бидиҳад. Танҳо шефтагии ҳуди хунармандон аст, ки ба хунари ӯ ҷозибави нотакрор мебахшад ва ин шефтагиро хонанда аз даруни матн ба ҳубӣ эҳсос мекунад. Саъдӣ чун аз ҳислати ҳоси занон сухан меронад, калимаву ибороти тоза ва тавсифоти ҷолиб ба қор мебарад. Ширинии лафз ва нозукии ҳаёли Саъдӣ аз ҳар мисраи осори ӯ аён мегардад. Дар ашъори шоир қам санъати лафзӣ ва маънавие вучуд дорад, ки ба қор гирифта нашуда бошад. Шоир дар тарҳрезии ақоиду афкори ҳеш хунари наҷиби сухангустарӣ намоиш дода, тасвири хуби шоиронаро қорбасти намудааст. Чунонки, ибораву тавсифоти «зани хушманиш, некӯхӯ, хушсухан, дилнишин, хуштабъ, порсо, лӯбати хуби ман, хушҳӯи орошта, паричеҳра» мисоли ин иддаоянд:

Агар порсо бошад хушсухан,

Ниғаҳ дар нақӯшо зишти макун.

Зани хушманиш дилнишинтар, ки хуб,

Ки омезгорӣ бипӯшад уюб [7, с. 233].

Ё дар ҳикояти дигар шоир гуфтааст:

Паричеҳрае буд маҳбуби ман,

Бад-ӯ гуфтаи: «Эй лӯбати хуби ман» [7, с. 236].

Чамъи абёту ашъори дар ин тадқиқот иқтибосшуда бар он гувоҳанд, ки Саъдӣ аз ҳама навъҳои гуногуни маҷоз, ташбеҳу истиора, тазоду муқобала, кинояву муболиға, талмеху сифатчиниро дар иртибот бо симои зан ба кор бурдааст.

Дар адабиёти форсу тоҷик, чи манзуму чи мансур, мутаваҷҷеҳ мешавем, ки нависандагону шоирон аз зан-модар ба некӣ ёд намудаанд. Волидайн, баҳусус, модарро эҳтиром кардан талаби Худованд буда, нофармонӣ ба онҳо гуноҳест афвнопазир. Саъдӣ ба модар ва эҳтирому поси ӯ диққати махсус медиҳад. Дар асари хеш шоир модарро чун сарчашмаи ҳастӣ ситоиш мекунад ва аз фарзандон хоҳиш дорад, то эҳтиромашро ба ҷо оранд:

Канору бари модари дилпазир,

Биҳишт асту нистон дар ӯ ҷӯи шир [7, с. 248].

Шоир модарро ба дарахте шабоҳат медиҳад, ки меваи ширини он фарзанд аст:

Дарахтест болои ҷонпарвараи,

Валад меваи нозанин дар бараи.

На рағҳои нистон даруни дил аст?

Пас, ар бингарӣ, шир хуни дил аст [7, с. 248].

Ҳаким Фирдавсӣ низ модарро ба дарахте монанд кардааст, ки аз он меваи шоҳӣ, ғайне шоҳи фаррух Фаридун ба дунё омадааст:

Зане буд, орошии рӯзгор,

Дарахте, к-аз ӯ фарри шоҳӣ ба бор [5, с. 230].

Саъдӣ, махсусан, ба суҳанон ва насиҳати волидайн гӯш андохтану озор надодани дили онҳоро таъкид кардааст:

Чавоне сар аз роӣи модар битофт,

Дили дардмандаи ба озар битофт [7, с. 249].

Шоир ба иродаи мустаҳками модарон ва умуман инсонҳои соҳибхирад ишора карда, ташаккули шахсияти инсонро дар омезиши ақлу хирад ва маҳорату истеъдод таъкид месозад. Модарони офаридаи ӯ шахсони мушфику меҳрубон ҳастанд, ки аз нокомиҳои фарзандон месӯзанд, нисбати тақдири фарзанди худ бетараф нестанд. Аз саҳифаҳои эҷоди шоир пай бурдан мумкин аст, ки Саъдӣ вассофи борикбин, эҳсоскунандаи нозукиҳои хислати зан, ҷӯянда ва ёбандаи усулҳои тоза дар баҳши офариниши тимсоли зан аст. Шоир дар ҷустуҷӯҳои паҳлуҳои нав ва нодири хислат, хулку атвор, табиати занон ҳеҷ гоҳ маҳдуд ва тангназар набуд. Маҳорати шоиронаи Саъдӣ, ҷидду ҷаҳди вай дар офариниши чехраи зан бурди эҷодии ӯ дар тасвири ҳаққонии инсонии комил имкониятҳои фаровони нигориши мушаххас ва образнокро ба ҳам созгор овардааст.

Вале, бо ин ҳама зебоиву муҳассанот, хушрафториву хушғуфторӣ зиштиву носозгории зан низ аз назари шоир дур нест. Ҳатто дар қиссаву ривоёти қудаму ин нуқта равшан ба назар мерасад. Чунончи, дар қиссаи «Мушқдона ва Шоҳизанон», ки дар охири аҳди Сосониён арзи ҳастӣ карда, миёни мардум машҳур буд, Мӯбадон чун ба назди Хусрави Парвиз ворид мешуд, ҳамвора ӯро бо суҳанони «Шоҳо! Дар зиндагонӣ саодатманд ва бар душманонат пирӯз бош, хайру саҳо кун ва аз тоати занон иҷтиноб варз!» шодбош мегуфт. Ин тоати зан ҳамон доми фиреб аст, ки мард, бегумон, гоҳе ба он меафтад. Дар таъкиди ин қазия метавон аз достони «Синдбоднома»-и Зиёуддин Нахшабӣ ёдовар шуд [3, с. 232]. Ба ин маънӣ Саъдӣ дар «Бӯстон» овардааст:

Дилором бошад зани некхоҳ,

Валекин зани бад, Худоё, паноҳ!

Чу тӯтӣ калоғаш бувад ҳамнафас,

Ғанимат шуморад ҳалос аз қафас [7, с. 233].

Аз нигоҳи Саъдӣ ҳамзистӣ бо зани ношоиста ва бадрафтор ғайри қобили таҳаммул аст ва шоир зани бадро калоғе медонад, ки ҳеҷ тӯти тоқати зиндагӣ намуданро бо ӯ надорад.

Ё дар ҷои дигар мегӯяд:

Зани хуштабъ ганҷ асту ёр,

Раҳо кун зани зишти носозгор [7, с. 234].

Дар «Гулистон» низ ҳамин нукта гоҳ-гоҳ ба назар мерасад. Дар ҳикояти боби панҷум оид ба симои зани пире сухан меравад, ки мард аз дидани ӯ меранҷад ва ўро ба хор ташбеҳ додааст:

Гул ба тороч рафту хор бимонд,

Ганҷ бардоштанду мор бимонд [6, с. 180].

Вале, бо ин ҳама ифодаҳову сарзанишҳо нисбати зан, эҳтирому дӯстдории шоир дар асар бештар ба назар мерасад. Орзуву ормони Саъдӣ ин аст, ки зан ҳамеша ободкунандаву чароғи равшани хонадон бимонад ва мардро низ ба покии ахлоқ ва сабру таҳаммул ҳидоят намояд. «...Зан дигар мавриди сарзаниш қарор намегирад, балки мардро андарз медиҳад ва ўро ба сӯи кори бартару беҳтар даъват мекунад» (8, с. 93). Ба ин маънӣ Саъдӣ гуфтааст:

Харобат кунат шоҳиди хонакан,

Бирав, хона обод гардон ба зан! (7, с. 234).

Лозим ба таъкид аст, ки Саъдии Шерозӣ, роҷеъ ба зан ва мақоми ӯ дар ҷамъияти он замон дар доираи ахлоку одоб ва фалсафаи куруни вусто муҳокима меронад ва изҳори мулоҳиза менамояд. Бино бар ин, ин ҳамеша назари Шайх Саъдӣ роҷеъ ба ин масъала қобили қабули имрӯзиён шуда метавонад. Ин нуктаро ҳанӯз аллома Шиблии Нуъмонӣ таъкид карда буд:

Қойи бисе таассуф аст, ки рутбаву дараҷаи зан дар замонҳои Шайх нисбат ба мард таназзул ёфта ва занро аз мард пасттар мешумурданд ва, лизо, касоне, ки ба занонашон зиёд муҳаббат ва алоқа доштанд, онҳоро занпараст мехонданд ва мардум ба онҳо таъна мезаданд. Шайх, агарчи аз тарафи ин ашхос маъзарат хоста, мегӯяд:

Касеро, ки бинӣ гирифтори зан,

Макун, Саъдиё, таъна бар вай мазан.

Ту ҳам ҷавр биниву бораи кашӣ,

Агар як шабе дар канораи кашӣ.

Занон шӯху фармондеҳу саркашанд,

Валекин бидидам, ки дар бар хушанд.

Лекин афсӯс, ки мардум ғаразу ғояти ин пайкари қудсро фақат нафспарастиву шавҳатронӣ фаҳмида ва надонистанд, ки ин ҷинси латиф обу ранги чеҳраи коинот мебошад.

Шайх роҷеъ ба зан ҳидояти дигаре дода, ки аз он собит мешавад дараҷа ва пояи ахлоқ дар он замон то чӣ қадар паст шуда будааст:

Зани нав кун, эй дӯст, дар ҳар баҳор,

Ки тақвими порина н-ояд ба кор.

Вале агар зан ҳам бихоҳад ҳамин фалсафаро ба кор бандад, шумо чӣ ҷавоб хоҳед гуфт? (8, с. 55-56).

Бо вучуди ин, тасвири бадеии симои зан ва андешаву афкори Саъдии Шерозӣ роҷеъ ба мақому мартабаи ӯ неқбинонаву хайрхоҳона сурат гирифта, устоди инсоншинос маъниҳои ҷолибро оид ба ҷинси латиф бо ранги тоза ва таровати дилпазир баён доштааст. Дар ин асар ду ҷанбаи ҷиғунагии сирати зан ба мушоҳида мерасад. Аз як ҷониб, ҳислати зан аз нигоҳи башардӯстона ба таъкид омада бошад, аз ҷониби

дигар зиштиву носозгории вай дар раванди зиндагӣ ба равшани бозгӯй шудааст. Мо бар ин боварем, ки ин маънӣ аз чигунагии дунёи ботинии зан сар мезанад. Аз ақидаҳои ихтилофангези садаҳои миёна аст, ки барои зан баробари арҷгузорӣ марзҳое эҷод карда буд. Аммо кӯшишҳои суҳанварони пешин дар мавриди бозгӯӣ чигунагии сиришти зан бо он ҳама бартариву сифоти зишташ хеле ҷолибанд ва ибтикороти эшон аз ҳақиқати айнии офаринишгарии онҳо дар мавриди зан дарак медиҳад. Зан дар «Бӯстон» бисёр арҷманд ва гаронсанг муаррифӣ шудааст. Шоир дар осори гаронбаҳои хеш аз сифатҳои неки занон ёдовар шуда, эшонро чун мазҳари зебоиву муҳассанот ва шоистаи ситоиш муаррифӣ кардааст. Пас, баёни фазилатҳои зани хубу порсоро дар ашъори Шайх Саъдӣ дар нуктаҳои зер метавон хулоса кард:

- тарбияи фарзанди солим;
- нақӯкорӣ ва некманишӣ;
- шуҷоату диловарӣ;
- вафодорӣ ва хусни шавҳардорӣ;
- фармонравӣ ва адлу дод;
- доштани шарму озарм;
- хушбаёнӣ ва хушсуҳанӣ;
- хирадмандиву орифӣ.

Калидвожаҳо: тавсифи тимсоли зан, шаъну шарафи зан, зан-модар, баҳои манфӣ, иқтидори зан, васоити тасвир

Пайнавишт:

1. Бобокалонова, Ҷонон. Зан ва замон. – Душанбе: Адиб, 2002. – 271 с.
2. Зарринқуб, Абдулҳусайн. Бо қорвони ҳулла. – Душанбе: Пайванд, 2004. – 332 с.
3. Нахшабӣ, Зиёуддин. Тўтинома. Интишороти Донишгоҳи Техрон, 1372. – 340 с.
4. Ранҷбар, Аҳмад. Ҷозибаҳои фикрии Фирдавсӣ. – Техрон: Муассисаи интишороти Амири Кабир, 1379. – 464 с.
5. Фирдавсӣ, Абулқосим. Шоҳнома. Дар 9 ҷилд. – Душанбе: Адиб, 1987-1991. – Ҷ. 4.
6. Шерозӣ, Саъдӣ. Куллийёт. Дар 4 ҷилд. – Душанбе: Адиб, 1990. – Ҷ.3. – 365 с.
7. Шерозӣ, Саъдӣ. Куллийёт. Дар 4 ҷилд. – Душанбе: Адиб, 1990. – Ҷ.4. – 303 с.
8. Шиблии Нӯмонӣ. Шеър-ул-Аҷам ё таърихи шуаро ва адабиёти Эрон. Ҷ.2. – Техрон: Дунёи китоб, 1367. – 264 с.

Reference Literature:

1. Bobokalonova, Djonon. Woman and Time. - Dushanbe: Men-of-Letters, 2002. – 271 pp.
2. Zarrinkub, Abdulhusayn. With the Caravan of Khulla. - Dushanbe: Unision, 2004. – 332 pp.
3. Nakhshabi, Ziyouddin. Tutinama. - Tehran: Tehran University publishing-House, 1372 hijra. – 340 pp.
4. Ranjbar Akhmad. Attraction of Firdawsi`s Ideas. - Tehran: The Great Emir, 1379 hijra – 464 pp.
5. Firdawsi, Abdulkasym. Shakhname. In 9 volumes. - Dushanbe: Men-of-Letters, 1987. – 1991. – V.4.
6. Sherozi, Saadi. Collection of Compositions. In 4 volumes. – Dushanbe, Men-of-Letters, 1990. – V.3. – 365 pp.
7. Sherozi, Saadi. Collection of Compositions. In 4 volumes. – Dushanbe, Men-of-Letters, 1990. – V.4. – 303 pp.
8. Shibli Nu`moni. She`r-ul-Ajam or the History of Poets and Iran Literature. V.2. - Tehran: The World of Book, 1367 hijra. – 264 pp.

**ВИЖАГИҲОИ КОРБАСТИ
КАЛИМОТИ МУРАККАБ ДАР
АШЪОРИ НАҚИБХОНИ ТУҒРАЛ**

Раҳматова Дилрабо Аҳмадҷоновна,
номзади илмҳои филологӣ,
доценти кафедраи забони тоҷикии
ДДҲБСТ (Тоҷикистон, Хуҷанд)

**ОСОБЕННОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ
СЛОЖНЫХ СЛОВ В ПОЭЗИИ
НАКИБХОНА ТУГРАЛА**

Рахматова Дилрабо Ахмаджановна,
к.ф.н., доцент кафедры таджикского языка
Таджикского государственного
университета права, бизнеса и права
(Таджикистан. Худжанд)

**THE PECULIARITIES OF USAGE OF
COMPOUND WORDS IN NAQIBKHON
TUGHRAL'S POEMS**

Rahmatova Dilrabo Ahmadjohnovna,
candidate of philological sciences, Associate
Professor of the department of the Tajik
language under the Tajik State University of
Law, Business and Politics
(Tajikistan, Khujand)
E-MAIL: raxmatov.1987@mail.ru

Ключевые слова: сложные слова, стиль Бедия, творчество Накибхона Туграла, новое значение, знание языка, поэтическое умение, поэтический статус.

В статье говорится об особенностях художественного, стилистического и лингвистического анализа газелей Накибхона Туграла. Морфологический анализ лексики сборника газелей Накибхона Туграла свидетельствует о его приверженности к традиционным способам таджикского лексикообразования и особенностям поэтического творчества и стиля. В статье исследуется употребление Накибхоном Тугралом сложных слов в лирических произведениях, которые классифицированы по морфологическим свойствам. В заключение необходимо отметить, что в творчестве представителей индийского поэтического стиля, в том числе в газелях Туграла Ахрори, использовано много сложных слов, что является особенностью вышеназванного поэтического стиля.

Key words: compound words, Bedil's style, Naqibkhon Tughral creations, Indian style, new meaning, knowledge of language, poetical ability, poetical status

The article dwells on the peculiarities of imaginative, stylistic and linguistic analysis of Nagibkhon Tughral's gazelles. Morphological analysis of the vocabulary of Naqibkhon Tughral's collection of gazelles testify to his adherence to the traditional ways of Tajik word-building and the peculiarities of poetical creation and style. In her article the author canvasses Tughral's usage of compound words in lyrical works which are classified according to morphological means. In conclusion, it is worth mentioning that in the creation of the representatives of Indian poetical style, Tughral Ahrori's gazelles inclusive, a great amount of compound words are used that is the peculiarity of the above-mentioned poetical style.

Зиндагии Нақибхони Туғрал дар замони пурушӯби ҳаёти сиёсӣ иқтисодӣ, ки ниҳоят мураккаб гардида буд, ҷараён гирифтааст. Албатта ин ба доираҳои адабӣ бетаъсир набуда, аксар шуаро ба шеърӣ худ либоси зоҳирпарастӣ пӯшонида буданд ва тақлидкорона шеър гуфтан дар байни адибони ҳавзаҳои адабии Хуросону Мовароуннаҳр расм шуда буд.

Аз рӯи маълумоти ҳамасронаш Туғрал дар шоирӣ дасти тавоно дошта, дорои таъби мавзун ва дар нозукҳаёливу дақиқсанҷӣ аз зумраи муқаллидони назми Бедил ба шумор мерафтааст. Устод Айнӣ дар «Намунаи адабиёти тоҷик» чунин зикр мекунад, ки «Туғрал муқаллиди Бедил аст, лекин мисли бисёртарин муқаллидони Бедил дар ин пайравӣ ҳеҷ муваффақ нашудааст. Истеъдоди Туғрал бисёр комил ва ҳаёлаш мустаидди болоравӣ буд. Агар таъби худро дар асорати Бедил намеандохт ва ҳам ба ҳаққи худ бисёр неқбин намебуд, аз саромадони замони худ шуданаш муҳаққақ буд» (1, с.409). Мирзо Шукурзода дар оғози китоби «Девони ашъори Туғрали Аҳрорӣ» ба чунин хулоса меояд, ки «...бахое, ки устод Айнӣ ба осори Туғрал додаанд, он ҳам дар соли 1925 ё 26, то ҳаде шитобзада ва ғайримунсифона аст..» (2, с.31) Ва дар поёнтар ин андешаи худро тақвият бахшида меафзояд, ки «...дар рисолаи муфасссали ӯ роҷеъ ба Мирзо Бедил Дехлавӣ ва дигаре аз таълифоти илмӣ хеш устод ба муқоисаи шеърӣ Туғрал ва Бедил ва тақлиди бебарори Туғрал ва муосиронаш аз мактаби сабки ҳиндӣ нукоти жарф ва муфасссал матраҳ нагардидааст..» (2, с.32). Дар ин хусус адабиётшиносон Абдулҳамид Пӯлодов ва Асрор Раҳмонов дар сарсухани «Гиёҳи меҳр» зикр кардаанд, ки «Бояд иқрор кард, ки Туғрал дар тарзи ғазалгӯӣ бештар ба сабку услуби Бедил иттиқо варзида, вазну қофияву қолабу образҳои шеърӣ ӯро бештар аз дигарон манбаи эҷоду мабдаи илҳом қарор додааст.» (5, с.22) Ба андешаи мо дар баробари тақлид ба осори Бедил Туғрал услуби ҳоси ифодаи худро дошт.

Мундариҷаи осори шоирро мавзӯи ҷовидонаи адабиёти классикӣ мо - мавзӯи ишқу ошиқӣ, панду андарз, шикоят аз замон ва ғ. фаро гирифтааст. Туғрал чун шуарои замони худ анъанаҳои дерини адабиётро давом додааст ва дар баробари ба тақрор истифодаи қалимаю таркибҳои ҳоси шуарои сабки ҳиндӣ, тавонистааст бо таҳайюли рангоранги худ дар тасаввури ҳонанда саҳнаҳои ҷолиберо ба вучуд орад. Масалан, қалимаи «хубоб» дар ашъори шоирони сабки ҳиндӣ хеле зиёд дучор мегардад, ки бо истифодаи он шуарои ин сабк ибораю таркиб, қалимаҳои ифодакунандаи маъниҳои тозаро фаровон ба қор бурдаанд. Туғрал низ бо вожаи «хубоб» тасвирҳои ҷолиберо рӯи қор овардааст. Масалан:

Ҳайрате дорам, ки Туғрал, баҳри як дам зиндагӣ,

Ин қулоҳи фаҳр бар сар аз қучо дорад хубоб (5, с.59)

Ё ин ки:

Гирифтори каманди он ҳами зулфи баногӯшам,

Хубобосо ба савдои ҳаёлаш хонабардӯшам (4, с.110).

Шояд яке аз сабабҳои байни халқ шӯҳрат ёфтан ва маҳбубият пайдо кардани ашъори Туғрал дар рангу ҷилои наву тоза бахшидан ба образҳои чандасраи шеър бошад. Барои он ки ағлаби қалимаю таркибҳои ҳоси шеърӣ шуарои сабки ҳиндӣ маънии ирфониву фалсафиро қасб намуда, бо тобишҳои муҳталиф чун унсӯри муҳими шеър шинохта шудаанд, дар эҷодиёти Туғрал як андоза ҷилваҳои ҳоси содданаморо ба худ қасб намудаанд. Масалан, қалимаи «оина» дар ашъори шуарои собитқадами ин сабк ба мисли Шавкати Бухорӣ ба маъниҳои фалсафӣ ирфонӣ хеле зиёд қорбаст мешавад:

Ба сайри ҳонаи оина рафтӣ беҳуду танҳо,

Тапиданҳо диламро об қард аз бадғумониҳо (8, с.60)

Байти мазкур, ки дар ниҳояти зебоии калом баён шудааст, ҷилои ирфонӣ дошта, «хонаи оина» дар он ишора ба рӯҳи инсон аст. Туғрал низ ба ҳамин маънӣ байте дорад:

*Дар тариқи шиқ касро раҳбаре даркор нест,
Хонаи оинаро бому даре даркор нест (2, с.128)*

«Хонаи оина» дар ин ҷо ба маънои аслии худ – оина, ки сурати инсонро нишон медиҳад, ба мисле ки дохили он чун хона аст, корбасти гардидааст. Хусусияти ашъори Туғрал бештар муқаллидии ӯ ба зоҳир ва шакли шеърӣ шуарои сабки ҳиндӣ ё сабки бедилӣ аст. Мирзо Шукӯрзода дар мақолаи хеш «Вуруде ба шакарестони Туғрал», ки дар оғози «Девони ашъори Туғрали Аҳрорӣ» меорад, иброз доштааст, ки вожаи «шакар» беш аз сад маротиба истифода гардида, мураккабвожаҳои зер ба мисли «шакарбор, шакарбӯра, шакарпора, шакарпанир, шакарчаш, шакарпалав, шакархо, шакаршикан, шакарханд, шакархои, шакаргуфтор...» (2, с.19) сохта шудаанд.

*Забонаи ҳамчу тӯти дар тақаллум,
Шакаррези бисоти маҳфили кист? (2, с.123)*

Носирҷон Маъсумӣ дар муқаддимаи «Мунтахаботи ашъор»-и Туғрал хусусияти ғазалиёти ӯро батафсил баён намуда, ишора мекунад, ки: «забони шоир дар калимасозӣ ва махсусан дар калимабандӣ хусусиятҳои аҷибест низ дорад» (4, с.59).

Ба чунин ҳулолаи устод Маъсумӣ таъя намуда, хостем ба ин вижагии ашъори Туғрал нигоҳи иҷмолӣ намоем.

Махсусияти осори адибони сабки ҳиндӣ ва пайравони равияи бедилӣ дар офариниши вожаҳои мураккаб, ибораорӣ, таъбирифари зиёдтар ба назар мерасад. Аммо дар замони зисти Туғрал он ба дараҷаи ифрот расидааст, зеро шуарои ин давра дар бунбасти маънавия қарор дошта, бештар ба зоҳири шеър эътибор медиҳанд. Дар ғазалиёти Туғрал нисбат ба шоирони асрҳои XVII-XVIII, яъне намоёндогони сабки ҳиндӣ аз Шавкати Бухорӣ то Бедил вожаҳои тозаофарида хеле кам ба назар мерасад, ки ин яке аз вижагиҳои фарқкунандаи ашъори ӯро нишон медиҳад. Яъне шоир ба мисли аксар пайравони сабки мазкур дунболи ороняҳои лафзӣ рафта, асосати шеър, яъне маънои баландро қурбон накардааст.

Эҷоди калимаҳои мураккаб дар ашъори Туғрал ба тарзҳои гуногун корбасти гардида, аз таҳайюлотӣ бою рангинӣ ӯ шаҳодат медиҳад. Ҳангоми варақгардон намудани сафҳаи ашъори шоир мураккабвожаҳои зиёде ба назар расиданд, ки аз ашъори шуарои пешин барои ифодаи матлаб истифода гардидаанд ва аз ин лиҳоз мо мураккабвожаҳои ашъори шоирро шартан ба гурӯҳҳо ҷудо намудем. 1. Мураккабвожаҳое, ки дар ашъори шуарои сабки ҳиндӣ батақрор омадааст. Нақибхон Туғрал аксаран калимоти мураккаби мутадовили сабки ҳиндиро ба риштаи тасвир кашидааст ва бештарин маврид ин падида дар шеърӣ ӯ мушоҳида мегардад. Мисол:

*Дам ба дам оинасон дар шишратободи чаман,
Шоҳиди гулҳои рангин ҷилвагар дорад баҳор (4, с. 69).*

Дар таркиби ин вожаи мураккаб «ишрат» ба маънии шодмонӣ, хурсандӣ, шодӣ... (6, ҷ.1, с.593), «обод» - чун пасванди калимасоз корбасти шудааст ва аз вожаҳои маъмули сабки бедилӣ аст. Табиист, ки истифода аз вожагону ибороти мутадовили сабки қорӣ дар ашъори шуарои ҳамасру пешини Туғрал ҳам расм буда ва он чи ки шеърӣ ӯро аз бархе ҳаммаслакони мумтоз мекунад, ҳамин аст, ки калимоти мураккаб на танҳо барои зевари байт, балки барои нишонрас кардани маъно истифода шудаанд. Масалан, байти зерин:

*То кашад аз рух ниқоб он моҳи симинсоқи ман,
Гӯта дар ҳайрат занад ин дидаи муштоқи ман (2, с. 324).*

“Симинсоқ” аз ду калима - «симин» маҷозан нозук, сафед, зебо... (7, ҷ.2, с.252) ва «соқ» дар байт ба маънои банди даст - мураккаб аст. Шоир дар байт лаҳзаи ниқоб кашидани маъшукро тасвир карда, яъне он замон, ки маъшуқа даст боло мекунад ва остини ӯ каме поён шуда, соқи симинаш ё ба истилоҳи худӣ шоир “симинсоқ”-ашро намоён месозад – лаҳзаи ваҷди дили ошиқ мебошад. Яъне, бори асосии маънову мантикӣ ҳамин калимаи мураккаби мустаъмали “симинсоқ” мекашад. Ба ғайр аз ин, дар ғазалиёти шоир оҳанги ҳаҷв хеле барҷаста садо медиҳад. Ҳамин хусусияти ашъори Тугралро Мирзо Шукурзода дар мақолаи мазкур меорад, ки “...танзу ҳаҷв дар осори Туграл (чун дар ҳӯю ҳислати ӯ) ҷойгоҳи ҳосе дорад ва танзи ӯ ҳовии мавзӯоти иҷтимоӣ буда, дар қолаби ғазалу рубоӣ суруда шудааст.” (2, с.33) Дар хусуси истифодаи вожаҳои гуфтугӯии халқӣ Маъсумӣ ба ғазали мазкур, ки ин ҷо матлаашро овардем, ишора намудааст, “...Баъзан калимаҳои халқии гуфтугӯиро қор фармуда, ғазалҳои худро аз ҷиҳати забон ва оҳанг ба лирикаи халқӣ наздик мекунад.” (4, с.59) Лутфи суҳани Туграл дар аксари ғазалҳои ӯ бисёр ширину гуворро ба содда ба назар мерасанд. Мисол:

*Моҳи симандомӣ ман ҳарчанд олиҷоҳ шуд,
Пайкарам симоб, қорам оҳ, рангам қоҳ шуд (2, с.169)*

Ногуфта намонад, ки гоҳо шоир барои намоиши истеъдоди забондонии худ аз калимоти мураккаб ба таври вофӣ истифода мекунад. Аз ин рӯ, калимоти мустаъмал ва маъмули шуароӣ мутақаддам дар шеърӣ ӯ ба қасрат воҷеҳуранд. Чунончи дар байте мефармояд:

*Тире зада бар ҷони ман мижғони ноҷафканат,
Эй турки тирандози ман, абрукамони кистӣ? (4, с.80).*

*Беш аз ин улфатпарастӣ ваҳми ҳайронӣ мабош,
То ба қай дар ҳоби маҳмал қуръаи таъбирро (2, с.45)*

2. Гурӯҳи дигари калимоти мураккаб, ки дар ашъори Туграли Аҳрорӣ мавриди истеъмоли қарор гирифтаанд, мураккабвожаҳои нисбатан каммаъмултар дар сабки ҳиндист. Маҳорати Туграл чун донандаи хуби имконоти маънавии калимот дар калимасозӣ беандоза аст. Ин нави калимот бештар дар ашъори шуароӣ қарни 18-19 мутадовил буда, истиҳдоми бархе аз онҳо дар шеърӣ шуароӣ пайрави сабки Мирзо Бедил ҷашмас аст. То он ҷо ки нигоранда ҷустуҷӯ кард, ин нави калимот дар шеърӣ шоирони садаи аввали сабки ҳиндӣ қамтар воҷеҳуранд. Вожаҳои мазкур бештар барои ороиши зоҳирии шеър истифода мешаванду ҳалос. Азбаски забони шеърӣ мутадовили асри Туграл ин виҷаро доштаву худӣ ӯ ҳам пайрави сабки Бедил будааст, ночор ин нави калимотро дар ғазалҳои худ истиҳдом намудааст. Масалан:

*Муштариққоли назам, лек дар бозори даҳр,
Ҷуз қумоши ғам набошад дигаре савдои ман (4, с. 75)*

Вожаи мураккаби «Муштариққоли» аз ду калима - «Муштарӣ» ба маънии номи сайёра, «иқбол» бахт, толеъ (6, ҷ.1, с.540) сохта шуда, ба маънои баландиқбол, ҳуҷаста ва муборак омадааст. Ин мураккабвожа аз ду ҷиҳат тақозои маъноӣ фавқуззирро дорад: аввал, сайёраи Муштарӣ дар боло ҷойгузин шуда, ба маъноӣ баланди омада метавонад ва дуюм, дар низомии боварҳои қадимаи ситорашиносон сайёраи Муштарӣ ситораи саъд маҳсуб меёфтааст ва онро Саъди акбар ҳам меғуфтаанд (6, ҷ.1, с. 789). Аммо дар байти мавриди назари мо шоир ба таври ифтихорияҳо ишора бар он дорад, ки таъби ӯ баланд аст. Чунончи дар дигар мавридҳо ҳам ба ин маъно ишора кардааст:

*Бод туро офарин, Туграли шохинватан,
Қардӣ тамом аз суҳан васфи саропои ӯ (4, с. 76).*

Калимаи тозаофаридаи «шохинватан» ҳам дар байти мазкур бар маънии

ишоранамудаи мост. Дар калимаи мураккаби “шоҳинватан” ҳам латофату назокати зебоне нухуфта шудааст, зеро он бо таҳаллуси шоир ҳам таносуби қавиро ташкил медиҳад. Ё дар ҷои дигар низ ба ҳамин маънӣ меорад:

Шоҳбозем мо ба сайди суҳан,

Авҷи маънист ошёнани мо (2, с. 74)

3. Бахше аз калимоти мураккаби ашъори Тугралро вожагоне ташкил медиҳанд, ки аз нигоҳи сохту мӯҳтаво хоси ҳуди ӯянд, яъне ағлаби вожаҳо дар назми муосирон ва пешинагони шоир каммаъмуланд.

Зи худ бисёр дур афтодам аз маъниқариниҳо,

Маро сармаиқи ҳайронист акнун мӯйчиниҳо. (5, с.47)

Даме з-андешани дил дар паи сайди маонӣ шав,

Агар бошад расо фикри ту дар маъникаминиҳо (4, с. 81)

«Камин» вожаест ба маънии пинҳонгоҳе, ки барои қасди ҳучум ё сайд қардан паноҳ шуда мешинанд (6, ҷ.1, с.573) “қарин”- наздик, ҳамдам, мисл, монанд...(6, ҷ.1, с.666)- “маъниқаринӣ” ва “маъникаминӣ” аз ҷумлаи калимоти мураккаби каммаъмул аст, ки ба маънои касе, ки дар ҳар мисраъ ё суҳан диққат медиҳад, то ба умқи маъноӣ он бирасад. Ин навъи калимот мухтасси шеърхоеанд, ки дар онҳо бештар пайравии Туграл ба Абулмаонӣ эҳсос мешавад. Аз сӯи дигар, ин навъ ашъор бозгӯи сабки вежаи ҳуди шоир ҳам ҳастанд, зеро дар онҳо маҳорату малакаи забондонӣ ва офариниши маонии ҷадид ва дастёбии шоир ба қуллаҳои нави ҳунар нишон дода шудаанд. Ё ҷои дигар чунин меорад:

Агар ин аст тундӣ тавсани ҷавлонишитобаширо,

Ғубори хок шав, то ворасӣ бўси рикобаширо (2, с.47)

Байт:

Соясифат сӯи ту з-афтодагӣ,

Пой надорам, қадам аз сар кунам! (2, с. 310)

«Соя» - сиёҳии ҷисми инсон ё ҳар ҷисми дигаре, ки дар рӯшноии офтоб ё нури ҷароғ ба замин ё болои ҷизи дигар меафтад (7, ҷ.2, с.275); маънии калимаи «сифат» хусусияти аз дигарҳо фарқкунандаи касе ё чизе, бартарӣ, дараҷаи бақороии чизе, ҷиғунагии чиз мебошад (7, ҷ.2, с.262). Калимаи “соясифат” ба мисли ағлаби калимоти мураккаб дар байти мазкур бори асосии маъноро мекашад ва тамоми маонии дар байт тараннумшуда гирди он мегардад. Яъне шоир мегӯяд, ки ман меҳохам сӯи ту равам, аммо пой надорам ва аз ин рӯ соясифат қадам аз сар месозам. Дар ин байт таркиби машҳури “ба сар рафтан” дар либоси ороштаре пешниҳоди хонанда шудааст. Чун дар соя назар мекунем, аввал сари он меравад ва шоир бо қамолӣ дақиқназарӣ ин вижаро пай бурда, ба риштаи назм кашидааст. Ин гурӯҳи мураккабвожаҳо ҳам дар ашъори Туграл басомади зиёд дошта, дар мавридҳои гуногун ба қор бурда мешаванд. Аммо бештар дар ашъори Туграл вожаҳои мураккаб ба ҳайси калимоти меҳварии шеър хидмат мекунанд. Вожаҳои мураккаби «ваҳшатқаминӣ», “саброзмо”, “маънизо”, “маъниқаринӣ”, “ҳиҷлатҷабинӣ”, “ҳиҷлолатмоя» ва амсоли ин дар шеърҳои шоир басомади зиёд доранд, ки аз диди наву маҳорати забондонии шоир дарак медиҳанд. Байтҳо:

Ҳиҷлолатмоям, вазъи парешонист бунёдам,

Ғулоби ҳиҷлат аз сунбул кашад тасвири Беҳзодам (4, с.108).

То зулфи ту дар хирмани гул голиябез аст,

Дар даври қамар бин, ки қирон муштарирез аст (5, с.68)

Мебарам ман дар суҳан имрӯз гӯӣ аз ҳамдамон,

Дар саманди фикр чун маънисаворам қардаанд (2, с.174)

Дар баъзе маврид вожаҳои мураккаб дар байт чида ё паси ҳам омадааст:

Лабишакар, дандонгӯҳар, ширинтакаллум дилбарон,
Дидаам, аммо на як ҳамчун туам дилхоҳ шуд (2, с.169)

Синасофонро мулоимтинаатӣ бошад нақӯ,
Мӯҷиби равнақ бувад рӯған ниҳӣ болои мавҷ (5, с.95)

Инчунин, мураккабвожаҳое низ дар ашъори Туғрал ба назар мерасанд, ки аз се калимаи мустақилмаъно сохта шудаанд:

Маҳвиҳайратгаштаи махмурият,
Наишъае аз мавҷи саҳбо мекашад (2, с.164)

Манъи карами хеш кунӣ чанд зи ибром,
Эй ҷабҳагирехкарда, ту аз даст дуо пурс (2, с.233)

Хулоса, мураккабвожаҳо дар ашъори шуарои сабки ҳиндӣ қорбасти фаровон дошта, аз мухтассоти ин сабки шеър маҳсуб мешуданд, бахусус дар замони зиндагии Туғрал, ки шеъри ин сабк ба бунбасти маънавӣ дучор шуда буд. Аммо калимоти мураккаби ашъори Туғрал, ки аз рӯи табақабандӣ ба чанд гурӯҳи шартӣ чудо мешавад, хусусияти истифодаи худро дорад. Гурӯҳи мураккабвожаҳое, ки шоир онҳоро ба вом аз пешинагону муосирон гирифтааст, асосан барои зебоии тасвири байт, кашидани бори маъно ва намоиши ҳунари шоирӣ истифода шудаанд. Мураккабвожаҳои гурӯҳи дуюм, ки ҳоси фақат шоирони пайрави Бедиланд, дар ашъори Туғрал нишондиҳандаи вежагии асосии сабки шеъри ӯ буда, маҳорату малакаи забондонӣ ва мақоми шоирӣ ӯро дар байни ҳаммаслакони бозгӯ мекунад.

Калидвожаҳо: вожаҳои мураккаб, сабки бедилӣ, эҷодиёти Нақибхон Туғрал, маънии ҷадид, малакаи забондонӣ, ҳунари шоирӣ, мақоми шоирӣ.

Пайнавишт:

1. Айнӣ, Садриддин. Намунаи адабиёти тоҷик.–М.: Нашириёти марказии халқи Иттиҳоди Ҷамоҳири Шӯравии Сусиёлистӣ, 1926. – 626 с.
2. Девони ашъори Туғрали Аҳрорӣ. –Душанбе: Интишороти Нохид. Тасҳеҳ ва таҳияи Мирзо Шукurzода, 2011. - 460 с.
3. Насриддинов А. Фарҳанги мушкилотии адабиёт.- Хуҷанд: Нашриёти давлатии ба номи Р.Ҷалил. 1992.- 114 с.
4. Туғрал, Нақибхон. Мунтахаботи ашъор.- Душанбе: Ирфон, 1964. – 317с.
5. Туғрал, Нақибхон. Гиёҳи меҳр.- Душанбе: Ирфон, 1986. - 351с.
6. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ. –Душанбе: Бухоро, 2008, ҷ.1, - 950 с.
7. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ. –Душанбе: Бухоро, 2008, ҷ.2, - 945 с.
8. Шавкати Бухорӣ. Девони ашъор. –Душанбе: Дониш, 1987. - 530 с.

Reference Literature:

1. Ayni, Sadriddin. Patterns of Tajik Literature. – M.: the central publishing house of the USSR peoples' literature, 1926. – 626 pp.
2. Tughral Ahrori. Collection of Poems / under the editorship of Mirzo Shukurzoda. - Dushanbe: Nohid, 2011. – 460 pp.
3. Nasriddinov A. Glossary of Literary Difficult Notions. - Khujand: State publishing house named after Rahim Jalil, 1992. – 114 pp.
4. Tughral, Naqibkhon. Collection of Compositions. - Dushanbe: Cognition, 1964. – 317 pp.
5. Tughral, Naqibkhon. The Tree of Love. - Dushanbe: Cognition, 1986. – 351 pp.
6. Dictionary of the Tajik Language. - Dushanbe: Bukhara, 2008. P.1. – 950 pp.
7. Dictionary of the Tajik Language. - Dushanbe: Bukhara, 2008. P.2. – 945 pp.
8. Shavkat Bukhoroï. Selected Works. - Dushanbe: Knowledge, 1987. – 530 pp.

УДК82/ 821.0
ББК 83

БАЪЗЕ АЗ МАСОИЛИ ТАТАББУЪ ВА
НАЗИРАГЎЙИ ДАР ДОИРАИ
АДАБИИ ХУҚАНД

Охунҷонова Нурихон Раҳматовна,
мутахассиси Маркази иттилоотии
таҳлилии ДДҲБСТ (Тоҷикистон, Хуҷанд)

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ СОЗДАНИЯ
ТАТАББУЪ И НАЗИРА В
КОКАНДСКОМ ЛИТЕРАТУРНОМ
КРУГЕ

Охунҷанова Нурихон Раҳматовна,
специалист Информационно-
аналитического центра ТГУПБП
(Таджикистан, Худжанд)

SOME ISSUES CONCERNED WITH
COMPOSITION OF TATABBU AND
NAZIRA IN KHUKAND LITERARY
CIRCLE

Okhunjohnova Norikhon Rahmatovna,
expert of the Informational-Analytical Centre
under the Tajik State University of Law,
Business and Politics (Tajikistan, Khujand)
E-MAIL: norova77@inbox.ru

Ключевые слова: литература XVIII-XIX веков, эмир Умархон, хокандский литературный круг, татаббуъ и назира, Нодира-бегим, Фазли Намангони, Шавкат Бухорои

Статья посвящена анализу традиции поэтического следования образцу, имеющей в истории персидско-таджикской литературы разные названия, детализирующие применяемые поэтом приёмы- татаббуъ, назира, пайрави, тарикаи дар тарзи, дар равиши и т.д. В данном направлении подвергнуто анализу творчество двуязычного поэта (зуллисонайн) кокандского литературного круга – эмира Умархона. Утверждается, что сочинение пайрави и татаббу получило новый импульс в конце XVIII и начале XIX века в кокандском литературном круге. Поэты Коканда больше всего писали татаббуъ на стихи известных персидско-таджикских литераторов, таких как Абдурахман Джами, Соиб Табрези, Мирзо Абдулкадир Бедил и правителя Кокандского ханства эмира Умархона. Автор статьи при сравнении ответных газелей с образцом для подражания стремится оценить новаторские и оригинальные стороны анализируемых приёмов.

Key words: literature of the XVIII-th – the XIX-th century, Amir Umarchon, Khokand literary circle, **tatabbu** and **nazira**, Nodirabeghim, Fazli Namangoni, Shavkat Bukhoroi

The article dwells on the analysis of the problem dealing with poetical imitation of a pattern having different nominations in the history of the Persian-Tajik literature specifying the devices used by poets: **tatabbu**, **nazirapayravi**, **tarikai dar tarzi**, **dar ravishi** and etc.

In this aspect the author of the article analyzes the creation of the bilingual poet (**zullisonain**) Amir Umarchon who belonged to Khukand literary circle. She asserts that the compositions of **payravi** and **tatabbu** obtained a new impulse at the end of the XVIII-th and the beginning of the XIX-th centuries. Most of all Khukand poets composed **tatabbus** in imitation of such Persian-Tajik men-of-letters as Abdurahmon Djami, Soib Tabrezi, Mirzo Abdulkodir Bedil and Amir Umarchon; the latter being a governor of Khukand khanate. The author of the article

*conducts a detailed analysis comparing responsive **gazels** written in imitation to patterns with the latters, she evaluates properly innovational and original aspects of the devices resorted to.*

Дар таърихи адабиёти форсии тоҷикӣ ҷавобиянависӣ, тазмингӯӣ ва татаббӯӣ аз анъанаҳои маъмули адабиёт ба шумор рафта, аксари шоирон ба ашъори якдигар аз рӯи эътиқод ҷавобия навишта мазомини ашъори якдигарро тазмин кардаанд.

Назирагӯӣ, тазмину татаббӯӣ ва пайравӣ дар таърихи адабиёти тоҷику форс вобаста ба марҳилаҳои он таҳаввул кардааст. Аз тадқиқоти адабиётшиносон Н. Пригарина (15), Р. Мусулмониён (14), А. Афсаҳзод (6), Э. Шодиев (18) ва дигарон маълум мешавад, ки ин ҷараён вижагиҳои хосро доро мебошад. Пайравӣ ва татаббӯсароӣ тақлидгарӣ набуда, ҳамчун як равияи комилан нав барои рушд ва инкишофи адабиёти форсу тоҷик мусоидат кардааст.

Адабиётшинос Н. Пригарина дар мавриди назира ва татаббӯӣ чунин зикр мекунад, ки ин ҷараён собиқаи тӯлонӣ дошта, ағлаби шуаро зимни татаббӯӣ бештар ба қофия ва радиф мутаваҷҷеҳ шудаанд. Яке аз хусусиятҳои татаббӯӣ дар таърихи адабиёт ба ашъори шоирони бузург ва овозадор эҷод кардани шеър мебошад (10). Аз ин лиҳоз, тасмим гирифтани бо таҳлил намудани ин мавзӯи доманадор ба эҷодиёти шоири зулҳисонаӣ ҳавзаи адабии Хӯқанд Амир Умархон иброи назар намоем.

Амир Умархон соҳиби девони ашъор буда, дар он ҳам шеърҳои тоҷикӣ ва ҳам ўзбекӣ нашр шудаанд. Дар Институти шарқшиносии ба номи Абурайҳони Берунӣ, дар Академияи илмҳои Ҷумҳурии Ўзбекистон 17 девони дастнависи Амири маҳфуз аст. То замони мо 544 шеър, 465 ғазал, 53 мухаммас, 5 мусамман, 6 мусаддас, 16 назира, 307 шеърҳо ба забони ўзбекӣ, 159 шеърҳо бо забони тоҷикӣ омада расидааст. Девони Амири ду маротиба нашр гардидааст, бори аввал соли 1882 дар Истамбул ва бори дуюм соли 1908 дар Тошканд.

Ашъори тоҷикии ӯ зиёда аз 1500 байтро ташкил мекунад ва дар қолаби жанрҳои ғазал, мухаммас, мусаммат, мусаддас, рубоӣ ва қитъа суруда шудаанд. Асосан бештари осорашро ғазал ташкил менамояд, ки ағлаби онҳо дар мавзӯи ишқу ошиқӣ суруда шудааст.

Ашъори Амир Умархон, ки саршор аз лутфу назокат, маъниҳои пурмӯҳтаво ва мазмунҳои тоза аст, мӯҷиби эҷоди силсилаи ашъори суҳанварони ҳамзамони ӯ ва баъдӣ гардидааст. Аз ин рӯ, дар адабиёти дарбор тақлиди назира хеле ривож ёфта буд, ки ин ба фаъолияти адабӣ ва таъби эҷодии Амири мусоидат мекард. Ҳарчанд аз як ҷониб инкишофи назира ва татаббӯӣ маҳдудии эҷодиро ба вучуд оварда инкишофи намуди жанрҳои дигарро зинда мекард, вале аз тарафи дигар афзудани ин навъи бадеӣ сабаки эҷодиро байни суҳанварон рӯи қор овард.

Гузашта аз ин мусаллам аст, ки ин анъана тайи ҳазорсолаҳо чи дар адабиёти дарборӣ ва чи дар адабиёти берун аз дарбор дар инкишофу тақомули суҳаншиносиву суҳанварӣ хидмат кардааст.

Дар ҳавзаи адабии Хӯқанд шоирон асосан ба ғазалиёти Абдурахмони Ҷомӣ, Мирзо Абдулқодири Бедил, Соибӣ Табретӣ ва Амир Умархон татаббӯӣ гуфтаанд, ки намунаҳои татаббӯоти онҳо дар тазкираи «Маҷмӯат-уш-шуаро»-и Фазли Намангонӣ ғирдоварӣ шудааст.

Аз ҷумла сию панҷ татаббӯӣ бар 35 ғазали Амир Умархон аз ҷониби шоирони ин аҳд гуфта шуда, дар тазкираи Фазлӣ бо тарзи алифбой зикр ёфтааст. Як ҷиҳати вижаи татаббӯсароии ин давра аз ҷониби суҳанварон дар радифҳои камистеъмол ва ғайримаъмул эҷод шудани шеър мебошад. Аз маъмултарин радифҳои ғазалиёти шуаро, ки дар тазкираи Фазлӣ омадааст, ба таври зайл мебошанд: «ангушт», «гул

карду рехт», «кист, нест», «боис», «қадах», «субҳ», «тарҳ», «сурх», «сабз», «талх», «коғаз», «лол», «ҳанӯз», «шамъ», «як тараф», «доғам», «ангуштам», «худам», «чашми ман», «омад бурун», «эй тўтӣ», «эй кумрӣ» ва ғайра.

Яке аз суҳанвароне, ки бештар аз ҳама ба осори Амирӣ таваҷҷуҳ зоҳир кардааст, ҳамсари ӯ Нодирабегим мебошад.

Нодирабегим низ аз суҳанварони зуллисонайн буда, дар таҳаввули адабиёти дузабона нақши барҷаста дорад. Ғазалҳои латифу дилнишини Нодирабегим дар байни мардум маъруфу машҳур гардида, бо номҳои Макнуна, Комила ва Нодира эҷод шудааст. Нодирабегим дар шеър ба пояҳои баланд расида, нигоштаҳои баёнгари таби раво ва завқи баланди ӯ мебошад. Амир Умархонро Нодира ҳамчун суҳанвари соҳибистеъдод, раҳнамову раҳбари адабии хеш медонист. Аз ин ҷост, ки Нодирабегим бештар аз шоирони дигар ба Амирӣ пайравӣ намудааст. Пайравии Нодирабегим ба осори Амир Умархон ҳам аз назари аносири шаклӣ монанди радиоифу қофияҳои зебо, вожаву таркибҳои ҷолиб, ҳамчунин аз назари маъниву мазмунӣ наву тоза сурат гирифтааст.

Масалан, Амир Умархон ғазале дорад, ки дар радифи «ангушт» эҷод шудааст:

Ба завқи он ки расонам ба зулфи ёр ангушт,

Чу шона медамад зи дасти ман ҳазор ангушт (2, с. 41).

Чунин ба назар мерасад, ки дар баробари ба ин ғазал ҷавоб навиштан, Нодирабегим ҷо-ҷо матолиберо баён мекунад, ки он бевосита аз мушоира ва иртиботи мӯҳками эҷодии ин ду суҳанвар шаҳодат медиҳад.

Чунончи, Амирӣ:

Гирех зи зулфи сиёҳат кушодан осон нест,

Касе чӣ гуна расонад ба чаҳми мор ангушт? (2, с. 41).

Нодира:

Ба зулфи ёр дило, нур мапеч, ранҷа машав,

Набоядат, ки расонӣ ба неши мор ангушт (12, с. 34).

Дар байти Амир Умархон агар матлаб душвории расидан ба висоли ёр бошад, байти Нодирабегим баёнгари матлаби барҳазар будан аз висоли ёро дорад. Яъне дар ин татаббуъ Нодирабегим ба маънии ҷолиби Амир Умархон бо мазмуни латиф ҷавоб додаст. Дар ду байти зерини ин суҳанварон низ ин ҳолатро метавон мушоҳида намуд. Амирӣ:

Зи гарди ҳодиса афсурда гаит оташи дил,

Ки хок бар сари он аҳгар аст чор ангушт (2, с. 41).

Нодира:

Матоб рух зи дари аҳли дард дар ҳар боб,

Агар ба фарқи ту биниаст теги чор ангушт (12, с. 34).

Нодира бо радифи «ангушт» ду ғазал эҷод кардааст, ки ҳар ду ҷавоб ба як ғазали дар боло зикршудаи Амирӣ аст. Пайравӣ ва ҷавобияҳои Нодирабегим ба баъзе аз ғазалҳои Амир Умархон, танҳо аз назари аносири шаклӣ қаробат дошта, аз лиҳози мавзӯву мундариҷа, мазмунсозиву маъниофарӣ, истиқлолияти томо соҳиб аст. Чунончи, дар девони Амир Умархон ду ғазал мавҷуд аст, ки ҳар ду дар радифи «боис» эҷод гардидааст. Матлаи ғазали аввал ин аст:

Ҳаст бо тирадилӣ бахти сиёҳам боис,

Бар парешонии ман турраи оҳам боис (2, с. 110).

Матлаи ғазали дигар аз Амирӣ, ки дар радифи «боис» иншо шудааст:

Караима тиру ниғаҳ ханҷар аст, ман боис

Шудам ба ҷоҳи гамаш мубтало, зақан боис (2, с. 48).

Дар девони Нодирабегим низ ду ғазал дар радифи «боис» мавҷуд аст, ки вазни он бо ғазали якуми Амир Умархон як аст. Вале Нодирабегим дар пайравии ин ғазал кӯшидааст, зимнан сабқати эҷодиро бо шавҳари худ Умархон рӯи кор орад. Пайдост, ки ҳар чаҳор ғазал дар пояи баланди эҷодӣ иншо гардида, аз маҳорат ва хунари шоирии ин суҳанварон дарак медиҳанд. Матлаи ғазали аввали Нодира:

*Эй ҷамолат ба таби синаи сӯзон боис,
В-эй хайлат ба нами дидаи гирён боис (12, с. 110).*

Матлаи ғазали дуюм:

*Шуда бо мастии ман гардиши соғар боис,
Меҳурам хуни чигар, бодаи аҳмар боис (12, с. 111).*

Амирӣ:

*Бози иқбол харидан натавонист касе,
Бо Амирӣ нашавад давлати ҷоҳам боис (2, с. 48).*

Нодира мегӯяд:

*Гуфтугӯи ғами ҳичрону ҳадиси дами васл,
Ғашт Макнуна, ба ин дафтару девон боис (12, с. 110).*

Ба ин навъи усули пайравии Нодира бар ашъори Амир Умархон мисолҳои фаровоне овардан мумкин аст.

Дар ашъори Амирӣ ва Нодира ғазалҳои мушобеҳ аз лиҳози мавзӯву мундариҷа, шакл, сабку услуб фаровон ба назар мерасанд, ки муқаррар кардани пайравикунанда душвор аст. Зеро ҳар ду суҳанвар ҳамзамон буда, гумони ғолиб меравад, ки Амирӣ ҳам метавонист бар шоираи тавонманди даврон - Нодирабегим татаббӯъ нависад.

Дар баробари ин, дар як қатор баёз низ ашъори бо радифи ғазалҳои Амир Умархон эҷодкардаи шоирон Фазлӣ, Вазир, Рамзӣ, Риндӣ ва Қасрат низ оварда шудаанд. Ҳамчунин чанд ғазал ва навъи дигари ашъори шоир дар баёзе қутуби тазкира ва осори таҳқиқӣ, аз ҷумла «Тухфат-ул-аҳбоб» - и Қорӣ Раҳматуллоҳи Возеҳ (7), «Намунаи адабиёти тоҷик»-и Садриддин Айнӣ (2), Абдуллоев В. «Ўзбек адабиёти тарихи» (1) ва дар «Маҷмӯат-уш-шуаро»-и Фазлиӣ Намангонӣ (16) низ ба ҷашм мерасанд.

Азбаски дар муҳити адабии Хуканд назирагӯӣ ва эҷоди ғазалҳои ҷавобия ба ҳукми анъана даромада буд, қисми зиёди шоирон моил буданд, ки дар гуфтани ғазал бештар таъбозмоя намоянд. Аз ҷониби дигар, азбаски ғазалиёти шоирон дар шакли ҷавобия ва татаббӯъ ба ғазалҳои ҳамдигар навишта шудаанд, аз ҷиғунагии ин суннати адабӣ дар адабиёти давр далолат мекунад.

Бинобар он ки Амир Умархон ба қавли устод Садриддин Айнӣ «мураббии шуаро ва фузало буд» (1, с. 140), аксари онҳое, ки дар доираи адабии Хуканд фаъолият доштанд, ба ашъори шоир пайравӣ мекарданд. Яке аз ин гуна шоирон Султонхоҷа шайхулисоми Аҳрори Самарқандӣ маъруф ба Адо ба шумор мерафт, ки дар аҳди Амир Умархон умр ба сар бурдааст. Ў ҳам ба форсӣ ва ҳам ба туркӣ девон дорад. Дар «Радоиф-ул-ашъор» омада:

*Қучо ба ранги ҳино мениҳад нигор ангушт,
Зи хуни бегунаҳон мекунад нигор ангушт (9, с. 26).*

Ин ғазал дар пайравии ғазали Амир Умархон эҷод шудааст, ки дар радифи «ангушт» эҷод шудааст. Ин ҷо як нуктаро зикр кардан ҷоиш аст, ки Амирӣ ғазали ба радифи «ангушт» навиштаи худро дар ҷавоби ғазали Шавкати Бухорой эҷод кардааст, вале зоҳиран маҳз ғазали Амирӣ сабаб шуда, ки шоирони дигари дарбори ӯ ва берун аз дарбор ба он пайравӣ намоянд.

Муллораҷаб Парии Ҳисорӣ низ дар пайравии Амир Умархон шеърҳо навиштааст, ки маъруфтарини он ғазале бар радифи «ангушт» аст:

*Бурида бод зи дастам, сари ҷаҳор ангушт,
Ки даст мекашад, аз домани нигор ангушт (1, с.117).*

Ҳотифи Хучандӣ низ аз шуарои дарбори Амир Умархон буда, дар пайравии Амирӣ шеър гуфтааст:

*Шаббе зи шавқ расондам ба зулфи ёр ангушт,
Чу нофа ғашт зи ҳар уқда мушқбор ангушт (1, с.142).*

Ҳамчунин ғазали Мулло Усмон Хомӯши Бухорӣ:

*Макун зи нахли ҳино ранг чун баҳор ангушт,
Бирез хуни маро то шавад, нигор ангушт (1, с. 153).*

Яке аз шоирони дигаре, ки дар замони Амир Умархон умр ба сар бурдааст, Беҳчат ном дорад, ки ӯ низ бар ғазали Амир Умархон бо радифи «ангушт» ҷавоб гуфтааст:

*Мазан ба ранги ҳино, эй суманузор ангушт,
Макун зи хуни дилам, чун миҷа нигор ангушт (1, с. 168).*

Воқеан, намунаи осори бештари шуарое, ки ба ашъори Амирӣ ҷавоб гуфтаанд, аз «Радоиф-ул-ашъор» - маҷмӯаи ашъори мунтахаби шоирони давраҳои гуногун мебошад.

Шеърҳои дигари Беҳчат низ дар пайравии Амир Умархон навишта шуда, дар таъкираи «Тухфат-ул-аҳбоб»-и Возеҳ омадааст. Ин ғазалро Садриддин Айнӣ дар «Намунаи адабиёти тоҷик» овардааст. Матлаи ғазали аввали Амирӣ:

*Субҳ шуд аз хона он олиҷаноб омад бурун,
Хез, к-аз баҳри тамошо офтоб омад бурун (6, с.181).*

Матлаи ғазали дувум:

*Бар кучо он тифли шӯҳи найсавор омад бурун,
То сипеҳ аз хоки муштоқон гӯбор омад бурун (2, с.183).*

Беҳчат ҳангоми ҷавоб навиштан ба ин ғазалҳо, танҳо дар радиф ба ҷои «омад бурун» «ояд бурун»-ро ба кор гирифтааст.

Рамзии Хўқандӣ аз шуарои аҳди Амирхон буда, намунаҳои ашъораш дар «Тухфат-ул-аҳбоб» мастур аст:

*То ба гулгашти чаман он гулузор омад бурун,
Наргис аз шабнам ба ҷашми ашқбор омад бурун (6, с.158).*

Ҳамчунин шоир Риндӣ Намангонӣ низ дар пайравии ин ғазали Амирӣ ғазале гуфтааст:

*Шаб, ки оҳам дар ҳаёли лаъли ёр омад бурун,
Ҷӯши ашқ аз дидаам гавҳарнисор омад бурун.*

Гулҳанӣ Намангонӣ:

*Гӯиё аз парда акси рӯи ёр омад бурун,
Ашқи шодӣ аз раҳи миҷгон қатор омад бурун.*

Қасрат:

*То ба ғашти боғ он гулгунсавор омад бурун,
Гул ба пеши дидаи булбул чу хор омад бурун.*

Мухаммасҳои Амир Умархон бештар бар ғазалиёти суҳанварони номвари адабиёти форсӣ ба мисли Лутфӣ, Алишери Навоӣ, Соибӣ Табретӣ, Мирзо Абдулқодири Бедил баста шудаанд, ки аз ҷиҳати сабк ва хусусияти жанри шеърӣ хеле моҳирона қаламдод шудаанд. Бар ғазалиёти шоирони аҳди гузашта муҳаммас бастанӣ Амир Умархон таъкиди ин нукта низ ҳаст, ки ӯ нисбат ба суҳанварони

маъруфи пешин мухаббат ва иродати тамом дошта, ба ҳар ғазали қобили завқаш мухаммас бастааст. Дар ин маврид Фазли Намангонӣ чунин менигорад:

Ба ҳар ҷо, ки шеърӣ писандида дид,

Равонаш ба силки мухаммас кашид (11, с.438).

Таъкиди нукоти мазкур аз он ҷиҳат муҳим менамояд, ки бархе аз адабиётшиносон (Э. Шодиев) Амиро дар асл ҳамчун шоир эътироф накарда, маҳсули эҷоди ӯро ба Фазли Намангонӣ мансуб донистаанд. Вале мавҷудияти девони ӯ ба забони туркиву ўзбекӣ ва эътироми суҳанварон нисбати ашъори шоир ин нуктаро инкор мекунад.

Дар баробари ин, як силсила мухаммас ба ашъори Амир Умархон низ баста шудаанд, ки аз байни онҳо мухаммасоти Нола, Адо, Мушриф, Маъюс, Мирасад ва Нусратро метавон ёд кард. Пайравии онҳо ба Амир низ аз саҳифаҳои ҷолиби таърихи адабиёти ин давра аст. Дар ин миён Хичлат, Хотиф, Мушриф, Маҳзун, Вазир мухаммасоти озод гуфта, Беҳҷат бар ғазали Соиб мухаммаси тазминӣ эҷод кардааст. Аз ин лиҳоз, мухаммас дар ин давра ҳам дар пайравӣ бар ғазали шоирони дигар ва ҳам ба таври озод суруда шуда, ба сифати намунаи беҳтарини осори ғиноӣ таҳаввули ҷашмрасеро аз сар гузаронидааст.

Ҳамин тариқ, шоирони муҳити адабии Хўқанд дар татаббўсароӣ, мухаммасбандӣ, ҷавобиянависӣ, тазминбандӣ ва назирагўӣ ба ашъори суҳанварони тоҷику форс, чун Абдурахмони Ҷомӣ, Соиби Табрзӣ, Мирзо Абдулқодири Бедил ва дигарон кўшиши зиёде ба харҷ додаанд, аммо пайравӣ ба ашъори Амир Умархон анғезаи зиёде эҷод кардааст. Мақсад аз эҷоди назирагўӣ ва татаббўсароӣ озмоиши ҳунар ва истеъдоди шоирон буда, ба ин васила шуаро завқу саликаи суҳанофарии ҳудро санҷида, аз ҳунар ва маҳорати ҳамдигар воқиф мегардиданд.

Хидмати шоистаи Амир Умархон, пеш аз ҳама дар таъсиси муҳити адабии Хўқанд, пуштибонӣ аз суҳанварони ин давра, эҷоди ашъори ноб ба забонҳои тоҷикиву ўзбекӣ, бад-ин васила ба ёдгор гузоштани девони ашъор буда, симои ӯро чун шоири зул्लисонайн дар таърихи адаби форсии тоҷикӣ нишон медиҳад.

Вожаҳои калидӣ: Адабиёти асри XVIII, Амир Умархон, ҳавзаи адабии Хўқанд, адабиёти дузабона, татаббў ва назира

Пайнавишт:

1. Абдуллоев В. Ўзбек адабиёти тарихи. Иккинчи китоб.—Тошканд: Уқитувчи, 1964.—260 с.
2. Айнӣ, Садриддин. Намунаи адабиёти тоҷик. Аз хати форсӣ таҳия ва тасҳеҳи Мубашиири Акбарзод.—Душанбе, Адиб, 2010.—438 с.
3. Амирӣ. Девон. Нусхаи хаттии Китобхонаи миллии Тоҷикистон, шумораи 11/92.
4. Амиркулов С. Таҳаввули жанрҳои адабиёти тоҷик дар нимаи аввали асри 19.—Душанбе: Девашиш, 2005.—128 с.
5. Арберри А. Адабиёти классикии форсӣ. Тарҷумаи Асадуллоҳи Озод. Техрон, 1374.—369 с.
6. Афсаҳзод А. Дар сафи бузургон.—Душанбе: Ирфон, 1986.—334 с.
7. Возеҳ, Қорӣ Раҳматуллоҳ. Тухфат-ул-аҳбоб фи тазкират-ил-асҳоб. Матни интиқодӣ бо муқаддима ва тасҳеҳи Асгари Ҷонфидо. Зери назари Абдулганӣ Мирзоев.—Душанбе: Дониш, 1977.—227 с.
8. Воҳидов, З. Ўзбек адабиёти тарихи. — Тошкент, 1987.
9. Зоҳидов В. Ўзбек адабиёти тарихидан. - Тошканд, 1961.
10. Каримов Ғ. Ўзбек адабиёти тарихи. Учинчи китоб.—Тошкент: Уқитувчи, 1966.—280с.
11. Қайюмов А. Қўқон адабий муҳити.—Тошканд: УЗССР ФАН, 1961.—359 с.

12. Маъсумӣ, Носирҷон. Адабиёти тоҷик дар асри XVIII ва аввали асри XIX .- Душанбе, 1962.-368с.
13. Маъсумӣ, Носирҷон. Адабиёти тоҷик дар охири асри XVIII ва аввали асри XIX. Асарҳои мунтахаб. Ҷилди 1.-Душанбе: Ирфон, 1977.-364 с.
14. Муслмонӣ Р. Назарияи адабиёт.- Душанбе: Маориф, 1990.- 334с.
15. Пригарина Н. И. Индийский стиль и его место в персидской литературе.- Москва: Восточная литература, 1999.- 326 с.
16. Намангонӣ, Фазлӣ. Маҷмӯат-уш-шуаро.- Тошканд, 1900.- 502с.
17. Нодира. Девон. Душанбе: Ирфон.- 1967.
18. Шодиев Э. Зулхисонайн шоирлар. Ўзбек адабиёти тарихи масалалари. Тошкент: ФАН, 1976.- 149 с.

Reference Literature:

1. Abdulloyev V. The History of Uzbek Literature. V.2. – Tashkent: Teacher, 1964. – 260 pp.
2. Ayni, Sadridin. Patterns of Tajik Literature. - Transliteration from Arabic to Cyrillic under the editorship of Mubashiri Anvarzod // - Dushanbe: Man-of-Letter, 2010. – 438 pp.
3. Amiri. Collection of Works. A Copy of the Manuscript Kept in the National Library of Tajikistan, number 11/92.
4. Amirkulov S. Development of the Genres of Tajik Literature Referring to the first Half of the XIX-th Century. – Dushanbe: Devashtich. 2005. – 128 pp.
5. Arberri A. Persian Classic Literature. Translated by Asadullohi Ozod. – Tehran, 1374 hijra. – 369 pp.
6. Afsahzod A. In the Tremendous Line. – Dushanbe: Cognition, 1986. – 334 pp.
7. Vozeh, Kori Rahmattuloh. Tuhfat-ul-ahbob in Tazkirat-ul-ashob. Critical text. With addition and introduction by Asghari Johnfido (under the editorship of Abdulghani Mirzoyev). - Dushanbe: Knowledge, 1977. – 277 pp.
8. Vohidov, Z. The History of Uzbek Literature. – Tashkent, 1987.
9. Zohidov V. The History of Uzbek Literature. – Tashkent, 1961.
10. Karimov Gh. The History of Uzbek Literature. – the 2-nd volume. - Tashkent: Teacher, 1966. – 280 pp.
11. Kayumov A. The Literary Space of Kukon. - Tashkent: Uzbek SSR Academy of Sciences, 1961. – 359 pp.
12. Ma'sumi, Nosirjohn. Tajik Literature in the Periods of the XVIII-th and the Beginning of the XIX-th Centuries. – Dushanbe, 1962. – 368 pp.
13. Ma'sumi, Nosirjohn. Tajik Literature at the End of the XVIII-th and the Beginning of the XIX-th Centuries. Collection of Works. V.1. - Dushanbe: Cognition, 1977. – 364 pp.
14. Musulmoniyon R. Theory of Literature. - Dushanbe: Enlightenment, 1990. – 334 pp.
15. Prigarina N.I. Indian Style and its Role in Persian Literature. - Moscow: Oriental Literature, 1999. – 326 pp.
16. Namangoni, Fazli. Collection of Poems. – Tashkent, 1900. – 502 pp.
17. Nodira. Collection of Works. - Dushanbe: Cognition, 1967.
18. Shodiyev E. Bilingual Poets. Historical Issues of Uzbek Literature. - Tashkent: Science, 1976. – 149 pp.

10 02 20 СРАВНИТЕЛЬНО- ИСТОРИЧЕСКОЕ, ТИПОЛОГИЧЕСКОЕ И
СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

10 02 20 COMPARATIVE-HISTORICAL, TYPOLOGICAL AND
CORRELATIVE LINGUISTICS

УДК 80/81
ББК 81 (2Т)

**К ВОПРОСУ ОБ ИССЛЕДОВАНИИ
ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ,
ВЫРАЖАЮЩИХ ЭМОЦИИ
ЧЕЛОВЕКА, В РАЗНОСИСТЕМНЫХ
ЯЗЫКАХ**

**TO THE ISSUE OF RESEARCHING
PHRASEOLOGICAL UNITS
EXPRESSING EMOTIONS OF MAN
IN LANGUAGES OF DIFFERENT
STRUCTURES**

Орипова Мусавара Хафизуллоевна,
соискатель кафедры английского языка и
методики его преподавания ХГУ имени
акад.Б.Гафурова
(Таджикистан, Худжанд)

Oripova Musavvara Hafizulloevna,
claimant for candidate degree of the
department of English language and methods
of its teaching under Khujand State
University named after academician
B.G.Gafurov (Tajikistan, Khujand)
E-MAIL: oripova.musavvara@mail.ru

Ключевые слова: эмоция, эмотивность, фразеологическая единица, микрополе эмоции, человек и язык, фразеологизмы со значением эмоций, сопоставительный анализ

Данная статья посвящена исследованию фразеологических единиц, выражающих эмоции человека, в трёх языках – английском, русском и таджикском. Автор рассматривает микрополе эмоции с лингвистической точки зрения и приводит ряд примеров с фразеологическими единицами из различных языков. В статье сделана попытка проанализировать ФЕ микрополя эмоции (отрицательные – страх, беспокойство, тоска, страдание, стыд и положительные – любовь/страсть, спокойствие/уверенность, счастье) с точки зрения их семантики. Автор утверждает, что некоторые ФЕ, которые имеют в одном языке положительную оценку, в другом могут указывать на отрицательную. Это зависит от принадлежности языков к разным языковым группам, от видения мира, уровня образованности и культуры носителей того или иного языка. На основе семного анализа автор выявляет общие интегральные семы и примерное соответствие дифференциальных семантических признаков в сигнификативно-денотативном значении ФЕ, что является основой для определения фразеологических эквивалентов и аналогов в сопоставляемых языках. Различия в семантике рассматриваемых ФЕ он объясняет ограниченным рядом семантических подгрупп в рассматриваемых языках. В исследуемых языках наблюдается сдвиг в сторону ФЕ, выражающих отрицательные эмоции человека. Этот факт объясняется более острой дифференцированной эмоциональной и речемыслительной реакцией людей на негативные явления. Такую неравномерность можно объяснить различными способами выражения особенностей быта, социальных установок и психологического склада носителей разных языков.

Key words: *emotion, emotivity, phraseological unit, microfield of emotion, man and language, phraseologisms with the meaning of emotions, correlative analysis.*

The article dwells on the research of phraseological units expressing man's emotions in three languages: English, Russian and Tajik. The author considers the microfield of emotions from the linguistic point of view and adduces a number of examples with phraseological units from different languages. The author makes an endeavour to analyze PhUs of the microfield of emotions (negative ones – fright, anxiety, anguish, suffering, shame; and positive ones – love/passion, tranquillity/happiness) from the point of their semantics. She asserts that some PhUs having a positive evaluation in one language may be perceived in the negative in another language. It depends on an appurtenance of certain languages to different linguistic groups, on world vision, level of education and culture on the part of real English mediators. Proceeding from seme analysis the author elicits general and approximate correspondence of PhUs differentiative semantic signs in significantive-denotative meaning of PU, it is a basis for definition of phraseological equivalents and analogues in correlative languages. Differences in semantics of PhUs in question are accounted for by a limited row of semantic subgroups in the languages considered. In the languages researched a shift towards PhUs expressing man's negative emotions is observed. This fact exists due to a much acuter differentiated emotional and speech-thinking reaction of people to negative phenomena. Such irregularity is accounted for by different ways of expression in reference to the peculiarities of every day life, social establishments and psychological nature of people living in different countries and speaking different languages.

Как известно, эмоция является одной из форм отражения, познания и оценки объективной действительности. Как объект исследования они играют большую роль в психологии и философии. По мнению многих учёных, эмоции являются особой и своеобразной формой познания и отражения реальной действительности. Человек как существо разумное одновременно выступает в роли как субъекта, так и объекта познания. А все эмоции связаны непосредственно с потребностями человека, с его поведением и отношением к действительности.

Исследованием эмоций занимаются многие дисциплины: социология, этика, философия, лингвистика, литература и медицина. Анализ изученной литературы по данному вопросу показал, что фразеологические единицы (далее ФЕ) выступают самым многочисленным классом языковых единиц, которые чётко и ясно передают различные эмоции человека, так как именно они обладают наиболее экспрессивной и богатой гаммой образов.

Что касается вопроса о числе эмоций, то и здесь не существует единства мнений. Например, китайцы признавали всего семь основных эмоций. Для таджиков, главными эмоциями являются *шодӣ, хурсандӣ, хуррамӣ, дӯстӣ, муҳаббат*. Англичане более открыты в отношении эмоций и смотрят на всё реально, это отражают лексемы *joy, fear, anger, sorrow* и др., которые исключительно точны по своей семантике в передаче соответствующих эмоций. В этой связи следует сказать, то мы согласны с точкой зрения В.Д. Жукова, который утверждает, что такие ограничения числа эмоциональных состояний... удобны, так как обеспечивают возможность «объять предмет изучения, но явно чреваты упрощенчеством и ведут к обеднению необычайно ёмкого понятия» (2, с. 26).

В последние годы намечается большой интерес исследователей к рассмотрению человека с точки зрения культурологической семантики, которая объединяет

антропологическую парадигму. По определению Н.А. Молоткова, «антропоцентрическая парадигма - это переключение интересов исследователя с объектов познания на субъект, т.е. анализируется человек в языке и язык в человеке» (3, с. 54).

Как показывает изучение научной литературы, в последнее время всё более актуальным становится анализ и рассмотрение областей языковых явлений, связанных с человеком, что определяет важность антропоцентричного направления в лингвистике. Один из особых аспектов исследований подобного рода состоит в выявлении ФЕ, обозначающих эмоции, т.е. чувства человека. Эмотивные смыслы здесь эксплицитны, более устойчивы, стабильны и представляют собой непосредственные знаки эмоций. Материалом для нашего исследования послужили лексикографические данные на основе метода сплошной выборки из фразеологических словарей русского, таджикского и английского языков.

Известно, что лексика и фразеология любого языка обладают огромным потенциалом. Как отмечает М.Н. Азимова, в системе фразеологии выделяются многочисленные группы фразеологизмов, основу тематической классификации которых составляют другие семантические признаки, и большинство из них принадлежит к семантическому полю или к микросистеме «Человек» (1, с. 185). Рассмотрение семантических особенностей данных единиц в английском языке позволило раскрыть определенное своеобразие культуры англоязычных народов, выявить культурную информацию, закодированную в компонентах фразеологизмов, а также определить некоторые их изоморфные и алломорфные особенности в сопоставлении с ФЕ русского и таджикского языков с точки зрения их принадлежности к разным системам.

Эмоции – это реакция субъективного характера на воздействие внутренних и внешних раздражителей, проявляющаяся в виде радости, страха, удовольствия или неудовольствия. Под эмоциями понимаются также чувства или душевные переживания человека, которые могут быть как положительными, так и отрицательными, например страх, печаль, удовольствие и др. Большинство авторов (А.Д. Райхштейн, А.В. Кунин, Е.Ф. Арсентьева, В.И. Шаховский, М.Фазилов, С. Хушенова, Х.М. Маджидова и др.) констатируют факт преобладания «отрицательных» ФЕ над «положительными» (4, с. 94). Это объясняется, видимо, тем, что на отрицательные явления человек реагирует более остро и дифференцированно, поэтому большая роль отводится им.

Фразеосемантическое поле «эмоция человека» включает фразеологические единицы, обозначающие психическое (временное или постоянное) состояние человека. Эту группу составляют ФЕ, которые отражают психологическое состояние человека и в центре внимания которых стоит эмоциональная сфера. В зависимости от того, какое состояние передается, можно выделить несколько микрополей, то есть в микрополе «эмоции человека» входят следующие мелкие семантические поля:

1. Микрополе *fear, страх; тарс/вахм*.

Как показывают наши наблюдения, понятие "страх" чаще всего передаётся через внешнее проявление этого состояния:

Англ.: get the collywobbles; shake in one's boots (shake (или shiver) in one's boots); put fear in smb.'s heart; shake like a sheep's tail; smb.'s knees are knocking; blue fear (blue fear или funk); grow cold with fear, curl smb.'s hair

Русс.: мандраж берёт/взял, съёжиться от страха, леденеть от страха, вселять страх в чью-л. душу; кровь застыла в жилах, потерять голову от страха, бояться кого-л. (или чего-л.) как чёрт ладана;

Тадж.: Сахт тарсидан, ниҳоят тарсидан, ба дил ҳарос ёфтан, дил ба пушт рафта часпидан, аз тарси чон қоре қардан, талҳақаф шудан (лаҳҷаи хучандӣ – дил бозӣ қадан, дил дақар-дақар лаззидан, дил ду даридан)

Например:

Англ.: *I get the collywobbles every time I walk down that street at night.*

The goings-on described in Frank's... tale made everybody's hair curl.

Русс.: Меня каждый раз **мандраж берёт**, когда я иду ночью по этой улице (9).

Или: - Ты говоришь - риск? А я говорю - да. Пусть обмирает душа, пусть она **дрожит, как овечий хвост**, - я иду прямо, я не споткнусь и не поверну назад (9).

Ниже следующий пример раскрывает значение эмоционального состояния человека:

Вот, например, Алан говорил мне, что до того, как он там отличился и получил крест, его всё время **терзал страх** (9).

Рассмотрим примеры из произведений таджикской литературы:

Аз ин ҳол **ба дили** пирамард **ҳаросро ёфта** бошад ҳам, аз саҷда ором сар бардошта, бо гӯшаи чаши чониби қат назар қард (6, с. 14)

Дилам қигғӣ қарду **ба пуштам рафта часпид** (7, с. 16).

Или предложение, характеризующее значение эмоционального состояния лица:

Йағ бора йакам авози хунук буромат, ки а **таса дилам дақар-дақар лаззидас** (5, 103).

В единичных случаях в сознании носителя языка актуализуется внутреннее состояние: волнение, переживание (**ҳиссиётро аз сар гузаронидан, таҳаммул қардан**): all of a doodah – в состоянии возбуждения/волнения. Рассмотрим примеры из сопоставляемых языков:

Англ.: *The woman was all of a doodah because her child was lost* (9).

Русс.: Женщина **была вне себя от отчаяния**, поскольку пропал её ребенок.

Тадж.: Аммо пирамард дар нигоҳи ороми Масрур **заррае тарсу ҳарос накарда**, мӯи шабранги ўро бо панҷаи шахиҷул нарм-нарм панҷа зад (6, с. 11).

Такие фразеологизмы в целом выступают в роли стереотипа состояния сильного испуга.

Во многих культурах **страх** имеет высокую значимость социального характера, так как он может повлиять на деятельность человека. Страх проявляется по-разному, что зависит от определённой ситуации. Следует отметить семантические нюансы в значении ФЕ, которые выражают страх. В словаре Даля приводится следующее определение страха: **страх** - страсть, боязнь, робость, сильное опасение, тревожное состояние души от испуга, от грозящего или воображаемого бедствия.

2. Микрополе *to miss (smb), to feel fear/тоска, тревога/ ёд қардан, зик шудан, воҳима зер қардан*.

Тоска (теснить) – это стеснение духа, томление души, мучительная грусть; душевная тревога, беспокойство, боязнь, скука, горе, печаль, боль сердца, скорбь. В данном случае можно говорить о том, что сердце и душа выступают как эквиваленты, характеризую чувство внутреннего беспокойства человека. Чувство тоски, тревоги, беспокойства, как и страх, почти во всех языках восходит к душе или сердцу человека, ср.:

Англ.: he is sick at heart, he feels depressed, his heart is heavy, unbearable anguish oppresses the heart, miss smb, long/pine for smb, pangs of love, it's a frightful bore, it is sickening, one is bored stiff;

Русс.: у него тоска на сердце, невыносимая тоска теснит грудь, испытывать тоску по кому-л., тоска по родине, тоска любви, тоска зелёная (смертная), кошки скребут на сердце и др.;

Тадж.: ёд кардан, пазмон шудан, хасрат кашидан, зор шудан, пазмони ватан кардан, муштоқ шудан, дил гум задан, чашм дӯхтан...

Например: ...ин лаҳза димоғаш аз бӯи атри зани бунафшамонанд муаттар гашта, дилаш гум зад ба ёди он рӯзҳо ва ҳини ҳамин махмурӣ шунид.... (6, с.114).

Или в двух других языках:

Susie felt suddenly sick at heart. She had never dreamt that her secret was discovered (9).

У Сузи вдруг стало тяжело на душе. Она и не подозревала, что тайна ее раскрыта (перевод).

3. Микрополе *suffering/ страдание/ азоб, ранч*.

Англ.: one's heart is broken, tire somebody's heart out, put someone out of the misery; grin and bear it, to hang (to bow) one's head in sorrow, cross one's heart out;

Русс.: сильно горевать, быть в полном/безысходном отчаянии, положить конец переживаниям, потупить (склонить) голову в горе, выплакать своё горе, горько рыдать; выплакать все глаза;

Тадж.: ранч бурдан, азоб (додан) кашидан, ғам хӯрдан, дил сӯхтан, дилсӯзӣ кардан, сахт алам кашидан, азоби рӯҳӣ кашидан, чабру чафо кашидан, азобу машаққатро аз сари худ гузаронидан и др.

Amelia ... got up, and went upstairs to her room, and cried her little heart out (9).

Эмилия ... вскочила и побежала наверх к себе в комнату **выплакать** там **свое** горе.

Аммо лаҳчаи **дили ман** ҳанӯз ҳам бо ёди Хусрав, янгаам, бибиш Панирой ва Лочин **кӯрдуд мекунад** (6, с. 38).

4. Микрополе *shame/стыд/шарм*. В сопоставляемых языках представлено огромное количество ФЕ, которые характеризуют чувство стыда. При этом в их составе широко представлены компоненты - соматизмы **глаза, уши, лицо**. Это свидетельствует о том, что чувство стыда проявляется внешне и отражается на лице человека и, прежде всего, в его глазах:

Англ.: lose all sense of shame, be lost to shame, throw off all shame, burn with shame, to blush/to flush with shame, to hang (to bow) one's head in shame, put smb., cry fie upon smb.,

Русс.: потерять стыд, сгорать от стыда; покраснеть от стыда, опустить голову от стыда; краснеть из-за кого-то и др.;

Тадж.: аз шарм сун-сурх шудан, беҳаёву беор будан, беҳаё шудан, аз хичолат сурх шудан, бе рӯ будан (лаҳчаи хучандӣ – кали номусакӣ, нинаксахт будан (бешарм – М.О.), ор кадан, рӯя бел бойин кадан).

Сравним примеры:

My relations won't cry fie upon me,' Becky said, with rather a bitter laugh... (9).

Мне было бы стыдно, если бы я носила такие короткие платья! (9).

Вай кали номусакӣ, пеши почцова рафтабша шарм доштагис дийа.. (5, с. 142).

5. Микрополе *anxiety, trouble/беспокойство/ноором, беқарор (шудан), безобита шудан*.

У сельских жителей состояние постоянных хлопот, волнения и беспокойства соотносится с адом или с тёмными силами: *как в смоле кипеть, как чёрт в колесе*. Если человек испытывает беспокойство, связанное с желанием сделать что-либо, то оно приписывается действию каких-то внешних сил, не зависящих от воли человека: *вода/водой подмывает, селезёнка не терпит/не утерпит*.

Сравним обнаруженные нами ФЕ из лексикографических источников и художественной литературы:

Англ.: be on nettles, like a hen on a hot (het) gridle;

Русс.: ёрзать от волнения; ≈ сидеть как на иголках, как на углях; испытывать беспокойство, быть не в своей тарелке,

Тадж.: ба ташвиш афтидан, аз вачхи чизе норохат шудан, ташвиш додан, захмат кашидан, сабру тоқатро аз даст додан

Some of them were on nettles till they learned your name was Dickson.

The Bailie ... had all this while shifted from one foot to another with great impatience 'like a hen', as he afterwards said, 'upon a hot gridle' (9).

Всё это время он ... стоял, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, и чувствовал себя, как он позднее выразился, "словно на сковородке" (9)

Некоторые из них чувствовали себя беспокойно до тех пор, пока они не узнали, что ваша фамилия Диксон. 9)

Вай дигар сабру қарорро аз даст дода, бо садои хеле баланд ларзон ва дар айни ҳол таҳдидомез гуфт... (8, с. 23).

Кроме ФЕ, выражающих эмоций с отрицательной семантикой, нами выявлены также (хотя в малом количестве) ФЕ, выражающие эмоции с положительной оценкой. Ниже приводим краткий анализ широко используемых ФЕ со значением удовольствие, радость, счастье, веселье, восторг, хушхолӣ, хушнудӣ (напр., *взыграться духом* - «прийти в бодрое, радостное настроение»; *look like the cat after it had eaten the canary* - «иметь довольный вид, сиять, светиться довольством», *аз хурсандӣ сараи ба осмон расид* «от радости голова дошла до неба»).

1. Микрополе happiness, joy, gladness, elation/счастье, радости/ хурсандӣ, хурраиӣ, хушбахтӣ

Англ.: be in seventh heaven (be on cloud nine), be in the clouds, rejoice the cockles of one's heart, a green old age, goo-goo eyes, tread on (walk) on air.

Русс.: быть на седьмом небе от счастья, витать в облаках, сиять от радости/счастья, ликовать, радоваться; ≈ ног под собой не чуют, счастливая старость, влюблённые взгляды;

Тадж.: сар ба осмон расидан, аз хурсандӣ худро гум кардан, бахри дил кушода шудан, сари касе баланд шудан, чехраи касе аз (хурсандӣ дурахшидан) мамнуният гул кардан, аз шодӣ ба пӯсти худ нағунҷидан;

Mrs. Tabret: "...they came in looking like a pair of cats who'd swallowed a canary and said they were engaged."

Миссис Табрет: "...когда они вошли в комнату, вид у них был счастливый и довольный. Они объявили мне, что обручились (9).

Ман дар мактаби кӯҳна ҳам бошад, ба хондан тайёр будам ва агар ин муяссар мешуд, сарам ба осмон мерасид (8, с. 37).

2. Микрополе calm, quiet, calmness, tranquillity, composure, confidence, certainty, assurance, certitude, assuredness, hardness, firmness, solidity – спокойствие, уверенность, твёрдость/оромӣ, осудагӣ, хотирчамъӣ/ (напр., *брать себя в руки* - «преодолеваю свои чувства, настроения, достигать самообладания»; *keep one's balance* - «сохранять спокойствие, душевное равновесие»):

Англ.: to be in a tranquil frame of mind, be in a world by oneself, set one's heart at rest, be in one's element; be out of one's element

Русс.: спокойное расположение духа, погрузиться в задумчивость, перестать волноваться, беспокоиться, чувствовать себя как рыба в воде, быть в своей стихии;

Тадж.: боварии қатъӣ/комил(доштан), дилпур будан, ба худ мутмаин будан, иродан қавӣ/мустваҳкам доштан, аз ғазоби худ фаромадан, оташи хаши худро паст кардан и др.

Mary is in a world of her own when she is playing the piano.

Когда Мэри играет на рояле, она целиком погружается в себя. (9).

Султон бо шунидани ин калимаҳои мунофиқонаи аблаҳфиребона аз Маҳмуди Ялавоз хурсанд шуд, аз ғазаб фаромад ва ҳатто ба вай инъоми махсусе ҳам кард (9).

3. Микрополе *love, passion, adoration, idolatry, admiration, delight/ любовь, страсть, обожание, восхищение/муҳаббат, ишқ, шавқ*

Англ.: stand in awe of smb.(smth.), to be in love with smb., to inspire love for smb., lose one's heart to (somebody), give one's heart to somebody, have a crush on smb., have got it bad (badly)

Русс.: испытывать благоговейный трепет перед кем-, чем-л., влюбиться по уши, отдать своё сердце кому-л., втюриться в кого-л., влюбиться по уши, потерять голову из-за кого-л.

Тадж.: шарбати ишқ нӯшидан, касеро нағз дидан, меҳр мондан, муҳаббат бастан, ошики шайдо шудан, дил додан, шефта (мафтун – М.О.) шудан, хуши касе ба касе рафтан, ба як рӯй пухтан, чашми касе ба касе ошно намудан (аз рӯи меҳру муҳаббат нигоҳ кардан).

She grew to womanhood, and gave heart to one who could not know it's worth (9)

Она стала взрослой девушкой и отдала сердце человеку, не способному оценить это сокровище. (перевод)

Ҳушааш ба духтари зебо рафтагист. (8, с. 124).

Подводя итог вышесказанному, а также опираясь на анализ языковых единиц нашего корпуса, следует сказать, что рассмотренные ФЕ, обозначающие отрицательные эмоции человека, свидетельствуют о значительном сходстве ФЕ английского, таджикского и русского языков как в количественном, так и в качественном отношении. Однако следовало бы сказать, что при сравнении нами объема фразеологии некоторых групп и подгрупп обнаруживается определенная неравномерность, что следует, видимо, объяснить различными способами выражения особенностей повседневной жизни, социальных установок и менталитета носителей в разных языках. Количественное сопоставление ФЕ, обозначающих положительные эмоции человека в сопоставляемых языках, выявило некоторые закономерности и особенности фразеологии. Представляет интерес тот факт, что в английском языке гораздо больше ФЕ подгрупп со значением «сдержанность», «честность», «хладнокровие», тогда как в русском и таджикском языках есть ФЕ, обозначающие «открытость, душевность». Некоторые подгруппы (стыд, зависть, ненависть) представлены одинаково богато, что следовало бы, вероятно, объяснить количественным и качественным отражением во фразеологии национальных черт характера данных народов.

Сопоставительный анализ ФЕ поля «эмоция человека» в рассматриваемых языках свидетельствует о значительном сходстве на уровне семантики. Несмотря на различный строй языков и на различные способы выражения семантических отношений между компонентами ФЕ в английском, русском и таджикском языках, нами выявлено немало соответствий и сходств ФЕ. Это даёт нам возможность нахождения эквивалентных и аналогичных соответствий ФЕ в рассматриваемых языках. Изучение семантических особенностей ФЕ представляет достаточно объёмный материал для выявления изоморфизма на фразеологическом уровне. Семный анализ ряда ФЕ позволил выявить общие интегральные семы и примерное соответствие дифференциальных семантических признаков в сигнификативно-денотативном значении ФЕ, что является основой для определения фразеологических эквивалентов и аналогов в сопоставляемых языках.

Различия мы видим в выделении ограниченного ряда малочисленных семантических подгрупп, характерных лишь для одного из сопоставляемых языков, и в разном количественном составе этих подгрупп. Во всех исследуемых языках наблюдается сдвиг в сторону ФЕ, выражающих отрицательные черты характера человека. Это можно объяснить более дифференцированной эмоциональной реакцией людей на негативные явления действительности, а также различными способами выражения особенностей быта, социальной жизни и психологического склада людей, говорящих на разных языках. Следует также отметить общие закономерности, которые характерны для всех исследуемых языков. Сопоставление и анализ ФЕ со значением «эмоции человека» в английском, русском и таджикском языках позволили выявить как общие закономерности, так и национальное своеобразие фразеологии, которая в свою очередь отражает реалии жизни, культуры и истории английского, русского и таджикского народов.

Проведённое нами исследование не исчерпывает проблематики, взятой на рассмотрение. Тем не менее, в статье мы попытались показать основные аспекты, заключающие в себе большой интерес к изучению иностранных языков. Так как интерес к образу жизни других народов существует издавна и отношения между государствами и народами поддерживаются международными контактами, то и фразеология каждого языка вносит определённый вклад в формирование образной картины мира. А успех в коммуникации зависит во многом от того, имеется ли адекватное взаимопонимание участников диалога, принадлежащих к разным национальным культурам и к разной языковой среде.

Список использованной литературы:

1. Азимова М.Н. Сопоставительно-типологический анализ фразеологической системы таджикского и английского языков. – Душанбе, 2006. – 242 с.
2. Жуков В.П. Семантика фразеологических оборотов. – М.: Просвещение, 1978. – 160 с.
3. Молотков А.И. Основы фразеологии русского языка. – Л.: Наука, 1977. – 282 с.
4. Райхштейн А.Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. – М., 1980. – 143 с.

Источники:

5. Зоҳидов А., Осимова Б. Фарҳанги воҳидҳои фразеологии лаҳҷаи Хуҷанд. – Хуҷанд: Нури маърифат, 2003
6. Иноят Насриддин. Дардҳои гиёҳхӯрда. – Душанбе: Адиб, 2006. – 183 с.
7. Раҳим Ҷалил. Бозгашт аз бихишт. – Хуҷанд, 2003. – 144 с.
8. Фозилов М. Фарҳанги ибораҳои рехта. – Душанбе. - Ҷ. 1. 1963. – Ҷ. 2. 1964.
9. Электронный словарь Abby Lingvo x5

Reference Literature:

1. Azimova M.N. Comparative-Typological Research of Phraseological Systems of Tajik and English Languages. - Dushanbe, 2006. – 242 p.
2. Zhukov V.P. Semantic of set phrases. - M.: Enlightenment, 1978. – 160 p.
3. Molotkov A.I. Grounds of Russian Phraseology. - Science, 1977. – 282 p.
4. Raikhshtein A.D. Correlative Analysis of German and Russian Phraseology - M., 1980. – 143p.

Resources:

5. Zohidov A., Osimova B. Dictionary of Phraseological Units in Khujand Dialect: Khujand, Light of Knowledge, 2003
6. Inoyat Nasriddin., "Pain Eaten by Herbs". – Dushanbe: "Man-of-letters", 2006. - 183 p.
7. Rahim Jalil, "Return to Paradise", Khujand 2003, 144pp.
8. Fozilov, M. The Dictionary of Set-Expressions, (Dushanbe, p.I, 1963; p.II, 1964).
9. Electronic Dictionary Abby Lingvo x5

УДК 811.111 (Англ)

ББК 81.2 Англ

**ИНДОИРАНСКИЕ И АРАБСКИЕ
ЗАИМСТВОВАНИЯ
В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ**

**INDO-IRANIAN AND ARABIC
BORROWINGS INTO THE ENGLISH
LANGUAGE**

Мирсаминова Гузалхон Махмуджоновна,
соискатель кафедры перевода и
грамматики английского языка
ХГУ им. акад. Б.Гафурова
(Таджикистан, Худжанд)

Mirsaminova Guzalkhon Mahmudjonovna,
claimant of candidate degree of the
department of translation and English
language grammar under KSU named after
acad. B. Gafurov (Tajikistan, Khujand)
E-MAIL: guzalkhon@bk.ru

Ключевые слова: заимствования, семантическое поле пищи, романские языки, английский язык, слово, форма, значение

Английский язык обогатил свой словарный состав не только за счет слов из западноевропейских языков, но также и за счет заимствований из индоиранских и семитских языков. В частности, согласно нашему материалу, собранному из авторитетнейшего источника по английскому языку, только из сферы семантического поля пищи английский язык заимствовал 15 словарных единиц из санскрита, таджикско-персидского и арабского языков. Сюда относятся слова *alcohol, apricot, artichoke, aubergine, coffee, julep, lemon, lime, orange, pilaf, pistachio, sherbet, spinach, sugar, syrup*. Они проникли в английский язык в течение длительного периода времени не прямо, а через греческий и ряд романских языков. Их проникновение в эти языки было связано с торгово-экономическими отношениями между Востоком и Западом.

Key words: borrowings, semantic field dealing with food, Romanic languages, English language, word, form, meaning

The English language enriched its basic lexical stock not only due to the vocabulary of the West European languages it borrowed diverse words from, but by dint of borrowing from both Indo-Iranian and Arabic ones either. In particular, according to our material collected from the most authorized sources referring to the English language the latter borrowed 15 lexical units pertaining only to the semantic field of food from Sanskrit, Tajik-Persian and Arabic. Here the following words are referred: *alcohol, apricot, artichoke, aubergine, coffee, julep, lemon, lime, orange, pilaf, pistachio, sherbet, spinach, sugar, syrup*.

They penetrated into the English language during a long period of time not directly, but through Greek and the number of Romanic ones as well. The author of the article comes to the conclusion that their penetration into these languages was closely connected with commercial-economic relations between the West and the East.

Английский язык в современном мире считается величайшим и богатейшим языком международного общения. Данный язык произошел от языков трёх германских племен: англов, ютов и саксов, которые завоевали и населяли Британские острова в V веке нашей эры. Из богатейшего арсенала словарного запаса совре-

менного английского языка только 30 % слов относятся к словарному фонду этих трёх племен. Остальную часть своей лексики английский язык заимствовал из других языков мира. Около 53-55 % словарного запаса современного английского языка относится к словам романского происхождения, что связано с завоеванием норманскими племенами Британских островов в 1066 году и их господством в этой стране в течение трёх веков.

Остальные 15-17 % английских слов заимствованы из других языков мира, в том числе из индоиранских и арабского языков.

В данной статье будут охарактеризованы английские слова, заимствованные из санскрита, персидского и арабского языков, которые семантически связаны с понятием пищи. Данная статья основывается на материалах «Нового краткого оксфордского словаря английского языка», изданного в издательстве Оксфордского университета в 1993 году. В этом авторитетнейшем двухтомном словаре, состоящем из 3800 страниц, дается информация о правописании, значении и происхождении всех слов, функционирующих в английском языке.

В данном словаре зафиксированы заимствованные слова **alcohol, apricot, artichoke, aubergine, coffee, julep, lemon, lime, orange, pilaf, pistachio, sherbet, spinach, sugar, syrup**, которые входят в семантическое поле пищи.

Слово **alcohol** [ælkəhɒl] в английском языке употребляется как имя существительное. Оно проникло в английский язык через французский язык, а французы заимствовали это слово из латыни [1, p. 48]. Данная лексическая единица является исконно арабским словом, которое произносится [al-kuhl]. В этом слове «al-» является определённым артиклем арабского языка. В английском языке под **alcohol** понимается бесцветная опьяняющая жидкость, которая содержится в составе пива, вина, спирта и так далее. Эта лексическая единица в современном мире превратилась в интернациональное слово. В частности, в русском языке оно звучит «алкоголь». Очевидно, через русский язык оно проникло в годы Советской власти во все языки народов бывшего Советского Союза, в том числе и в таджикский язык.

Слово **apricot** [eɪprɪkɒt] в английском языке употребляется в качестве имени существительного. Данное слово считается заимствованным англичанами из португальского языка, где имеет форму **albricoque**. Оно функционирует также и в испанском, где звучит как «**albaricoque**». Эти языки заимствовали его из арабского языка, в котором оно звучит как «**al-barkuk**». Начальный элемент «al-» является определённым артиклем арабского языка. В указанном словаре (стр. 104) отмечено, что данное слово исконно звучало как **abreckock** или **aprickock**. Оно проникло и в русский язык в форме «**абрикос**», а в таджикском языке данный фрукт называется словом «**зардолу**», которое состоит из двух компонентов: «**зард**» и «**олу**» и не имеет никакой связи с рассматриваемым арабским словом. В английском языке данное слово употребляется в трех значениях: 1) мевая хушки зардолу; 2) мевая пухтай зардолу; 3) дарахти зардолу.

Английское слово **spinach** [spɪnɪʃ] является персидско-таджикским заимствованием. Данное слово в персидском языке имеет форму **aspanoj**, а в современном таджикском языке оно звучит как «**испанощ**». Это многолетняя дикорастущая трава, которая используется для приготовления самбуса. Данное персидско-таджикское слово было заимствовано английским языком через арабский, испанский и старофранцузский языки. Видимо, «испонак» через «к» - персидская форма, а через

«ы» - арабизированная. В испанском языке оно имеет форму **espinaca**, а в старофранцузском - **espinache** [1, p. 2986].

Как видно из орфографии и звучания данного слова, в современном английском языке исконно персидский конечный звук [к] заменен на английский звук [џ]. Кроме того, начальный звук [а] редуцирован. Другой звук [а] заменен на звук [i]. В английском языке данное слово обозначает растение, листья которого используются как овощ. В таджикском языке это слово обозначает целебную траву, употребляемую в качестве отдельного вида пищи.

В современном английском языке функционирует слово **sugar** [ʃuɡə]. Данная единица произошла от санскритского слова «**śarkara**». В языке пракрит она имела эту же форму, с той лишь разницей, что конечный звук был кратким. Из этого языка слово «**śarcara**» проникло в персидский язык, в котором оно имеет форму «**shakar**», что наблюдается и в современном таджикском языке. Из персидско-таджикского языка его заимствовали арабы в форме «**sukkar**». Из арабского оно перешло в латинский язык в форме «**succarum**» или «**succharum**». Итальянцы заимствовали данное слово из латыни в форме «**zucchero**». Из латыни санскритское слово «**śarcara**» через четыре языка перешло в старофранцузский язык в форме «**sukere**». Англичане, очевидно, в годы норманнского господства в Англии (XI-XIII вв.), заимствовали данное слово в форме «**sugar**» из старофранцузского языка [1, p. 3134].

Во всех указанных языках данное слово обозначает сладкое кристаллическое вещество, производимое из различных растений и используемое в пищу.

Как видно, на пути проникновения из языка санскрит в английский данное слово претерпело множество звуковых и орфографических изменений. Но неизменным осталось его значение и частично - его звучание в форме «**шакар**».

Относительно слов, функционирующих в санскрите, персидском и английском языках, думаем, что они, очевидно, являются общими для этих языков, лишь только с разницей их преимущественного употребления сначала в санскрите, а затем в персидском языке, ибо Фридрих Шлегель еще в 1808 году в своей книге «О языке и мудрости индейцев» показал родство санскрита и по словарному составу, и в грамматическом отношении с латинским, германскими и персидским языками [3, с. 30].

В современном английском языке функционирует также заимствованное слово «**sherbet**» [ʃəːbət], являющееся исконно арабским словом, в котором оно звучит [ʃarba(t)] [1, p. 2823]. Здесь у этого слова есть два звучания. В одном случае оно произносится с конечным звуком [т], а в другом случае [т] редуцируется. Из арабского языка данное слово заимствовали персы и таджики. В персидском языке оно звучит [ʃerbet], а в таджикском - «**шарбат**». В турецком языке также употребляется данное слово в форме «**şerbet**». Это слово перешло в английский язык в форме «**sherbet**», которое звучит [ʃəːbet]. Как видно, в указанных языках арабское слово «**šarba(t)**» претерпело ряд изменений и по звучанию, и по орфографии. Во всех этих языках рассматриваемое слово обозначает напиток, приготовленный из сока фруктов, к которому либо добавляют сахар, либо употребляют без сахара.

Англичане заимствовали из арабского языка название еще одного пищевого продукта - «**šarāb**», которое означает вино, напиток или фруктовый сироп. Данное слово, прежде чем попасть в словарный фонд современного английского языка, прошло долгий путь через латынь, старофранцузский и среднеанглийский языки. В латинском языке оно имело два написания: «**siropus**» или «**sirupus**». В старофранцузском языке данное слово звучало как «**sirop**». В современном английском языке в ходе своего

исторического развития это слово изменило и свое написание, и звучание. Оно имеет два варианта орфографии: “**syrop**”, “**syrup**” [1, р. 3192], которые произносятся одинаково [sɪrəp]. Данная лексическая единица может употребляться и как глагол, и как имя существительное.

Следует отметить, что первично это слово употреблялось в значении жидкости, содержащей алкоголь, то есть в значении вина. Постепенно данное значение ушло на задний план и слово стало обозначать густую сладкую жидкость, особую смесь воды, сахара и фруктового сока. Данная жидкость содержит некое химическое усладительное вещество. Это слово функционирует и в современном таджикском языке, но уже в форме «**шарбат**», «**шира**». Оно, очевидно, проникло в таджикский язык непосредственно из арабского языка, прежде чем его заимствовали англичане.

Персидско-таджикское слово «**гулоб**» употребляется и в современном английском языке. Данное слово является исконно персидским, в котором оно звучит как [gula:b]. Из персидского языка оно перешло в арабский язык, в котором звучит как [djula:b]. Из арабского языка «**гулоб**» проникло в латинский язык в форме “**julapium**”. Из латыни данное слово проникло в старофранцузский язык, из которого его заимствовал среднеанглийский язык [1, р. 1461]. Таджикское слово «**гулоб**» в своем многовековом пути из персидского в английский значительно изменило своё звучание и орфографию. Из исходной формы в английском языке сохранился элемент [ula:], звук [g] перешел в звук [ʤ], звук [b] был оглушен до [p]. В результате в современном английском языке установилась форма “**julep**”, которая звучит как [ʤu:lep]. Однако исходное значение данного слова осталось неизменным. В персидском языке эта лексическая единица образовалась из двух корней: [gul] +[a:b], что означает «розовая вода». Оно означает сладкий напиток, который является целебным и используется в качестве мягкого стимулятора. В английском языке данное слово приобрело еще одно значение – смесь коньяка или спиртовой смеси с сахаром, льдом и каким-либо ароматизатором.

Известное всем слово «**лимон**» является исконно арабской лексической единицей. В арабском языке оно имеет два варианта произношения: “**limūn**”, “**laymūn**” [1, р. 1564]. Данное слово было заимствовано из арабского языка английским языком через латинский, итальянский, португальский, испанский и старофранцузский языки. В этих языках это слово имеет видоизмененные варианты произношения. В частности, оно произносилось в латыни **limo** или **limon**, а в итальянском – **limone**, в португальском – **limão**, в испанском – **limón**, а в старофранцузском языке – **limon**. В английском же языке оно пишется **lemon**, а произносится [lemən] и употребляется в четырех значениях:

- 1) бледно-желтый кислый фрукт;
- 2) дерево, которое приносит данный фрукт;
- 3) как определительное слово для выражения спецификации любых других деревьев, дающих желтый фрукт наподобие лимона;
- 4) в значении бледно-желтоватого цвета наподобие лимона.

Кроме этих значений, слово “**lemon**” может употребляться в коннотативном значении для обозначения цвета лица или предмета. Оно иногда может употребляться как сленг или служит для обозначения напитков типа лимонада, ввиду того что они ароматизируются лимоном.

Нам представляется, что данное арабское слово заимствовано не только английским и другими вышеуказанными языками, но проникло и во многие другие

языки мира. Оно встречается и в русском, и в узбекском, и в таджикском, и в турецком, и в других языках.

Английский язык заимствовал из арабского через испанский язык также и слово **“lime”** [laɪm] [1, p. 1591]. В арабском и испанском языках оно звучит одинаково: [lima]. Однако в арабском языке звук [i] произносится длиннее. В английском языке несколько изменилось и написание, и произношение этого слова. Данная лексическая единица в английском языке употребляется в трех значениях:

- 1) для обозначения круглого цитрусового фрукта, который меньше и зеленее, чем лимон, и является более кислым. Одновременно этим словом называют дерево, приносящее данный фрукт;
- 2) в составе сложного слова **“lime-green”** для обозначения зеленого цвета, подобного цвету этого фрукта;
- 3) в сложном слове **“lime-juice”** рассматриваемое слово служит для обозначения сока из этого фрукта.

В английском языке функционирует также исконно английское омонимичное слово **“lime”** [laɪm] для обозначения любого вещества, которое служит для склеивания предметов [1, p. 1590]. Например: клей, паста и т.п. Поэтому не следует путать эти два омонимичных слова.

В современном английском языке встречается слово **“orange”** [ɔːrɪndʒ]. Данное слово восходит к санскритскому **nāraṅga**, которое перешло в персидский язык в форме **“nārang”** [2, p. 2013]. Арабы заимствовали данное слово из персидского языка в форме **“nāranj”**. В старофранцузском периоде французы заимствовали это слово из арабского языка в форме **“orenge”**. В свою очередь, в среднеанглийском периоде данное заимствованное древнефранцузским языком слово **“orenge”** проникло в английский язык, где оно несколько изменило своё произношение и написание. В современном английском языке оно употребляется в семи значениях:

- 1) большой круглый цитрусовый фрукт, состоящий из частей, покрытых красно-желтой кожурой;
- 2) дерево, приносящее данный фрукт;
- 3) 10 – фунтовая монета;
- 4) в значении цвета между красным и желтым;
- 5) разновидность яблони или груши с красновато-жёлтыми цветами;
- 6) как определительное слово для обозначения различных деревьев, которые похожи на дерево апельсина по цвету и по фрукту;
- 7) мягкий прохладительный напиток с апельсиновым соком или ароматом.

В английском языке функционирует всемирно известное слово **“coffee”** [kɒfi], которое является исконно арабским, где оно звучит как **“kahwa”**. Оно проникло в словарный фонд английского языка через турецкий язык, в котором оно звучит **“kahve”** [1, p. 433]. В русском языке оно получило форму **«кофе»**, которая является транслитерацией из английского языка. Данное слово употребляется в современном английском языке в четырех значениях:

- 1) напиток, приготовленный путем размешивания жареного или молотого зерна с водой;
- 2) бобы вечнозеленого дерева - кустарника, которое растет в тропиках или субтропиках;
- 3) растение, от которого получают бобы;
- 4) светло-коричневый цвет белого кофе.

Данное арабское слово, очевидно, заимствовано не только английским, русским, таджикским, тюркскими, но также и многими другими языками мира.

В современном английском языке функционирует слово **aubergine** [oubə'ɪ:n], которое восходит к санскриту, где оно звучало как **“vātingana”**. Из санскрита данное слово перешло в персидский язык, в котором у него имеется два варианта звучания – **bādingān** или **bādinjān** [1, p. 146]. Из персидского языка его заимствовали арабы, которые добавили к персидской основе определенный артикль **“al-”**. В результате оно получило форму **“al- bādinjan”**. Из арабского языка это слово перешло в каталонский диалект французского языка, в котором оно звучит как **“alberginia”**. Англичане заимствовали это слово из французского языка. В современном английском языке оно употребляется и как имя существительное, и как имя прилагательное. Как имя существительное оно обозначает овощ огородного растения, дающего фиолетовый плод. В качестве имени прилагательного оно обозначает название цвета, подобного цвету баклажана.

Арабское слово **“al-karšūf(a)”** функционирует и в современном английском языке. Оно перешло через два языка в английский язык в форме **artichoke** [a:titʃouk]. Сначала оно проникло в староиспанский язык в форме **alcarchofa**, затем - в итальянский, в котором оно имело две формы: **“articiocco”** и **“articioco”**. В современном английском языке оно употребляется как имя существительное в двух значениях:

- 1) растение из семейства гибридных;
- 2) нижняя мясистая часть этого растения, которая используется в пищу.

В Оксфордском словаре [2, p. 873] имеется словарная статья, посвященная слову **«pilaf»**, которое имеет два варианта правописания:

- 1) «pilaf», которое в Англии произносится [ˈpi:ləf], а в Америке [piˈlɑ:f]; 2) «pilau», которое читается [ˈpi:lau].

Согласно этому словарю, данная лексическая единица обозначает восточное кушанье, приготовленное из риса, овощей и специй, часто с мясом или рыбой. В другом, более кратком Оксфордском словаре [1, p. 2209] даётся 4 варианта орфографии этого слова с 5 вариантами произношения:

- 1) pilau [piˈlau], [ˈpi:lau]
- 2) pilaf [piˈlɑ:f]
- 3) pilaw [piˈlɔ:]
- 4) pulao [pəˈlau]

Здесь говорится, что это слово в тюркском языке пишется **“pilav”** и обозначает пищу, приготовленную из риса. В персидском языке оно пишется **«pilow»** и обозначает вареный рис с мясом. Здесь же говорится, что плов является индийской или средневосточной пищей из риса (или, изредка, из другого зерна), приготовленной со специями и часто с рыбой, овощами и т.д.

Согласно указанному источнику [2, p. 2209], данное слово заимствовано англичанами в XVII веке из персидского языка через турецкий язык. Его можно встретить в языках урду, французском, итальянском, немецком, румынском и русском.

В словарном составе английского языка имеется слово **“pistachio”**, которое имеет три варианта правописания:

- 1) pistachio;
- 2) pistarce;
- 3) pistarhe.

У этого слова имеется два варианта произношения: 1) [pi'sta:ʃio]; 2) [pi'statʃou]. Оно функционировало также в латинском языке в форме "**pistacium**", в старофранцузском - "**pistace**", в греческом - "**pistakion**", в итальянском как "**pistacchio**" и "**pistake**", а в испанском оно пишется "**pistachio**".

Согласно словарю под редакцией Лесли Брауна [2, р. 2224], данное слово дошло до английского языка по следующим ступенькам: персидский - **pista**, греческий - **pistakion** или **pistake**, латинский - **pistacium**, итальянский - **pistacchio**, старофранцузский - **pistace**. Оно заимствовано англичанами в конце среднеанглийского периода. В современном английском языке оно употребляется в 4-х случаях:

- 1) для обозначения фисташкового дерева;
- 2) в значении фисташкового ореха;
- 3) встречается в составе сложного слова "**pistachio-green**" для обозначения цвета, подобного фисташковому ореху;
- 4) обозначает что-то фисташковое. Например: **pistachio ice-cream** – фисташковое мороженое.

Как видно, в отличие от своего исходного персидско-таджикского значения, данное слово расширило свою семантику за счет конверсии, т.е. оно употребляется не только как имя существительное, но и как имя прилагательное.

Таким образом, английский язык обогатил свой словарный фонд не только за счет слов, заимствованных из романских языков, в частности из латыни и французского, за время трехвекового господства нормандцев в Англии, но и за счет слов из других европейских языков (итальянского, французского, датского, испанского, португальского) а также из арабского, персидского или санскрита. Указанные 15 заимствований из последних трех языков относятся к разряду имен существительных, обозначающих разновидности пищи. В отдельных случаях эти субстантивные слова, подвергаясь конверсии, употребляются также для обозначения понятия признака предмета.

Слова из санскрита, персидского и арабского языков в большей или меньшей степени подверглись звуковым изменениям, что связано, очевидно, с фонетическими закономерностями английского и других языков, через которые эти слова перешли из трех восточных языков в английский язык. Однако их значения остались почти неизменными, хотя наблюдаются отдельные случаи расширения или сужения их исконной семантики. Часть из этих слов получила распространение в различных языках мира.

Главной причиной проникновения рассмотренных слов в английский и другие языки мира является, очевидно, отсутствие денотатов этих слов у других народов во времена их заимствования. Другой причиной являются торгово-экономические связи народов Западной Европы с восточными странами, такими как Индия, Иран и Аравия. Очевидно, эти слова на начальной стадии их проникновения в другие языки являлись для них экзотизмами.

Список использованной литературы:

1. Lesley Brown. *The New Shorter Oxford English Dictionary. Volume I.* Oxford University Press, 1993. –1876 c.
2. Lesley Brown. *The New Shorter Oxford English Dictionary. Volume II.* Oxford University Press, 1993. –С 1877- 3801
3. Hornby A.S. *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English.* Oxford University Press, 1995. –1430 c.

4. Кондратов Н. А. История лингвистических учений.- М.: Просвещение, 1979. –224 с.

Literature:

1. Lesley Brown. *The New Shorter Oxford English Dictionary. Volume I* Oxford University Press, 1993. – 1876 pp.
2. Lesley Brown. *The New Shorter Oxford English Dictionary. Volume II.* Oxford University Press, 1993.–pp.1877- 3801
3. Hornby A.S. *Oxford Advanced Learner's Dictionary of Current English.* Oxford University Press, 1995. –1430 pp.
4. Kondratov N.A. *History of Linguistic Tenets.* -М.: «Enlightanment», 1979. –224 pp.

УДК 80/81
ББК 81.2 -3 (Т)

О НЕКОТОРЫХ СИНОНИМАХ -
СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В
В ПОЭЗИИ ФАРЗОНЫ И
М.ЦВЕТАЕВОЙ

ABOUT SOME SYNONYMICAL NOUNS
IN THE POETRIES OF FARZONA AND
MARINA TSVETAYEVA

Мамаджанова Хилола Камолиддиновна,
аспирант Худжандского государственного
университета им. акад. Б. Гафурова
(Таджикистан, Худжанд)

Mamajanova Khilola Kamoliddinovna,
post-graduate of the first year of Khujand
State University named after academician B.
Gafurov (Tajikistan, Khujand),
E-MAIL:khilola.mamadzhanova.24@mail.ru

Ключевые слова: синонимические отношения, поэтический текст, слова с совпадающим денотатом, синонимический ряд, многозначное слово, языковые уровни, общность и различие, синонимы-существительные, парные синонимы, супплетивность

Синонимы и синонимические отношения в творчестве великой русской поэтессы Марины Цветаевой и известной таджикской поэтессы Фарзоны Худжанди являются одним из малоизученных аспектов современного языкознания. Автор после скрупулёзного анализа стихотворных фрагментов из произведений Цветаевой и Фарзоны, содержащих синонимы, выявляет общность и отличия в их поэтическом стиле при использовании синонимов. В частности, в статье отмечено, что оба автора используют не только обычные, но и парные синонимы-существительные. Общность их творений заключается не только в морфологическом и грамматическом аспекте, но и в семантическом плане, при использовании слов-синонимов с совпадающим значением. Использование синонимов поэтессами повышает выразительность их творений, позволяет избежать однообразия речи, выделяя их как самых ярких звезд на небосводе современной поэзии.

Key words: synonymical relations, poetical text, words coinciding with denotate, synonymical row, word with multiple meanings, linguistic levels, proximity and distinction, synonymical pairs of nouns, suppletivity

Synonyms and synonymical relations in the creations of the great Russian poetess Marina Tsvetayeva and the well-known Tajik poetess Farzona are ones of scantily studied aspects of modern linguistics. Proceeding from a scrupulous analysis of poetical fragments from Tsvetayeva's and Farzona's works containing synonyms the author elicits both proximity and distinction in their poetical styles in so far as synonyms are concerned. In particular, that fact is worth attention that both poetesses use not only usual synonyms, but synonymical pairs either. The proximity of their works lies not only in morphological and grammatical aspects, but in semantic plane either, it refers to the cases when synonymical words coincide in their meanings. The usage of synonyms by the poetesses elevates an expressiveness of their creations, affords to avoid dullness of language; these two women-of-letters are singled out as bright stars in the firmament of contemporary poetry.

Когда говорят о богатстве языка, то обычно как на бесспорное доказательство ссылаются на обилие и разнообразие синонимов. Когда стремятся с предельной точностью выразить свои мысли и чувства или, наоборот, намеренно скрыть их, – ищут синонимы.

Не вызывает сомнений особая значимость синонимических связей в художественном тексте. При этом важным представляется чёткое осознание того, что синонимические отношения в тексте, особенно в тексте поэтическом, отнюдь не тождественны отношениям в пределах синонимического ряда общеупотребительного языка.

В энциклопедии "Русский язык" Т. Г. Винокур определяет синонимы как "тождество или близость значений разных по звучанию единиц одного языкового уровня (слов, морфем, синтаксических конструкций) [3, с. 465]. Речь идёт о способности разных языковых единиц передавать сходное содержание.

Синонимия – это тип семантических отношений языковых единиц, заключающийся в полном или частичном совпадении их значений. В качестве единицы смыслового сопоставления лексических синонимов выступает элементарное значение слова, его лексико-семантический вариант [8, с. 446-447].

Синонимы - слова одной и той же части речи, имеющие полностью или частично совпадающие значения. Синонимы можно определить как слова с совпадающим денотатом (предметом) и различными сигнификатами (понятиями), т.е. они называют ту же вещь, но соотносят ее с разными понятиями и тем самым через называние вскрывают разные свойства данного понятия: например синонимы глаза - очи вызывают у нас разные представления об одном и том же предмете.

Группа синонимов образует синонимический ряд. В синонимическом ряду выделяется доминанта ряда – слово семантически наиболее простое, стилистически нейтральное и синтагматически наименее закрепленное, например, «высокий» (о человеке) – «рослый», «длинный» (разговорный) «долговязый» (разговорный).

Многозначное слово может входить сразу в несколько синонимических рядов. Так, слово «высокий», помимо указанного выше ряда, может входить в ряд «возвышенный», «приподнятый», «торжественный», «патетический» (книжный), если речь идёт о стиле языка, и в ряд «тонкий», «писклявый», если речь идёт о голосе [1, с.115-125].

Поскольку синонимия во всех языках представляет собой такое языковое явление, которое формируется и функционирует в постоянной динамике и украшает собой устную и письменную речь, она была исследована зарубежными и отечественными лингвистами: В.В. Виноградовым, А.Н. Гвоздевым, Е.М. Галкиной-Федорук, Р.Л. Неменовой, В.А. Звегинцевым, З.Е. Александровым, В.Н. Ключевой, Н. Маъсуми, Д.Т. Таджиевым, М.Н. Касымовой, М. Мухаммадиевым, Н. Хикматуллоевым, Д. Саймиддиновым, А. Хасановым, Г. Джураевым и др. В сопоставляемых нами таджикском и русском языках, которые относятся к близким по степени функциональности языковым системам, синонимия является достаточно богатым явлением с семантической точки зрения, с многоплановой системой лексических категорий и форм. Лексическое явление синонимии было и остается наиболее излюбленной и исследуемой темой таджикских и русских лингвистов, которые рассмотрели его в творчестве разных писателей и поэтов. К таким лингвистам относятся: Ш. Ниёзи, Б. Камолиддинов, А. Давронов, Бозори Тилавзод, О. Шарипова, В. К. Фаворин, Д. Павлов и др.

Цель статьи заключается в анализе структурно-семантических, функциональных и морфологических особенностей некоторых синонимов-существительных в стихот-

ворном творчестве Фарзоны и Марины Цветаевой. Типологическое описание синонимов, установление их основополагающих характеристик содействует обнаружению их формирования как некоторых разрядов слов с различной семантикой и стилистической окраской.

В формировании художественной структуры поэтических текстов М. Цветаевой участвуют все языковые уровни. Языковые средства, вкупе с графическими и пунктуационными, а также с инструментами стихотворного языка (ритм, метр, размер, рифма) формируют систему выразительных средств языка поэтессы [2, с. 124-125]. В отличие от поэзии Фарзоны, творчество Марины Цветаевой мало исследовано лингвистами. Можно сказать, что синонимы в ее поэзии до сих пор не изучены. А вот синонимия творчества Фарзоны исследована З.Д. Кургановым. По его утверждению, особенностью употребления синонимов в поэзии Фарзоны является то, что некоторые синонимы, приводимые другими поэтами, например Лоиком Шерали, как парные, поэтесса чаще использует в качестве отдельных синонимов. Примером таких синонимов могут служить: давр-замон (период-эпоха) (у Лоика давру замон), фарёд-гавго (крик-шум) (у Лоика фарёду гавго) [7, с. 61-75].

З.Д. Курганов в результате анализа синонимов в произведениях Фарзоны приходит к выводу, что поэтесса в необходимых случаях, опираясь на классическую литературу, употребляет группу синонимов, которые очень редко встречаются в данной функции в творчестве других литераторов [6, с.158-165]. Проведенный анализ показывает, что в употреблении синонимов Фарзона избегает однообразного и монотонного изложения мысли и прямого подражания, более того - она проявляет новаторство в процессе употребления синонимов. Данное соображение сводит на нет утверждение некоторых исследователей о том, что Фарзона не уделяет должного внимания использованию синонимов [6, с. 4].

Из анализа и сопоставления разноструктурных синонимичных слов З.Д. Курганов приходит к выводу, что самую большую часть синонимов в творчестве поэтессы составляют простые слова, вступающие в синонимические отношения: шӯъла – забона: пламя-язык (пламени); Парвардигор – Худо : Создатель - Бог; ёр - анис: друг – приятель; гунбад -равок: купол-свод; чаннат - фирдавс, хулд : эдем - райский сад - рай; нерӯ - кувва: сила - мощь; сухан -вожа - ҳарф : слово - вокабула - речь; хурӯҷ – кулла: вознесение - вершина; пайкор - пархош – разм: бой-битва-сражение [5, с. 377-384].

С целью многоаспектного отражения особенностей употребления синонимов и синонимических отношений в творчестве Фарзоны и Марины Цветаевой, нами используются избранные сочинения и сборники сочинений этих двух выдающихся поэтесс. Как известно, покоренная мелодичностью и искренностью стихов Марины Цветаевой, таджикская поэтесса Фарзона перевела несколько её поэтических творений на таджикский язык, издав соответствующий сборник.

Фарзона, подобно М. Цветаевой, сочинила первое стихотворение в шестилетнем возрасте и поразила им всех. Поэзия этих двух поэтесс полна описания жизни в деревне, творческих поисков, стиливого новаторства, ясности и простоты изложения. Особой изюминкой их поэзии является разнообразие стиля, ритма, языка и тем стихов, отражающих как заурядные события, так и духовные раздумья поэтесс. Фарзона в сборнике «Себарга» («Клевер») разместила переводы 52 стихотворений Марины Цветаевой.

И хотя анализ языка поэтических творений обеих поэтесс давно притягивает к себе внимание отечественных и зарубежных ученых, все же самые значительные и существенные проблемы и в наши дни все ещё изучаются недостаточно. К таким

проблемам относятся изучение роли и значения семантических и стилистических синонимов, специфических особенностей их поэзии. При этом исследование синонимов, особенно в стихотворстве, имеет огромное значение при раскрытии индивидуального почерка, стиля и поэтического дара авторов. В частности, таджикскими лингвистами проведено немало исследований, посвященных семантико-стилистическим особенностям поэзии классиков персидско-таджикской литературы.

Синонимия существительных в поэзии Фарзоны и Марины Цветаевой

Сравнительно-сопоставительное изучение языков привлекало интерес многих зарубежных и отечественных лингвистов. Ознакомление с их точкой зрения и выработанными ими заключениями дает потенциал для выработки определенного мнения и подходов к рассмотрению данного вопроса. Сравнимые в настоящей статье языки относятся к индоевропейской семье языков и типология их морфологических систем во многом совпадает. С данной точки зрения вполне закономерно полное или частичное совпадение проблем, связанных с классификацией частей речи и языковых явлений в этих языках. Учитывая то, что русский и таджикский языки по своим структурно-семантическим характеристикам достаточно сильно отличаются друг от друга, морфологические признаки этих языков имеют различное значение при выявлении характеристик большинства частей речи. Например, в русском языке роль морфологического пласта преобладает при определении частей речи, а в таджикском языке эти части речи определяются главным образом на основании семантических и синтаксических признаков. В статье в сопоставительном аспекте будут рассмотрены некоторые особенности синонимов-существительных в поэзии Фарзоны и М.Цветаевой.

Как известно, существительные обозначают название предметов и определяют их объектное значение. Значения существительных тесно связаны с материальным и нематериальным состоянием предметов и явлений, характеризующихся тем, что они воспринимаются в объективной действительности. Существительные являются частью речи, в которой широко применяются синонимы как наиболее приемлемое средство красочности и вариативности устной и письменной речи. Важным грамматическим признаком существительных является их сочетаемость с другими частями речи. Основные различия между существительными в поэзии Фарзоны и М.Цветаевой кроются в способах словообразования.

Что касается способов видоизменения лексического состава русского и таджикского языков, то необходимо отметить, что основное различие сопоставляемых слов-синонимов состоит в следующем: в поэзии М.Цветаевой формы существительного образуются флективно-синтетическим способом, т.е. при помощи флексии, которая комплексно выражает грамматические значения определенной лексемы. Например:

*Я женщин люблю, что в бою не робели,
Умевших и шпагу держать и копьё,
Но знаю, что только в плену колыбели
Обычное – женское - счастье моё! [9, с.34].*

Шпага – Колющее оружие с прямым длинным клинком. Спортивная шпага (в фехтовании; спортивный снаряд); перен. Вступить в открытый спор, борьбу [11, с.899].

Копье – Колющее или метательное оружие на древке. Метание копья (вид легкой атлетики). Копья ломать – спорить ожесточенно, препираться [11, с.295].

Когда я буду бабушкой-
Годов через десятичек-

Причудницей, забавницей,-

Вихрь с головы до пяточек! [9, с.128]

Причуда – странность, чудачество, каприз [11, с.603].

Забавница – шутница, весельчак, развлекать, забавлять, чудачить [11, с.197].

В приведённых выше примерах слов-синонимов «причудница-забавница» окончание - **а** является одновременно показателем грамматического рода (женского), числа (единственного), в слове «копё» окончание – **ё** показатель среднего рода, единственного числа, а в слове «шпага» такое же окончание – **а**. Для таджикского языка характерна другая форма словоизменения существительного и других именных частей речи. В нем форма образования имени существительного носит скорее не флективный, а агглютинативный характер.

В обоих языках существительное определяется прилагательными, причем в русском языке прилагательное согласуется с существительным, а в таджикском языке определяемое, в основном, связывается с помощью изафетной связки. Изафет (перс. *هافاضا ezāfe*) —грамматическая конструкция, присущая семитским, некоторым западноиранским, тюркским языкам, употребляется также в языках, испытавших влияние персидского (урду и др.). Термин происходит от арабского *إضافة 'iḍāfa*, букв. «присоединение». В персидском, дари и таджикском языках в изафетной конструкции определение следует за определяемым словом и соединяется с ним при помощи гласного классич. перс. **-i**, тадж. **-и**[8]. Такое явление свойственно и стихам Фарзоны, например:

Гар бихушкӣ ту, занг хоҳад баст,

Пайкари сарду оҳанини шаҳр...

Оҳ, Сайҳун, дили наҷибу гарм,

Дар тани шаҳри оҳанини сард [12, с.127]

Пайкар, тан, бадан, часад – тело, туловище, стан, корпус [16, с. 58].

Слова-синонимы «**пайкар** и **тан**» присоединены к определяемым словам с помощью изафетной связки **-И**, что присуще персидской семье языков.

Но в таджикском языке также могут использоваться примыкающие определения (ин макон – это место, чор ситора – четыре звезды). Это явление в поэзии Фарзоны будет рассмотрено нами глубже.

В современном русском и таджикском языках существует такая синонимическая группа имен существительных, как **семантические (идеографические) синонимы-существительные**. Эта группа синонимов различается оттенками значения, что часто встречается в поэзии Фарзоны и Марины Цветаевой:

Зи шаҳри хомӯшон касе,

*Агар **фигон** кашад манам...*

*В-агар, ки мурда **наъра**e*

Зи хондан кашад манам [12, с.234].

Фигон - афгон, фарёд, нола, зорӣ; ба фигон омадан, ба танг омадан – рыдание, плач, крик, вопль, стон, жалоба, нытье [16, с.413].

Наъра - фарёд, бонги баланд, овози ларзаовар - рёв, рык, рычание, крик, вопль [16, с.950].

Поэтесса использует в этой группе слов - синонимов слово «фигон» с наименьшим оттенком скорби, стона к наивысшей- «наъра», означающего предельность отчаяния.

А тут уже идет пример из поэзии М.Цветаевой:

На веках тень. Подобием короны

*Лежали кудри... Я сдержала **крик**:*

*Мне стало ясно в этот краткий миг,
Что пробуждают мёртвых наши стоны [17].*

Крик - громкий сильный и резкий звук голоса [11, с. 306].

Стон - протяжный звук, издаваемый при сильной боли, страдании [11, с. 770].

В данном отрывке мы наблюдаем употребление синонимов «крик, стон» Мариной Цветаевой, которыми выражает свои мысли и поэтесса Фарзона - «фигон, наъра». Здесь мы тоже сталкиваемся с семантической (идеографической) группой синонимов существительных, где слово «крик» называет громкий, сильный и резкий звук голоса, выражающий горечь, отчаяние, сокровенные чувства и мысли, а слово «стон» - протяжный звук. В этом месте, как и у Фарзоны, идет тонкое различие оттенков слов от наивысшего к наименьшему.

Данный пример показывает сходство используемых синонимов при выражении мыслей каждой из поэтесс.

Кроме того, сходство в использовании синонимов, выраженных существительными с одинаковой семантикой в поэзии Фарзоны и Марины Цветаевой, очень велико, что вызывает желание поглубже вникнуть в стилистические и лексико-семантические особенности творчества этих даровитых поэтесс, например вот строчки из наследия М.Цветаевой:

*Дома до звёзд, а небо ниже,
Земля в чаду ему близка.
В большом и радостном Париже
Всё та же тайная тоска [17].*

Здесь Мариной Цветаевой применены синонимы «до звёзд, небо», что соотносится с наиболее часто встречающимися синонимами в поэзии Фарзоны, связанными с космосом и небесными телами: «кавкаб, ситора, Кахкашон» в отрывках ее творений:

*Гаҳе дар авфи ари радифи ситораҳо,
Гаҳ дар замин фитода ба пои муҳаббатем...
Гумкардараҳ, дар ин шаби ялдо гамин мабоиш,
Мо кавкабему қутбнамои муҳаббатем [13, с. 56].*

Ситора – 1) Чирми осмоние, ки дар осмон шабона чун нуктаи дурахшоне дида мешавад, ахтар, кавкаб — звезда; перен. Предзнаменование, предсказание, судьба. 2) Шакли паррадорӣ ситорамонанд – звездообразный, имеющий форму звезды [16, с.257].

Кавкаб – ситора (кит.) – звезда, светило; Планета; перен.слезинка [16, с.601].

или же:

*Эй ҳавопаймои бебок!
Эй ту шоҳи мулки афлок.
Эй шаҳаншоҳи диёри осмонҳо!
Раҳнаварди Каҳкашонҳо [12, с.116-117]*

Афлок – ч.фалак; гардиши афлок, гузашти рӯзгор, мурури замон, кӯҳҳои сар бар афлок, кӯҳҳои ниҳоят баланд - небеса; перен. Судьба, рок, предопределение; перен. Вершина, предел, превосходство [16, с.97].

Осмон – фазои бениҳояти атрофи Замин, ки ба назар кабудранг ва гунбадшакл менамояд, сипеҳр – небо, небеса, небесная сфера; Мир, вселенная; Фортуна, судьба [16, с.35].

Кахкашон- ناشك هك нуч. маҷмӯи ситораҳои беҳисоб, ки гирди як меҳвари умумӣ давр мезананд; Роҳи Кахкашон- астр. Млечный путь [18].

Кроме обычных синонимов-существительных, у Фарзоны и М.Цветаевой часто наблюдается использование парных синонимов. Основным свойством парных синонимов в поэзии обеих поэтесс является добавление красочности и колоритности стихам, что способствует повышению культуры речи читателя, развитию вкуса и понимания слова. Другая характерная особенность употребления парных синонимов - существительных заключается в том, что они выражают те явления, признаки и действия, которые распространяют и поясняют объект. По этой причине парные синонимы в некотором отношении противопоставляются обычным синонимам в их поэзии и сохраняют свою индивидуальную специфику.

Сфера использования и функционирования парных синонимов-существительных, их динамика в условиях коммуникации и художественного оформления русского и таджикского языков определяется особенностями и активностью их компонентов и словообразующих форм. При этом в таджикском языке учитываются такие особенности парных синонимов-существительных, как значение и созвучность компонентов. Это явление мы можем увидеть в стихах Фарзоны: доруву дармон, зебу фар, шӯру афгон, чурму айбу гуноҳ, бахту давлат, шавку рағбат, базму анчуман и т.д. Все это образует условия, при которых для построения парных синонимов в сопоставляемых языках употребляются такие пути и методы, как супплетивность (**супплетивные формы** – это (от франц. Suppletif- добавочный) формы одного и того же слова, образованные от разных корней или основ. Брать-взять, много-больше, ловить-поймать и т.д.) и аналитическая (**аналитическая** (от греч. analytikos расчлененный) – это составная форма, образуемая сочетанием служебного и знаменательного слов) формы словообразования. При этом, в отличие от других видов синонимии, парные синонимы не обладают столь широкими аналитическими возможностями. К примеру, для их отображения рассмотрим синонимы, использованные в одном из произведений М.Цветаевой:

Мать: «Ни стыда, ни совести!

И в гроб пойдет пляша!»

А я –то: «На здоровьице!

Знать, в бабушку пошла!» [10, с.129].

Стыд – 1) Чувство сильного смущения от сознания предосудительности поступка, вины. 2) Позор, бесчестье, срам [11, с.760].

Совесьть – Чувство нравственной ответственности за свое поведение перед окружающими людьми, обществом [11, с.741].

В таджикском языке упомянутый способ употребления парных синонимов четко просматривается в следующем отрывке из стихов Фарзоны:

Бо ҷумла ҷурму айбу гуноҳаш боз,

Ба ишқи ту, ба ишқи ту меарзид [12, с.199].

Айб - 1) Норасой, нуксон, камбудӣ – недостаточность, нехватка, дефицит, изъян, дефект. 2) Таъна, маломат, сарзаниш – упрек, укор, порицание, осуждение, нарекание. 3) Нанг, ор, шармовар – стыд, позор, стеснение, смущение. 4) Гуноҳ, ҷурм, амали нораво – вина, грех, проступок, преступление [16, с.45].

Гуноҳ – 1) Кори бад, амали зишт, хато, таксир – недостаток, порок, ошибка, упущение, промах, погрешность, оплошность. 2) ҷиноят, ҷурм, айб – преступление, изъян, порок, недостаток. 3) Маъсият, кори номашруъ, кори хилофи шаръ, вубол – грех, прегрешение, провинность [16, с.359].

В таджикском языке существуют синонимичные сочетания «**айбу гуноҳ**», но форма «**ҷурму айбу гуноҳ**» не встречается.

Как нам известно, данные трехкомпонентные парные синонимы в вышеизложенном отрывке использованы целенаправленно, каждый в своем строю, придавая определенный семантический оттенок лирической задумке поэтессы.

В ходе исследования нами установлено, что вопросы, связанные с употреблением некоторых обычных и парных синонимов, выраженных существительными, в поэзии Фарзона и Марины Цветаевой в современном языкознании рассматриваются как стилистические средства выразительности речи. Употребление так называемых синонимов-существительных широко распространено и ярко представлено в поэзии обеих поэтесс как одно из выразительных авторских средств. Существительные являются частью речи, в которой широко применяются синонимы как наиболее выразительное средство красочности и вариативности устной и письменной речи. У обоих авторов существительные совпадают по общей семантической характеристике. Важным грамматическим признаком существительных является их сочетаемость с другими частями речи.

Поэзия, как и другие виды искусства, - явление развивающееся и не знающее покоя. Она бурно стремится вперед, обогащается.

Среди новаторов таджикской поэтической мысли Фарзона Худжанди занимает особое место. Одна из особенностей поэтического мира Фарзона, замеченная многими литературными критиками, заключается в глубоком и обширном мире поэта, созданном освоением как отечественной классики, так и современной иранской и мировой поэзии. Она испробовала свое перо во всех известных поэтических проявлениях. Содержание ее поэзии отличается редкой широтой. То, что в творческом плане имеет значение для Фарзона, - это ее постоянная заряженность поиском и созданием нового. Она в каждом сборнике стихов предлагает читателю свежий, красочный поэтический мир с новым творческим содержанием.

Марина Ивановна Цветаева - одна из самых талантливых и самых противоречивых представителей русской поэзии Серебряного века. Как и Фарзона Худжанди, она своим поэтическим взглядом с проницательностью предпочитала в своих стихах, мысленно путешествуя, изобразить внутренний мир и нечто новое. Сопоставляя синонимы из стихотворений двух поэтесс, мы пришли к выводу, что оба автора применяли синонимы-существительные, не только обычные, но и парные. Общность их творений заключается не только в морфологической, грамматической точке зрения, но и в семантическом плане, при использовании слов-синонимов с совпадающим значением. Но пока исследование, начатое нами, не дошло до своего логического завершения, мы будем стремиться дополнить и глубже исследовать эти явления, найти отличительные черты в синонимах, использованных в их поэзии. Поскольку синонимы в их творчестве повышают выразительность, позволяют избежать однообразия речи, выделяя их как самых ярких звезд на небе поэзии XX-XXI вв. А это небо густо усыпано звездами, хотя, конечно, и очень разной величины.

Список использованной литературы:

1. Апресян. Ю.Д. Лексические синонимы. Определение лексических синонимов. - М, 1985. - С. 230.
2. Аронова Л. И. Анализ стихотворения М. Цветаевой «Расстояние: версты, мили...» Язык и композиция. // Язык и композиция художественного текста. - М, 1980. - С.124-128.
3. Винокур. Т. Г. Русский язык. - М, 1997. - 465 с.

4. Даминова М.З. Сопоставительный анализ парных синонимов русского и таджикского языков: дисс.канд.наук: 10 02 20 / Даминова Мадина Зокировна. - Душанбе, 2015. – 150 с.
5. Курганов З.Д. Место лексических синонимов в поэзии Фарзоны - Хранитель сокровища предков: Сборник статей в честь 75-летия профессора Саъдулло Асадуллоева. – Худжанд, 2007. - С. 377-384.
6. Курганов З.Д. Новаторство Фарзоны в использовании синонимов.- Свет просвещения: Сборник статей в честь 50-летия доктора филологических наук, профессора Хасанова А.А. и 70-летия кандидата филологических наук, доцента Зохидова А.З. – Худжанд, 2008. - С.158-165.
7. Курганов З.Д. Особенности использования парных синонимов в поэзии Фарзоны // Учёные записки ХГУ им. академика Б. Гафурова. Серия «Общественные науки». – Худжанд, 2009. - №1. - С. 61-75.
8. Лингвистический энциклопедический словарь 1990, - С. 446-447.
9. Цветаева М. Избранные произведения. Библиотека поэта. Большая серия. –М., 1965. – 799 с.
10. Цветаева М. Стихи и поэмы. –М.: Правда, 1991.- 685 с.
11. Ожегов С.И., Н.Ю.Шведова Н.Ю., Толковый словарь русского языка. –М.: Эллис, 2005. – 940 с.
12. Фарзона. Қатрае аз Мӯлиён. Ҷилди 1. – Хучанд, 2003. - 510 с.
13. Фарзона. Қатрае аз Мӯлиён. Ҷилди 2. – Хучанд, 2003. - 472 с.
14. Фарзона. Қатрае аз Мӯлиён. Ҷилди 3. – Хучанд, 2003. - 378 с.
15. Фарзона. Себарга. – Худжанд, 2010.- 488 с.
16. Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ. Душанбе, 2010. – 950 с.

Интернет-ресурсы:

17. http://www.tsvetayeva.com/poems/v_15_let (дата обращения:21.12.2015)
18. <http://www.farhang.tj/> (дата обращения:21.12.2015)

Reference Literature:

1. Apresyan Yu. D. Lexical Synonyms. Definition of Lexical Synonyms. – М., 1985. – p. 230.
2. Aronova L.I. Analysis of Tsvetayeva's Poem «Distance: Versts, Miles...». Language and Composition. // Language and Composition of Belles-Lettres Text. – М., 1980. – pp. 124 – 128.
3. Vinokur T.G. The Russian Language. – М., 1997. – 465 pp.
4. Daminova M.Z. Correlative Analysis of Russian and Tajik Synonymical Pairs. Candidate dissertation in philology. – Dushanbe, 2015. – 150 pp.
5. Kurganov Z.D. The Place of Lexical Synonyms in Farzona's Poetry. - Custodian of Ancestors' Treasures. In the book: Collection of Articles in Honor of Professor Sadullo Asadulloyev's 75-th Anniversary. – Khujand, 2007. – pp. 377 – 384.
6. Kurganov Z. D. Farzona's Innovation in the Usage of Synonyms. – Light of Enlightenment. In the book: Collection of Articles in Honor of Dr. of Philosophy, Professor A.A. Khasanov's 50-th Anniverary and Candidate of Philology, Associate Professor A.Z. Zokhidov's 70-th Anniverasry. – Khujand, 2008. – pp. 158 – 165.
7. Kurganov Z.D. Peculiarities of the Usage of Synonymical Pairs in Farzona's Poetry // Scientific Notes of KSU named after acad. Gafurov. Series: Social Sciences. – Khujand, 2009, # 1. – pp. 61 – 75.

8. *Linguistic Encyclopaedic Dictionary*. 1990. – pp. 446 – 447.
9. *Marina Tsvetayeva. Selected works. Poet`s Library. Big series*. M., 1965. – 799 pp.
10. *Marina Tsvetayeva. Big Poems and Verses*. M., «Pravda», 1991. – 685 pp.
11. *Ozhegov S.I. and Shvedova N.Yu. Interpretation Dictionary of the Russian Language*. «Elpis», 2005. – 940 pp.
12. *Farzona. A Drop from the Muliyon. Part 1*. – Khujand, 2003. – 510 pp.
13. *Farzona. A Drop from the Muliyon. Part 2*. – 472 pp.
14. *Farzona. A Drop from the Muliyon. Part 3*. – 378 pp.
15. *Farzona. Trefoil*. – Khujand. 2010. – 488 c.
16. *Interpretation Dictionary of the Tajik Language*. – Dushanbe, 2010.- 950 c.

Internet-Resources:

17. http://www.tsvetayeva.com/poems/v_15_let (date of request: 21.12.2015)
18. <http://www.farhang.tj/> (date of request: 21.12.2015).

**10 02 22 ЯЗЫКИ НАРОДОВ ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН ЕВРОПЫ, АЗИИ, АФРИКИ,
АБОРИГЕНОВ АМЕРИКИ И АВСТРАЛИИ**

**10 02 22 LANGUAGES OF FOREIGN COUNTRIES PEOPLES OF EUROPE, ASIA,
AFRICA, NATIVES OF AMERICA AND AUSTRALIA**

УДК 343

ББК 67.022.14

**ИСТИЛОҲОТИ ҲУҚУҚИ ҚИНОЯТӢ
ВА ВИЖАГИҲОИ ОНҲО ДАР
ЗАБОНИ ТОҶИКӢ**

*Маллаева Манижа Абдугаффаровна,
унвонҷӯи кафедраи забони тоҷикии
ДДХБСТ (Тоҷикистон, Хучанд)*

**ТЕРМИНЫ УГОЛОВНОГО
ПРАВА И ИХ ОСОБЕННОСТИ В
ТАДЖИКСКОМ ЯЗЫКЕ**

*Маллаева Манижа Абдугаффаровна,
соискатель кафедры таджикского языка
Таджикского государственного
университета права, бизнеса и политики
(Таджикистан, Худжанд)*

**TERMS OF CRIMINAL LAW
AND THEIR PECULIARITIES
IN THE TAJIK LANGUAGE**

*Mallayeva Manizha Abdugafforovna,
claimant of the Tajik language department
under the Tajik State University of Law,
Business and Politics (Tajikistan, Khujand)
E-MAIL: vestnik-tsulbp@mail.ru*

Ключевые слова: термин, право, юриспруденция, Уголовный кодекс, закон, подстрекатель, наказание, участник, язык

В статье на примере терминов Уголовного кодекса Республики Таджикистан рассмотрены лексико-семантические особенности юридических терминов современного таджикского языка. Так как Уголовный кодекс Республики Таджикистан как один из основных законодательных документов имеет особое значение в определении лингвоюридических особенностей отраслевых терминов таджикского языка. Автор в результате сопоставления юридических терминов советского времени в современном таджикском языке приходит к выводу, что термины изучаемой отрасли приобрели более лаконичный, семантический, практичный и специфичный оттенок, что и определяет развитие языка.

Key words: term, law, jurisprudence, penal code, law, goader, punishment, participant, language

Proceeding from the examples of terms of the Penal Code of Tajikistan Republic, the author canvasses lexico-semantic peculiarities of juridical terms of Modern Tajik. As the Penal Code of Tajikistan Republic as one of the principal legislative documents is of an especial importance in the definition of linguo-juridical specifities of branch terms of the Tajik language, the author, designing on the premise of correlation between the juridical terms of the Soviet time and those ones of Modern Tajik, comes to the conclusion that the terms of the branch studied acquired

more laconic, semantic, practical and peculiar shades thus determining the development of the language.

Дар ҳар забон истилоҳот як қишри махсуси калимаҳоро ташкил медиҳанд ва беҳуда нест, ки онҳо яке аз сарчашмаҳои ғаномандии захираи луғавӣ маҳсуб меёбанд. Маълум аст, ки дар истифода истилоҳот хусусияти соҳавӣ касб менамоянд ва вобаста аз доираи истеъмолашон аз рӯи вақт ва фазо мустаъмал мегарданд. Масалан, бисёр истилоҳоти соҳаи ҳуқуқ вежагии оммавият доранд ва ин тақозо менамояд, ки онҳо ҳам ба мутахассисон ва ҳам ба шахрвандони оддӣ фаҳмо бошанд, зеро мардум ба истифодаи истилоҳоти ҳуқуқ ниёзмандии ҳамарӯза доранд.

Дар замони муосир оинаи инъикоскунандаи истилоҳоти ҳуқуқ кодексҳо ва қонунҳо мебошанд. Масалан, омӯзиши Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон имкон медиҳад, ки оид ба муайян намудани хусусиятҳои луғавию маъноии истилоҳоти соҳаи мазкур хулосаҳои мушаххас манзур гардад.

Бархе аз вожаҳои ҳуқуқ умумистеъмоли буда, дар ин ё он матн ҷилои истилоҳӣ мегиранд ё баръакс. Хатто ду маҳакистилоҳи ҳуқуқ вожаҳои **ҷиноят** ва **ҷазо** аз замонҳои қадим вежагии умумистеъмоли доштанд ва имрӯз ҳам дар кодексу қонунҳо тамоми мафҳуми низоми ҳуқуқ, адлу адолат, ҷинояту разолатро фарогиранд.

Адлу адолат ва бадиву ҷиноят мафҳумҳои муайянкунандаи фаъолияти инсонанд. Онҳоро низоми қонун муайян ва танзим менамояд. Қонуни ҷиноятӣ принципҳои худро дорост ва он дар моддаи сеюми «Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон» чунин омадааст: «Қонуни ҷиноятӣ ба принципҳои қонуният, баробарӣ дар назди қонун, ногузир будани ҷавобгарӣ, ҷавобгариҳои фардӣ, адолат, инсондӯстӣ ва демократизм асос меёбад» (3, с. 3). Кодекси ҷиноятӣ пеш аз ҳама бояд мафҳуми ҷиноятро муайян намояд. Бинобар он моддаи 7-и «Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон» **«Мафҳуми ҷиноят»** номгузорӣ шуда, он аз нуқтаи назари ҳуқуқшиносӣ маънидод гардидааст: 1) Кирдори (ҳаракат ё беҳаракатӣ) гунаҳгорунаи барои ҷамъият хавфноке, ки ҳамин Кодекс бо таҳдиди ҷазо манъ кардааст, ҷиноят эътироф мешавад. Таърифи мазкур собит менамояд, ки тафсири ҳуқуқӣ аз тафсири филологӣ фарқ мекунад. Фарқият пеш аз ҳама дар тасниф ва мушаххасии тафсир мебошад. Масалан, ҳамин мафҳуми ҷиноят дар «Ғиёс-ул-луғот» бо **гуноҳ кардан** (7, с. 248) баробар доништа шуда бошад, дар «Фарҳанги забони тоҷикӣ» онро «гуноҳи ҷиддӣ, ки сазовори ҷазои саҳт» (14, с. 781) муқаррар намудаанд. Дар «Луғати нимтафсилии забони адабии тоҷик» **ҷурму хаторо** ҳам ҷиноят доништаанд (1, с. 554). Дар «Фарҳанги истилоҳоти ҳуқуқ» «Танҳо кирдоре ҷиноят эътироф мешавад, ки барои ҷамъият хавфнок бошад. Ба ҷамъият хавфнок будан яке аз хусусиятҳои асосии (моддии) ҷиноят ба ҳисоб меравад» (16, с. 557). Боз як фарқи тафсири филологиро ҳуқуқӣ дар он аст, ки аз мавқеи ҳуқуқӣ танҳо кирдор ҷиноят ҳисобида мешавад. Гуноҳ бошад, яке аз ҷаҳон аломати ҷиноят маҳсуб меёбад.

Ҳаракат ё беҳаракатие, ки зоҳиран дорои аломатҳои яке аз кирдорҳо бошанду бо сабаби қамаҳамиятӣ барои ҷамъият хавфе пеш наоранд, ҷиноят ҳисобида намешаванд (3, с. 7-8). Тақрибан чунин тафсир дар «Кодекси ҷиноятии РСС Тоҷикистон» ҳам, ки соли 1961 қабул гардида буд, дида мешавад, яъне, фаҳмишу дарки филологӣ аз ҳуқуқӣ дар он кодекс ҳам будааст. Чунин гуногунфаҳмӣ ва мухталифзоҳидӣ дар кодексҳо, мутаассифона, бисёр ба назар мерасанд. Масалан, дар кодекси мазкур вожаи **далолаткунанда** ба қор рафта, чунин шарҳ ёфтааст: **далолаткунанда** шахсест, ки содир намудани ҷиноятро ташкил кардааст, ё ки ба содир намудани ҷиноят роҳбарӣ кардааст (1, моддаи 17). Аз шарҳи боло бармеояд, ки

содиркунандагони ҷиноятро бо ҷаҳор мафҳум ифода менамудаанд: **ичрокунанда, ташкилкунанда, далолаткунанда ва ёрдамчӣ**.

Калимаи **ҳамиштирок** дар «Кодекси ҷиноятии РСС Тоҷикистон» (моддаи 17) чун ифодагари маънои умумии **ичрокунанда, ташкилкунанда ва ёрдамчӣ** корбаст шудааст. Қайд кардан ҷоиз аст, ки дар кодекси номбурда дар таснифоти ҳуди ҷиноят ва истилоҳҳои ба ҷиноят марбут муносибати дигар ба назар мерасад, ки муфассалтар, ҷиддитар, мушаххастар ва табиитар ба назар мерасад. Масалан, **ҳамиштирокӣ** ва **ҳамиштирокчӣ**, ҷӣ тавре ки қайд намудем, чун намудҳои тахтуллафзии калимаҳои мураккаби пайвасти **соучастие** ва **соучастник** истифода шудаанд, ки на он қадар мувофиқанд. Бо мақсади дақиқтар ифода намудани истилоҳҳои русӣ муаллифон ва тарҷумонони кодекси ҷиноятии ЧШСТ ба ивази калимаҳои маъмули **шарик** (участник) ва **шарикӣ** (участие, соучастие), ки дар асарҳои бадеӣ ва илмӣ васеъ истифода мешуданд, истилоҳҳои тахтуллафзии навро қор фармудаанд. Аз афташ дар шакли русӣ истифода шудани пешванд ба сохтани калимаҳои нав дар забони тоҷикӣ мусоидат кардааст. Лекин муаллифони кодекси ҷиноятии ЧТ муносибатро дигар намуданд. Онҳо калимаҳои маъруфу маъмули **шарик, шарикӣ, шарикон** (ба ҷои ҳамиштирокон-соучастники)-ро ворид намуданд. Аммо иваз намудани истилоҳҳои **далолаткунанда** (подстрекатель) ва **ёрдамчӣ** (пособник) ба назари мо бахсталаб аст. Аввал ин ки тарҷумани ин истилоҳот бо тафсири кодекси ҷиноятӣ мувофиқат намекунад. Дуюм, аз нуқтаи назари забоншиносии ҳуқуқ онҳо барои ифодаи маънои лозимӣ қорношояманд. Агар мураттибони «Кодекси ҷиноятии ЧШСТ» далолаткунандаро шахси ташкилгари ҷиноят, ё роҳбари он фаҳмида бошанд, мураттибони «Кодекси ҷиноятии ЧТ» ин мафҳумро бо вожаи таҳрикунанда ифода намуда, дар банди 4-уми моддаи 36 ба таври зайл шарҳ додаанд: «Таҳрикунанда шахсе эътироф мешавад, ки шахси дигарро бо роҳи бағапдорӣ, порадиҳӣ (харидан), таҳдид ё ба тариқи дигар ба содир кардани ҷиноят моил кардааст» (3, с. 14). Аммо калимаи мураккаби тобеи **далолаткунанда** дар луғатҳои тафсирий ва дузабона ҷой дода нашудааст. Ба андешаи мо нисбат ба вожаи далолаткунанда истилоҳи **далолатгар** бештар қобили қабул аст.

Маълум аст, ки дар ҳуҷҷату санадҳои мурофиавӣ калимаи **далолат** ва ибораи масдари **далолат кардан** мустаъмал аст. **Далолат** дар «Фарҳанги забони тоҷикӣ» чунин ташреҳ ёфтааст: 1. Раҳнамоӣ, роҳ нишон додан; 2. Нишона, аломат; гувоҳӣ, шаҳодат (14, с. 317). Далолат кардан а) роҳ нишон додан, роҳнамоӣ кардан; б) ишорат кардан, далел шудан (ба ҷизе), гувоҳӣ додан (18, с. 930).

Дар «Луғати тоҷикӣ-русӣ» (1954) **далолат** чунин тарҷума шудааст: 1) доказательство; убеждение; 2) указание правильного пути, наставление на путь истинный; далолат кардан - а) служить доказательством, аргументом, говорить за что-либо; б) убеждать, делать что-либо; в) указывать правильный путь, наставлять, направлять (5, с. 114). Дар «Фарҳанги тоҷикӣ ба русӣ» иқтибоси мазкур айнан оварда шудааст (17, с. 180).

Таҳқиқи тафсири тарҷумаҳои овардашуда собит менамоянд, ки калимаи **далолат** дар забони тоҷикӣ тобиши мусбати муассирӣ дорад. Бинобар ин, калимаи далолаткунанда ё ибора бо ин калима маънову тобиши маъноии манфиро ифода карда наметавонанд.

Ноғуфта намонад, ки **далолати** забони тоҷикӣ маънои пурраи калимаи «**подстрекатель**» -и русиро ифода карда наметавонад.

Калимаи **подстрекатель** дар «Луғати тафсирии забони русӣ»-и С.И. Ожегов шарҳи мухтасару пурмӯҳтаво гирифтааст: «шахсе, ки бо иғвогарӣ машғул аст».

Калимаи **подстрекательство** (иғвогарӣ, (фитнаангезӣ) бошад, ҳамчун «бедор шудан, даъват ба рафтори оқибаташ зарарнок, хатарнок ё беадабонаву ҷиноятӣ» тафсир карда шудааст (6, с. 441). Дар Қомуси энциклопедии шӯравӣ (СЭС) ба иғвогарӣ тафсири зерин додаанд: **аз рӯи ҳуқуқи ҷиноятии шӯравӣ шакли шарикӣ дар содир шудани ҷиноят** (12, с. 1034). Мураттибони «Луғати русӣ-тоҷикӣ»-и соли 1949 ин калимаро чун иғвогар, иғводиханда, васвасақунанда, барангезанда, ба ягон кори бад ташвиққунанда, фитнагар тарҷума кардаанд (10, с. 518). Дар «Луғати русӣ-тоҷикӣ» (1985) «подстрекатель»-ро чун иғвогар, таҳриққунанда, фитнагар, балвогар, барангезанда фаҳмидаанд. Подстрекательство - иғвогарӣ, фитнаангезӣ, таҳрик, васваса, шӯр андохтан (11, с. 769). Тафсирҳо ва тарҷумаҳои овардашуда далели онанд, ки истилоҳҳои русии *подстрекательство*, *подстрекатель* ҳам дар «Кодекси ҷиноятии ҶШСТ» ва ҳам «Кодекси ҷиноятии ҚТ» нодуруст қорбааст шудаанд. Зидда аз ин, ҳуди калимаи **таҳрик**, ки аз он истилоҳи **таҳрик +қунанда** сохта шудааст, амали исмӣ аст ва кайҳост, ки дар забони тоҷикӣ калимаи арабии **мутаҳаррик** бо маънои ба қор дароранда мустаъмал аст, яъне **таҳриққунанда** ва **баҳаракатоваранда** муродифанд. Ба андешаи мо, вожаи ёрдамчӣ (пособник) бо калимаи ёвар иваз карда шавад, мафҳум бехтар ифода мегардад. Гоҳе мешавад, ки ҷинояти касе бо ягон сабабу андешае пинҳон карда шудааст ва онро дар «Кодекси ҷиноятии ҚТ» **пинҳонқунӣ** номидаанд.

Пинҳонқунӣ - калимаи умумиистеъмоли буда, тобиши манфӣ дорад. Вай аз вожаи **пинҳон** (тайный, скрытый) +асоси феълии замони ҳозираи қардан (**қун**)+пасванди калимасозии **-ӣ** сохта шудааст. Дар моддаи 18 «Кодекси ҷиноятии ҶШСТ» гуфта шудааст, ки **пинҳонқунӣ** (укрывательство)-ин «Шахсери барои пинҳон намудани ҷиноятқор, инчунин барои пинҳон намудани олат ва воситаҳои ҷиноят, осори ҷиноят ё чизҳои ҷиноятқорона ба даст овардашуда, ки ин пинҳонқунӣ пешакӣ ваъда карда нашудааст, фақат дар мавридҳои дар Қисми махсуси ҳамин Кодекс нишон додашуда ба ҷавобгарӣ кашидан мумкин аст» (2, с. 15). Моддаи 19-уми боби 3-юми «Кодекси ҷиноятии ҶШСТ», ки охири боби кодекс аст, **хабарнадиҳӣ** (недонесение) ном дорад.

Хабарнадиҳӣ калимаи мураккаби тобеъ мебошад, ки аз исми **хабар** (вести, известие)+ҳиссаҷаи инкории **на**, асоси феълии замони ҳозираи **додан**, **деҳ** +пасванди **-ӣ** сохта шуда, доираи маҳдуди истифода дорад. Вожаи мазкур дар асоси қолаби маъмули калимасозӣ сохта шуда бошад ҳам, сунъӣ менамояд, бинобар он дар байни халқ мустаъмал нест. Мардум мафҳуми зайлро бештар бо ибораи **хабар надодан** ифода менамоянд. Вале яке аз талаботи истилоҳсозӣ дар шакли калима қорбааст намудани он мебошад, шояд бинобар ҳамин муаллифон мафҳуми болоро бо як вожа ифода карда бошанд. Бояд қайд кард, ки дар таҳияи моддаҳои кодекс қоидаву талаботи ягона ғайри мавҷуд аст. Баъзе мафҳумҳо шарҳу тавзеҳ доранд, баъзеи дигарашон бе таъриф таҳия гардида, якбора моҳияти модда эзоҳ дода шудааст. Аз ҷумла дар моддаи 19, ки **Хабарнадиҳӣ** ном дорад, бидуни таъриф, намуди ҷазо муқаррар карда шудааст. Матни модда низ муғлақ ва ноқис менамояд: «Шахсе, ки тайёр шудан ё содир шудани ҷиноятро нағз доништа, дар бораи он хабар надиҳад, фақат дар мавридҳои дар Қисми махсуси ҳамин Кодекс нишондодашуда ба ҷавобгарии ҷиноятӣ кашида мешавад» (2, с. 15).

Боби чоруми «Кодекси ҷиноятии ҶШСТ» панҷ моддаро дар бар мегирад, ки ба **ҷазо** (наказание) марбут аст. Маънои луғавии калимаи **ҷазо** - подош, сазо, муқофоти неқ ба бадӣ (возмездие, расплата, наказание, кара, взыскание) аст. Ин калима умумиистеъмол, фаъл, сермаҳсул бо тобиши эҳсосотию таассуроти манфӣ мебошад.

Маънои луғавии **ҷазо** «муқофоти бадӣ, сазои қори бад ё гуноҳе; подош, музд; **ҷазои олий**, **ҷазои марғ** ҳукми қатл; **рӯзи ҷазо** а) **рӯзи** азобу машаққат, **рӯзи** сазодихӣ,

рӯзи ҳисобот барои кирдорҳои худ; б) *д*. рӯзи қиёмат, рӯзи маҳшар, рӯзи ҳисоби бандогон аз кардаи худ назди Худо; **чазо гирифта** ба чазо расидан, ба чазо маҳкум шудан; **чазо дидан** ба чазо расидан барои кори кардаи худ; **чазо додан** сазо додан барои қору кирдори бад; **чазои касеро додан** барои кирдораш ба чазо расонидан; **чазои худро дидан** ба чазои кори бади кардаи худ расидан; **чазо кашидан** чазо дидан; **ба чазо гирифта кардан** ба чазо расонидан; **ба чазои худ расидан** барои амали бад сазои худро дидан; **ба чазояш расондан** ба чазои муносибаш гирифта кардан. 2. чаримаи нақдӣ» (15, қ.2, с. 578). Дар ин боб, ки **ДАР БОРАИ ЧАЗО** номида шудааст, кодекс маъно ва мафҳуми чазо шарҳу эзоҳ дода нашоудааст, аммо дар моддаи 20 **Мақсади чазо**, дар моддаи 21 **Хелҳои чазо** тафсир ёфтаанд.

Дар моддаи 20 чазо **сазои ҷинояти содиршуда** ҳисобида шудааст. Бояд қайд кард, ки матни моддаи мазкур баъд аз нашри соли 1963 андаке таҳрир шудааст: «**Чазо на фақат барои ҷинояти содиршуда сазо мебошад**, балки мақсади чазо низ он аст, ки маҳкумшудагонро дар рӯҳи муносибати софдилона ба меҳнат, айнан иҷро намудани қонунҳо, ҳурмат намудани қоидаҳои зиндагии умумии сотсиалистӣ ислоҳ ва аз нав тарбия кунад, инчунин ҷиноятҳои нав содир кардани **чи маҳкумшудагон ва инчунин шахсони дигарро пешгирӣ кунад**» (2, с. 15-16). Дар таҳрири баъд ибораи **барои ҷинояти содиршуда сазо будан** бо ибораи **сазои ҷинояти содиршуда будан**, калимаи **инчунин** бо **чи** (*чи...чи*) иваз карда шудааст. Аз муқоиса бармеояд, ки воқеан ҳам матни аввала хеле таҳрирталаб буда, қолаби иборабандӣ ва мавриди истифодаи калима риоя нашоудааст: «**Чазо на фақат сазои ҷинояти содиршуда мебошад**, балки мақсади чазо низ он аст, ки маҳкумшудагонро дар рӯҳи муносибати софдилона ба меҳнат, айнан иҷро намудани қонунҳо, ҳурмат намудани қоидаҳои зиндагии умумии сотсиалистӣ ислоҳ ва аз нав тарбия кунад, инчунин ҷиноятҳои нав содир кардани **чи** шахсони дигарро пешгирӣ кунад» (4, с. 12). Мутаассифона, дар кодекс мафҳуми чазо эзоҳ наёфта яқбора мақсад ва хелҳои он ташреҳ ёфтаанд. Воқеан, дар нашри соли 1984 унвони моддаи 21 тағйир дода шуда, ба ҷои калимаи **хел** вожаи **намуд** истифода шудааст: хели чазо – намуди чазо. Вожаҳои мазкур дар забони тоҷикӣ гоҳе чун унсурҳои ҳаммаъно низ мустаъмаланд. Вале вожаи **хеле** дар «Ғиёс-ул-лугот» ба маънӣ ва шакли мустаъмалӣ пайдо нашуд, намуд ба гунаи **нумуд** ба маънои **аломату нишони ҷизе ва зоҳир** (8, с. 353) ҷой дода шудааст. Мураттибони «Фарҳанги забони тоҷикӣ» калимаи хелро ба хайл ҳавола дода, онро чун гурӯҳ, тоифа, ҷамоат, қавм маънидод кардаанд (15, с. 456). **Намуд** чунин шарҳ ёфтааст: «1. афт, шакл, симо, манзара; 2. намуна, тимсол (14, с. 832). Мусаннифони «Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ» вожаи **хелро** чун калимаи омонимӣ ба ду ҷудо карда маънидод намудаанд: **ХЕЛ I خيل** навъ, гуна; **хел ба хел** гуна-гуна, навъ ба навъ; **ҳамин хел** ин тавр, ин тариқ, ин гуна, ин қабил. **ХЕЛ II خيل** *ниг.* **хайл**; даста, гурӯҳ, ғӯда, тоифа, қабила (19, с. 433). Муродифи имрӯзаи он ба гунаи **намуд** ва ба маънии» 1. шакл, сурат, ба назарнамоӣ. 2. қиёфа, симо, афту андом; **намуди зоҳирӣ (берунӣ)** манзараи ба назар намоён; **ба (дар) намуд** зоҳиран, аз зоҳир, ба назар; **барои намуд** а) барои намуна, барои намоиш; б) барои зеби зоҳирӣ, барои зебо будан» (18, с. 895). Бино бар тафсири фарҳангҳо аз намуд хелҳои чазо гуфта бехтар будааст, аммо дар «Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон» низ намуди чазо қорбаст гардидааст, ҳол он ки чазо мафҳуми абстракт буда, ба назар намоён шуда наметавонад.

Умуман, маълум гардид, ки чазо хел, гуна, намуд доштааст ва яке аз онҳо ҷазои ҷиноятӣ будааст. Ҷазои ҷиноятиро қонунгузор ҳамчун ҷораи маҷбурияти давлатӣ муайян кардааст, ки аз рӯи қарори суд ба шахсони ҷиноят содиркарда истифода мекунад. Ҷазои ҷиноятӣ аз рӯи қонуни шӯравӣ меъёри худро дошт: маҳрум кардан

аз озодӣ (лишение свободы), корҳои ислохкунӣ (исправительные работы), танбеҳи ҷамъиятӣ (общественное порицание), бадарға ба ҷои муайян (ссылка), бадарға аз ҷои муайян (высылка); маҳрум кардан аз ҳуқуқи ишғол намудани вазифаҳои муайян ё ки маҳрум намудан аз ҳуқуқи машғул шудан бо фаъолияти муайян (лишение права занимать определенную должность или заниматься определенной деятельностью), ҷарима (штраф); озод кардан аз вазифа (освобождение от должности); мусодираи молу мулк (конфискация имущества) ва ғ. Шарҳи юрислингвистӣ (ҳуқуқӣ-луғавӣ)-и ҳамаи ин ҷиноятҳо аз шарҳи луғавиашон ба андозае тафовут дорад. Дар тафсири (таърифи) юрислингвистӣ ба моддаи аввал дараҷаи ҳуқуқии шахс ва мавқеи предмети мавриди муҳокима қарордошта гузошта мешавад, ки мисоли он шарҳи ҷазои ҷиноят мебошад. Баръакси «Кодекси ҷинояти ҚШСТ» дар қисми III, боби 9 дар моддаи 46 «Кодекси ҷиноятии ҚТ» «Мафҳум ва ҳадафҳои ҷазо» ҷой дода шудааст, ки гуфта мешавад: «**Ҷазо** ҷораи маҷбурии давлатӣ, ки аз рӯи қарори суд муқаррар карда мешавад». Он нисбати шахсе, ки дар содир намудани ҷиноят гунаҳгор эътироф шудааст, татбиқ гардида, аз маҳрум кардани ҳуқуқи озодиҳои шахс, ки дар ҳамин Кодекс пешбинӣ гардидаанд, иборат мебошад. Мақсади ҷазо дар банди 2 нисбат ба «Кодекси ҷинояти ҚШСТ» хеле мушаххасу возеҳтар маънидод карда шудааст: 2. Ҷазо бо мақсади барқарор намудани адолати иҷтимоӣ, ислоҳи маҳкумшуда, инчунин пешгирии содир гардидани ҷиноятҳои нав татбиқ мешавад (3, с. 19). Агар «Кодекси ҷиноятии ҚШСТ» 17 намуди ҷазоро пешбинӣ карда бошад, пас «Кодекси ҷиноятии ҚТ» 12 намуди онро зикр кардааст. Бояд қайд кард, ки фарқ на танҳо дар намуди ҷазоҳо, балки дар номгӯӣ ва таъиноти онҳо низ мебошад. Масалан, дар моддаи 21 ҳамчун намуди алоҳидаи ҷазо ҷинояткори бисёр (хеле) хавфнок ишора шудааст (моддаи 24), бадарға ба ҷои муайян ва бадарға аз ҷои муайян (моддаи 25), корҳои ислохкунӣ ба маҳрумӣ аз озодӣ (моддаи 26), озод намудан аз вазифа (моддаи 29), гузоштани ўҳадорӣ зарари расонидашударо баробар мекунад (моддаи 30), равона кардан ба муассисаҳои тарбиявӣ-меҳнатӣ ва муолиҷавӣ (моддаи 32), маҳрум кардан аз ҳуқуқҳои падару модар (моддаи 34), ки мутобиқан ба забони тоҷикӣ ҳамчун ретсидивисти махсусан хавфнок тарҷума шудааст. Бадарға ба ҷои муайян ва бадарға маҳрумӣ аз озодӣ; ҳолӣ кардан аз вазифа; Гузоштани ўҳадории баргараф намудани зарари расонидашуда; фиристодан ба профилакторияи тарбиявӣ меҳнатӣ; Маҳрум кардан аз ҳуқуқи падарию модарӣ. Дар муайян кардани (таъиноти) номгӯи намуди ҷазои ин ду моддаи кодекси ҷиноятӣ мо фарқи (намоён) назаррасро мебинем: 1. Фарқ дар номгӯи намуди ҷазо; моддаи 26 Кодекси ҷинояти ҚШСТ «Корҳои ислохкунӣ ба маҳрумӣ аз озодӣ» ном дорад; дар кодекси ҷиноятии ҚТ моддаи 52 танҳо «Корҳои ислохкунӣ» номида шудааст. 2. Интиқоли намуди ҷазоҳо аз як боб ба боби дигар (Ҷинояти такрорӣ-қисми 2. Ҷиноят. Боби 3. Мафҳум ва намудҳои ҷиноят-моддаи 21 кодекси ҷиноятии ҚТ. Ба ҷои ҷинояткори хеле хавфнок-ҷинояти такрорӣ моддаи 21 Кодекси ҷиноятии ҚТ омадааст; 3) Номгӯи намудҳо вучуд надорад (нест) (Дар кодекси ҷиноятии ҚТ нест); 4) Дар Кодекси ҷиноятии ҚТ илова карда шудааст (моддаи 53) Маҳдудият аз рӯи (тибқи) хизмати ҳарбӣ; моддаи 54 Маҳдуд кардани озодӣ, моддаи 58. Тамоми умр аз озодӣ маҳрум кардан (моддаи 25 Кодекси ҷиноятии ҚШСТ Бадарға ба ҷои муайян ва бадарға аз ҷои муайян). 9 Дар Кодекси ҷиноятии ҚШСТ ва Кодекси ҷиноятии ҚТ истилоҳи **ретсидив** истифода шудааст, ки аз латинӣ маънояш «баргаштан, такрор кардан, бозгаштан» аст. Дар Кодекси ҷиноятии ҚШСТ истилоҳи **ретсидивист** ба шарҳ истифода шудааст. Дар банди аввали моддаи 21-уми «Кодекси ҷиноятии ҚТ» калимаи **ретсидив** чунин маънидод шудааст: «Содир намудани ҷинояти қасдона аз тарафи шахсе, ки қаблан барои содир кардани ҷинояти

қасдона доғи судӣ дорад, ретсидиви ҷиноят эътироф мешавад» (3, моддаи 21). Инчунин, дар «Кодекси ҷиноятии ҚШСТ» яке аз намудҳои ҷазо **штраф** номида шудааст, ки аз забони олмонӣ гирифта шуда, маъноаш ҷазо мебошад.

Дар «Кодекси ҷиноятии ҚТ» калимаи штраф бо луғати маъмули арабиасоси **ҷарима** иваз карда шудааст, ки натиҷаи тоза кардани забони тоҷикӣ аз унсурҳои барзиёди луғавии русӣ-байналмилалӣ мебошад. **Ҷарима** шакли сохтаи калимаи арабии ҷурм (гуноҳ) аст. Дар забони тоҷикӣ нисбат ба калимаи ҷурм шакли ҷарима бештар истифода мешавад, ки умумистеъмол, серистеъмол, сермахсул буда, дорои вижагии истилоҳист. Моддаи 29 «Кодекси ҷиноятии ҚШСТ» «Холӣ кардан аз вазифа» ном дорад. Калимаи *холӣ* дар забони тоҷикӣ ҳамчун озод, фориғ фаҳмида мешавад: Тафсири вожаи холӣ дар «Фарҳанги тафсирии забони тоҷикӣ» чунин омадааст: «тиҳӣ, бекасу бечиз; муқоб. **пур**; а) тиҳӣ гардонидан, бебор кардан, бори чизро фаровардан; б) аз қору хизмат баровардан, озод кардан, бекор кардан; в) андохтан, холӣ кардан (*мас., тир*); **холӣ шудан** а) тиҳӣ шудани ҷое аз чизе; б) фориғ шудан (*аз қоре*); в) озод шудан, баромадан (19, с. 464).

Дар таркиби ибораҳои холӣ кардан; аз қор холӣ кардан дар солҳои 30-80-уми а. XX ба маънои калимаю ибораҳои русии **освобождаться, опорожняться; освобождать от работы, увольнять** истифода мешуд (5,337). Бинобар ин, мураттибони «Кодекси ҷиноятии ҚШСТ» ибораи **освобождение от должности** чун **холӣ кардан аз вазифа** тарҷума кардаанд. Аммо аз солҳои 90-уми асри XX ибораи **сабукдӯш кардан** паҳн гашт, ки луғати расмӣю адабиёт. Ҷузъи муайянқунандаи ибора **сабукдӯш** дар забони тоҷикӣ калимаи нав (неологизм) мебошад, вай аз сифати соддаи **сабук** (сабук, озод) ва исми **дӯш** (қитф, бозу) ҳамчун калимаи мураккаби тобеъ сохта шудааст. Дар усули расмӣ-қорғузурӣ бо маънои маҷозияш - озод кардан аз вазифаи ишғолнамуда истифода мешавад.

Калимаи масдари **гузоштан** дар таркиби ибораи «*Гузоштани ӯҳдадории бартараф намудани зарари расонидашуда*» (моддаи 30) бар ивази истилоҳи русии **возложение, возложить, возлагать** истифода мегашт. Дар забони адабии муосири тоҷикӣ гунаи **вогузоштан** мустаъмал аст. Дар кодексу қонун ва ҳуҷҷату асноди дигари ҳуқуқӣ чунин дигаргуниҳои луғавию маъноӣ ва сабкию баёнӣ зиёд буда, аксари онҳо мабнӣ бар «Кодекси ҳуқуқи ҷиноятӣ»-и ҚТ мебошанд. Аз ин лиҳоз, таҳқиқу омӯзиши вижаҳои луғавию услубии сарчашмаи мазкур аҳамияти илмӣю амалӣ дорад.

Пайнавишт:

1. Айни С. Қуллӣёт. Ҷ.12.- Душанбе: Ирфон, 1976. - 563 с.
2. Кодекси ҷиноятии РСС Тоҷикистон. - Душанбе: НДТ, 1963.- 179 с.
3. Кодекси ҷиноятии Ҷумҳурии Тоҷикистон. - Душанбе: Қонуният, 2008. - 410 с.
4. Кодексо: Кодекси ҷиноятии РСС Тоҷикистон; Кодекси протсессуалии ҷиноятии РСС Тоҷикистон; Кодекси ислоҳи меҳнати РСС Тоҷикистон. - Душанбе: Ирфон, 1984.- 458 с.
5. Луғати тоҷикӣ- русӣ.- М.:СЭ, 1954. -694 с.
6. Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М: Русский язык, 1987.- 749 с.
7. Ромтӯрӣ Муҳаммад Ғиёсиддин Ғиёс-ул-лугот, Ҷ.1.-Душанбе: Адиб. 1987. – 480 с.
8. Ромтӯрӣ Муҳаммад Ғиёсиддин Ғиёс-ул-лугот, Ҷ.2.-Душанбе: Адиб. 1988. – 480 с.
9. Русско-персидский словарь.-М.: Русский язык, 1986.- 614 с.
10. Русско-таджикский словарь (Под редакцией А. П. Деҳотӣ и Н. Н. Еришова).- Москва-Сталинобод, 1949. – 880 с.
11. Русско-таджикский словарь.-М.: Русский язык.-1985. – 964 с.

12. Советский энциклопедический словарь.-М.:СЭ,1986. – 1462 с.
13. Суперанская А. В. Терминология и номенклатура // Проблематика определений терминов в словарях разных типов.- Ленинград, 1976.- С. 68-74.
14. Фарҳанги забони тоҷикӣ. Ҷ.1. - М.: СЭ, 1969.-951 с.
15. Фарҳанги забони тоҷикӣ. Ҷ.2. – М.: СЭ, 1969.- 952 с.
16. Фарҳанги истилоҳоти ҳуқуқ. - Душанбе:ЭР-граф, 2009. - 620 с.
17. Фарҳанги тоҷикӣ ба русӣ.-Душанбе: Шарқи озод, 2006. – 746 с.
18. Фарҳанги тафсири забони тоҷикӣ. Ҷ.1 - Душанбе: Шарқи озод, 2008. - 950 с.
19. Фарҳанги тафсири забони тоҷикӣ. Ҷ.2-Душанбе: Шарқи озод, 2008. - 945 с.

Reference Literature:

1. Ayni S. Collection of Compositions. V. 12. - Dushanbe: Cognition, 1976. – 563 pp.
2. The Penal Code of the Tajik SSR. - Dushanbe: NDT, 1963. – 179 pp.
3. The Penal Code of Tajikistan Republic. - Dushanbe: Legislativity. 2008. – 410 pp.
4. Codes: Penal Code of the Tajik SSR; Procedural-Criminal Code of the Tajik SSR; Corrective Labour Code of the Tajik SSR. - Dushanbe: Cognition, 1984. – 458 pp.
5. Tajik-Russian Dictionary. – М.: Soviet Encyclopedia. – М.: Russian Language, 1954. – 694 pp.
6. Ozhegov S.I. The Dictionary of the Russian Language. – М.: Russian Language, 1987. – 749 pp.
7. Rompuri Mukhammad Ghiyosiddin. Ghiyos` Dictionary. V.1. - Dushanbe: Man-of-Letters, 1987. – 480 pp.
8. Ibidem. V.2. 1988. – 480 pp.
9. Russian-Persian Dictionary. – М.: Russian Language, 1986. – 614 pp.
10. Russian-Tajik Dictionary (under the editorship of A.P. Dekhoti and N.N. Yershov). – Moscow – Stalinabad, 1949. – 880 pp.
11. Russian-Tajik Dictionary. – М.: Russian Language. – 1985. – 964 pp.
12. Soviet Encyclopedic Dictionary. – М.: Soviet Encyclopedia. 1986. – 1462 pp.
13. Superanskaya A.V. Terminology and Nomenclature // Problematics of Definition of Terms in Different Types of Dictionaries. – Leningrad, 1976. – pp. 68 – 74.
14. Interpretation Dictionary of the Tajik Language. V. 1. – М.: Soviet Encyclopedia. 1969. – 951 pp.
15. Interpretation Dictionary of the Tajik Language. V. 2. – М.: Soviet Encyclopedia. 1969. – 952 pp.
16. Dictionary of Juridical Terms. - Dushanbe: ER-graph, 2009. – 620 pp.
17. Tajik-Russian Dictionary. - Dushanbe: Free East , 2006. – 746 pp.
18. Interpretation Dictionary of the Tajik Language. V.1. - Dushanbe: Free East, 2008. – 950 pp.
19. Interpretation Dictionary of the Tajik Language. V.2. - Dushanbe: Free East, 2008. – 945 pp.

МУНДАРИЧА СОДЕРЖАНИЕ

07 00 00 ИЛМҲОИ ТАЪРИХ ВА АРХЕОЛОГИЯ 07 00 00 ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ И АРХЕОЛОГИЯ

07 00 02 Отечественная история	5
<i>Исамитдинов Ж.Б., Мухаммадиев И.С. Деятельность прокуратуры по надзору за оказанием помощи фронту и семьям фронтовиков в Таджикистане в годы ВОВ (1941-1945 гг.)</i>	5
<i>Касымова М. Стрельба из лука в визуальных источниках культуры иранских народов</i>	13
<i>Умарова М.С. К истории комплектования, сохранности и использования книжных фондов библиотек Согдийской области в 1970-1990 гг.</i>	20
<i>Сохибназаров М.Д. Из истории изучения золота и золотых изделий Центральной Азии в XVIII – начале XX вв.</i>	29
<i>Бахадурова Ф. Ш. Меры по дальнейшему развитию колхозного строя и организационно-хозяйственному укреплению колхозов северных районов Таджикистана в послевоенные годы</i>	39
<i>Солиходжаева С. А. К вопросу об историографии внешней политики Республики Таджикистан</i>	52
<i>Назаров Д.А. Заволёбии сулолаи Сафавиён ва ба сари ҳокимият омадани Нодиршоҳи Афшор</i>	60

09 00 00 ИЛМҲОИ ФАЛСАФА 09 00 00 ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

09 00 03 История философии	67
<i>Атоев А.М. Культурное пространство мировоззренческих идей «Шахнаме» Абулкаси́ма Фирдоуси</i>	67
09 00 11 Социальная философия	73
<i>Бузургмехр А. Переосмысление парадигмы исследования социальных противоречий в современных социально-философских концепциях (в контексте теории социальной системы Н. Лумана)</i>	73

10 00 00 ИЛМҲОИ ФИЛОЛОГИЯ 10 00 00 ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

10 01 03 Литература народов стран зарубежья	81
<i>Мирзоев С. Табақабандии мавзӯии осори насрии Соинуддини Хуҷандӣ</i>	81
<i>Аҳророва Г.У. Инъикоси симои зан дар «Бӯстон»-и Саъдии Шерозӣ</i>	93
<i>Раҳматова Д.А. Вижагиҳои корбасти калимоти мураккаб дар ашъори Нақибхони Туграл</i>	99
<i>Охунҷонова Н.Р. Баъзе аз масоили татаббуъ ва назирагӣ дар доираи адабии Хуҷанд</i>	105
10 02 20 Сравнительно- историческое, типологическое и сопоставительное языкознание ..	112
<i>Орипова М.Х. К вопросу об исследовании фразеологических единиц, выражающих эмоции человека, в разнотипных языках</i>	112
<i>Мирсаминова Г. М. Индоиранские и арабские заимствования в английском языке</i>	120
<i>Мамаджанова Х. К. О некоторых синонимах - существительных в поэзии Фарзаны и М.Цветаевой</i>	128
10 02 22 Языки народов зарубежных стран Европы, Азии Африки, аборигенов Америки и Австралии	138
<i>Маллаева М.А. Истилоҳоти ҳуқуқи ҷиноятӣ ва вижагиҳои онҳо дар забони тоҷикӣ</i>	138

CONTENTS

07 00 00 HISTORICAL SCIENCES and ARCHEOLOGY

07 00 02 Home History	5
<i>Isamitdinov Zh. B., Mukhammadiyev I. S. Procurator`s Office Activity Concerned with Surveillance over Rendering Help to Front and Families of War Participants in Tajikistan in the Years of the Great Patriotic War (1941 – 1945)</i>	5
<i>Kasymova M. Archery in Visual Sources of the Iranian Peoples` Cultures</i>	13
<i>Umarova M. S. On the History of Formation, Preservation and Usage of Book Funds of Sughd Viloyat Libraries for the Period of 1970 – 1990</i>	20
<i>Sohibnazarov M.D. From the History of the Studies Related to Gold and Gold Wares of Central Asia Referring to the Period of the XVIII-th – the Beginning of the XX-th Centuries</i>	29
<i>Bahodurova F. Sh. Measures Concerned with Further Development of Collective-Farm Frameworks and Economic-Organizing Collective-Farms Consolidation in Northern Districts of Tajikistan in post-War Years</i>	39
<i>Solikhoyayeva S.A. To the Issue of the Historiography of Foreign Policy of Tajikistan Republic</i>	52
<i>Nazarov D. A. Decline of Sefevids` Dynasty and Rising to Power of Nodirshokhi Afshor</i>	60

09 00 00 PHILOSOPHICAL SCIENCES

09 00 03 History of philosophy	67
<i>Atoyev A. M. Cultural Space of Outlook Ideas in «Shakhname» by Abulkosim Firdavsi</i>	67
09 00 11 Social Philosophy	73
<i>Buzurgmekhr A. Recomprehension of Research Paradigm in Reference to Social Contradictions in Modern Social-Philosophical Conceptions (in the context of N. Luman`s social system)</i>	73

10 00 00 PHILOLOGICAL SCIENCES

10 01 03 Literature of foreign countries peoples	81
<i>Mirzoyev S. Thematic Classification of Soinuddin Khujandi`s Prosaic Heritage</i>	81
<i>Ahrorova G. U. Reflection of Woman`s Image in Mesnevi «Buston» by Saadi Sherozi</i>	93
<i>Rahmatova D. A. The Peculiarities of Usage of Compound Words in Naqibkhon Tughral`s Poems</i>	99
<i>Okhunjohnova N. R. Some Issues Concerned with Composition of Tatabbu and Nazira in Khukand Literary Circle</i>	105
10 02 20 Comparative-historical, typological and correlative linguistics	112
<i>Oripova M. H. To the Issue of Researching Phraseological Units Expressing Emotions of Man in Languages of Different Structures</i>	112
<i>Mirsaminova G. M. Indo-Iranian and Arabic Borrowings into the English Language</i>	120
<i>Mamajanova Kh.K. About some Synonymical Nouns in the Poetries of Farzona and Marina Tsvetayeva</i>	128
10 02 22 Languages of foreign countries peoples of Europe, Asia, Africa, natives of America and Australia	138
<i>Mallayeva M. A. Terms of Criminal Law and their Peculiarities in the Tajik Language</i>	138

БАРОИ ИТТИЛОЪ:

Маҷаллаи «Ахбори ДДХБСТ» нашрияи илмӣ-назариявии Донишгоҳи давлатии ҳуқуқ, бизнес ва сиёсати Тоҷикистон буда, аз силсилаи илмҳои ҷомеашиносӣ ва гуманитарӣ иборат мебошад ва тибқи «Қонун дар бораи матбуот ва воситаҳои ахбори умум» ба нашр омода мешавад.

Аҳдофи маҷаллаи илмӣ тақризишавандаи «Ахбори ДДХБСТ. Силсилаи илмҳои гуманитарӣ»

- инъикоси саривақтии натиҷаҳои фаъолияти тадқиқотии олимони ҚТ, ҳамчунин олимони мамолики хориҷаи наздику дур тибқи соҳаҳои зерини илм: улуми таърихшиносӣ, улуми фалсафа, улуми филология;
- инкишофи ҳамкориҳои байналхалқӣ дар соҳаи таърихшиносӣ, фалсафа ва филология;
- ба муҳаққиқон фароҳам сохтани имкони наشري натиҷаҳои ҷустуҷӯҳои илмӣ;
- инъикоси масоили мубрам ва самтҳои ояндадори улуми таърихшиносӣ, фалсафа ва филология;
- ҷустуҷӯи донишҳои нав барои рушди иҷтимоию иқтисодии ҚТ умуман ва минтақаҳои он;
- тарғиби дастовардҳои фаъолияти илмӣ тадқиқотии олимони ДДХБСТ, ҳамчунин олимони донишгоҳҳои дигар ва муассисаҳои маорифу илми ҚТ.

Шартҳои наشري мақола дар маҷаллаи «Ахбори ДДХБСТ. Силсилаи илмҳои гуманитарӣ»

- ҳайъати таҳрири маҷалла мақолаҳои илмӣ, тақризҳо, обзорҳои илмӣ қаблан дар нашрияҳои ҷопию электронӣ нашрнашударо барои баррасию нашр қабул мекунад, ки ғояҳои илмӣ, натиҷаҳои дастовардҳои тадқиқоти бунёдии назарӣ амалиро оид ба соҳаҳои дониш дар улуми таърихшиносӣ, фалсафа ва филология дарбар гиранд;
- қарор дар бораи нашр ё радди нашр дар асоси муҳимият, навоҷарӣ ва аҳамияти илмӣ маводи пешниҳодгардида қабул карда мешавад;
- муаллиф (ҳаммуаллиф) масъулияти саҳеҳии иттилооти илмӣ пешниҳодгардида ва ҳамаи додаҳои, ки мақола, обзорҳо ва тақризҳо дар бар мегиранд, ба зимма доранд;
- ҳамаи маводи ба идораи маҷалла омада ҳатман дар сомонаи antiplagiat.ru мавриди тафтиш қарор мегиранд, сипас ҳайати таҳрир муаллиф (ҳаммуаллиф)-ро дар бораи натиҷаи арзёбии дастнавис ва ба тақризи минбаъда қабул шудани мавод ё радди пешниҳоди он ба тақриз огоҳ мекунад;
- мақола, обзор ва тақризҳои ба идора омада дар сурати ҷавоби мусбат баъди тафтиш дар сомонаи antiplagiat.ru ба мақсади арзёбии онҳо аз ҷониби мутахассисони пешбари соҳаҳои дахлдори илм ба тақризи дохилӣ ирсол мегарданд;
- мақолаҳои ба тақризи дохилӣ пешкашшуда бояд пурра тибқи талаботе, ки дар сомонаи маҷалла: www.vestnik.tj зикр гардидаанд, таҳия карда шаванд;
- агар дар тақриз оид ба ислоҳу такмили мақола тавсияҳо пешниҳод шуда бошанд, ба муаллиф эроду мулоҳизаҳои муқарриз (бе сабти ному насаби ӯ) барои такмилу ислоҳи мавод ирсол мешавад;
- муаллиф маводи такмилдодаро ба идораи маҷалла мефиристад ва идора онро якҷоя бо ҷавоби муаллиф тибқи ҳар моддаи эродҳо ба тақризи тақрорӣ мефиристад.
- ҳайати таҳрир ба таҳрири мақола бидуни тағйир додани мӯҳтавои илмӣ он ҳақ дорад. Ҳамаҳои имлоию услубиро мусахҳеҳ бидуни мувофиқа бо муаллиф (ҳаммуаллиф) ислоҳ мекунад. Дар мавридҳои зарурӣ ислоҳҳо бо муаллиф (ҳаммуаллиф) мувофиқа карда мешавад;
- варианти барои такмил ба муаллиф (ҳаммуаллиф) фиристода бояд дар мӯҳлати муқарраргардида, баъди ворид сохтани ислоҳу тағйирот дар намудҳои электронӣ ва ҷопӣ ба идора баргардонда шавад;
- мақолаҳое, ки ба ҷоп қабул нашудаанд, ба муаллиф (ҳаммуаллиф) баргардонда намешаванд. Дар мавриди радди ҷопи мавод идораи маҷалла ба муаллиф (ҳаммуаллиф) раддияи муқарраршуда ирсол мекунад;
- тибқи дархости шӯроҳои коршиносии КОА ВМИФР идораи маҷалла ба онҳо тақризхоро пешниҳод мекунад.

Талабот ба таҳияи мақолаҳо (обзорҳо, тақризҳо), ки ба маҷаллаи илмӣ назариявии «Ахбори Донишгоҳи давлатии ҳуқуқ, бизнес ва сиёсати Тоҷикистон. Силсилаи илмҳои гуманитарӣ» барои ҷоп ирсол мегарданд

1. Барои ҷойгир кардан дар маҷалла мақола, тақриз ва обзорҳои илмӣ тибқи ихтисосҳои илмӣ **07 00 00 – илмҳои таърих ва археология; 09 00 00 илмҳои фалсафа; 10 00 00 илмҳои филология**, ки қаблан дар ҳеч ҷой ҷоп нашудаанд, қабул мегарданд.

2. Муаллифони ба идораи маҷалла ҳатман бояд ҳуҷҷатҳои зеринро пешниҳод кунанд:

- матни мақола ба забонҳои русӣ ва англисӣ (ҳатталимкон бо тарҷумои русӣ) ё забони тоҷикӣ, ки дар гунаи ҷопии он муаллиф (ҳаммуаллифони) имзо гузоштаанд;
- тақризи доктор ё номзади илм, ки ба он шӯъбаи кадрҳои ҷои кори муқарриз мӯҳр гузоштааст;
- маълумотнома аз ҷои таҳсил (барои аспирантҳои магистрантҳо)
- гунаи ҷопии ҳуҷҷатҳо ба идора ба суроғи зерин ирсол мешавад: 735700, ҶТ, вилояти Суғд, ш. Хучанд, микроноҳияи 17, бинои 1, ДДХБСТ, бинои асосӣ, утқи 307

Гунаи электронии мақола ба почтаи электронии info@vestnik.tj; vestnik-tsulbp@mail.ru ирсол мешавад. Телефон барои маълумот: 8 (3422) 2-05-63; суроғи сомона www.vestnik.tj

Тибқи талаботи КОА ВМИ ФР мақола бояд унсурҳои зеринро дарбар гирад:

- индекси УДК (дар аввали мақола дар шакли сатри алоҳида, дар тарафи чап гузошта мешавад);
- индекси ББК (дар аввали мақола дар шакли сатри алоҳида, дар тарафи чап гузошта мешавад);
- ному насаби пурраи муаллиф (ҳаммуаллифони) ба забонҳои русӣ англисӣ ё тоҷикӣ, русӣ ва англисӣ;
- унвони илмӣ, дараҷаи илмӣ муаллиф (ҳаммуаллифони), ном ва рамзи ихтисоси илмӣ (тибқи номгӯӣ), ки тадқиқот тибқи он сурат мегирад, ба забонҳои русӣ англисӣ ё тоҷикӣ, русӣ ва англисӣ;
- аспирантон унвонҷӯён, муаллифони, докторантҳои номи кафедра ва муассисаи илмиро (магистрантҳои – самти тайёриро) ба забонҳои русӣ англисӣ ё тоҷикию русӣ англисӣ зикр мекунанд;
- зикри мансаб, ҷои кор, шахру мамлакат ба забонҳои русӣ англисӣ ё тоҷикию русӣ англисӣ;
- e-mail;
- номи мақола ба забонҳои русӣ англисӣ, ё тоҷикию русӣ англисӣ (бо ҳарфҳои калон, ҳуруфи Times New Roman 14 ё Times New Roman TJ 14, тароз дар марказ);
- ҷакида ба забонҳои русӣ англисӣ (ҳуруфи Times New Roman), аз 100 то 250 вожа бо сабти мақсаду вазифаи таҳқиқ, баёни мухтасари кор ва хулосаҳои асосие, ки навоари илмӣ корро дар бар мегирад;
- вожаҳои калидӣ ба забонҳои русӣ англисӣ оварда мешаванд (5-7 калима ё ибора, ки ду ё се вожаро дарбар мегирад; ҳуруфи Times New Roman 14, тарҳаш – курсив, тароз дар бар, вожаҳои ё ибораҳои калидӣ бо вергул аз ҳам ҷудо карда мешаванд);
- ба мақола ҳатман номгӯи маохизи мавриди истифода бо зикри танҳо сарчашмаҳои иқтибосгардида замида мешавад; Рӯйхати адабиёт дар охири мақола бо назардошти саҳифаи умумии сарчашмаи истифодашуда навишта мешавад. Ҳангоми навиштани рӯйхати мазкур тартиби ҳуруфи алифбо ва талаботи ГОСТ бояд риоя шавад;
- иқтибосҳо дар қавсӣ бо қайди рақами адабиёт аз рӯи рӯйхати сарчашмаҳо ва саҳифаи он бояд ишора шаванд;
- матни мақолаи пешниҳодшаванда нусхаи ниҳой махсус шуда, бояд пурра аз назари таҳрир гузаронида шавад ва аз ғалат тоза бошад.

Мақолаҳое, ки ба идораи маҷалла бо нақзи талаботи мазкур ирсол мегарданд, мавриди баррасӣ қарор намегиранд.

Масъулияти салоҳият, боэътимодии аснод ва мӯҳтавои мақолот бар дӯши муаллифони ва муқарризон мебошад

Идораи маҷалла

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

«Вестник ТГУПБП» - научно-теоретический журнал Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики, публикующий материалы серии общественных и гуманитарных наук, издаётся согласно закону Республики Таджикистан «О печати и средствах массовой информации».

Целями научного рецензированного журнала «Вестник ТГУПБП. Серия гуманитарных наук» являются:

- оперативное освещение результатов исследовательской деятельности учёных Республики Таджикистан, а также учёных стран ближнего и дальнего зарубежья по следующим отраслям науки: филологические науки, исторические науки и археология, философские науки;
- развитие международного сотрудничества в сфере языкознания, литературоведения, истории и археологии, философии;
- предоставление возможности исследователям публиковать результаты научных изысканий;
- освещение актуальных проблем и перспективных направлений филологических, исторических и философских наук;
- поиск новых знаний для духовного и социального развития населения Республики Таджикистан в целом и её регионов;
- пропаганда достижений научно-исследовательской деятельности учёных Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики, а также исследователей других вузов и учреждений образования и науки Республики Таджикистан.

Условия публикации статей в журнале «Вестник ТГУПБП. Серия гуманитарных наук»:

- редакционная коллегия журнала принимает для рассмотрения и публикации ранее не опубликованные в печатных и электронных изданиях научные статьи, рецензии, научные обзоры, отзывы, содержащие научные идеи, результаты и достижения фундаментальных теоретических и прикладных исследований по следующим отраслям знания: филологические науки, исторические науки и археология, философские науки;
- решение о публикации или об отказе в публикации принимается на основе актуальности, новизны и научной значимости представленных материалов;
- авторы (соавторы) несут всю полноту ответственности за достоверность представляемой научной информации и всех данных, содержащихся в статьях, отзывах, обзорах и рецензиях;
- все представленные в редакцию журнала материалы в обязательном порядке проходят проверку на сайте antiplagiat.ru, после чего редколлегия извещает авторов (соавторов) о результатах оценки рукописи и сообщает о приёме материала к дальнейшему рецензированию или об отказе от рецензирования;
- поступившие в редакцию статьи, отзывы, обзоры и рецензии в случае положительного ответа после проверки на сайте antiplagiat.ru направляются на внутреннее рецензирование с целью их экспертной оценки ведущими специалистами в соответствующей отрасли науки;
- статьи, допущенные к внутреннему рецензированию, должны быть оформлены в полном соответствии с требованиями, предъявляемыми к публикациям, которые размещены на сайте журнала: www.vestnik.tj;
- если в рецензии содержатся рекомендации по исправлению или доработке статьи, автору направляются замечания и предложения рецензента (без указания сведений о нём) для доработки и исправления материала;
- доработанный материал представляется автором в редакцию журнала и направляется на повторное рецензирование вместе с ответом автора по каждому пункту замечаний;
- Редколлегия имеет право на редактирование статей без изменения её научного содержания. Орфографические и стилистические ошибки исправляются корректором без согласования с автором (авторами). При необходимости правка согласуется с автором (авторами);
- вариант статьи, направленный автору (авторам) на доработку, должен быть возвращён в редакцию в оговоренный срок с внесёнными исправлениями и изменениями в электронном и распечатанном виде;
- статьи, не принятые к опубликованию, автору (авторам) не возвращаются. В случае отказа от публикации материала редакция направляет автору (авторам) мотивированный отказ;

- редакция предоставляет рецензии по запросу экспертным советам ВАК МОН РФ.

Требования к оформлению статей (обзоров, отзывов, рецензий), присылаемых для публикации в научно-теоретический журнал «Вестник Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики. Серия гуманитарных наук»

1. Для размещения в журнале принимаются ранее нигде не опубликованные научные статьи, обзоры, рецензии, отзывы, соответствующие научным специальностям: **07 00 00 – Исторические науки и археология; 09 00 00 – Философские науки; 10 00 00 – Филологические науки.**

2. Авторы в обязательном порядке предоставляют в редакцию следующие документы:

- текст статьи на русском или английском (по возможности с переводом на русский язык), или таджикском языке с обязательной подписью автора (авторов) на печатном варианте статьи;
- рецензию доктора или кандидата наук, заверенную в отделе кадров по месту его работы;
- справку с места учёбы (для аспирантов и магистрантов).

Печатные варианты документов направляются в редакцию по адресу: 735700, Республика Таджикистан, Согдийская обл., г. Худжанд, 17 мкр-н, д.1, ТГУПБП, главный корпус, каб. 307. Электронные версии – по адресу электронной почты: info@vestnik.tj; vestnik-tsulbp@mail.ru. Телефон для справок: 8 (3422) 2-05-63; адрес сайта: www.vestnik.tj

В соответствии с требованиями ВАК МОН РФ, статья должна содержать:

- индекс УДК (размещается в начале статьи отдельной строкой слева);
- индекс ББК (размещается в начале статьи отдельной строкой слева);
- фамилию, имя, отчество автора (авторов) полностью на русском и английском или таджикском, русском и английском языках;
- учёную степень, учёное звание автора (авторов), наименование и шифр научной специальности (согласно номенклатуре), по которой ведётся исследование, на русском и английском или таджикском, русском и английском языках;
- аспиранты, соискатели, преподаватели, докторанты указывают кафедру и учебное заведение (магистранты – направление подготовки) на русском и английском или на таджикском, русском и английском языках;
- указание на должность, место работы, город, страну на русском и английском или на таджикском, русском и английском языках;
- e-mail;
- название статьи на русском и английском или на таджикском, русском и английском языках (заглавными буквами, шрифт Times New Roman 14 или Times New Roman tj 14, выравнивание по центру);
- аннотация на русском и английском языках (шрифт TNR 14, начертание – курсив, выравнивание по ширине, от 100 до 250 слов с указанием цели и задач исследования, краткого хода работы и основных выводов, содержащих научную новизну);
- ключевые слова на русском и английском языках (5-7 слов или словосочетаний из двух или трёх слов, через запятую, шрифт TNR 14, начертание – курсив, выравнивание по ширине);
- статья в обязательном порядке должна содержать список использованной литературы с указанием только цитируемых работ. Список литературы приводится в конце статьи с общим объемом страниц источника. Список использованной литературы оформляется в алфавитном порядке в соответствии с ГОСТ.

- ссылки даются в скобках, в которых указывается номер использованного источника согласно списку использованной литературы, а затем цитируемая страница.

Статьи принимаются в течение года. Редакция оставляет за собой право отбора материала, а также право сокращения публикуемой статьи.

Текст присылаемой рукописи является окончательным и должен быть тщательно выверен и исправлен. Статьи, направляемые в редакцию с нарушением вышеперечисленных требований, к рассмотрению не принимаются.

За компетентность и содержание публикуемых материалов несут полную ответственность авторы и рецензенты.

Редакция журнала

TO THE NOTICE OF THE AUTHORS

“Bulletin of TSULBP” is a scientífico-theoretical journal of the Tajik State University of Law, Business and Politics which publishes the materials referring to the series of the humanities is it edited in pursuance with the law of Tajikistan Republic “On Press and Mass-Media”.

The Objective of the Scientific Reviewed Journal « Bulletin of TSULBP, Series of Humanitarians Sciences» are:

- operative elucidation of the results related to the research activities of the scholars living both in Tajikistan Republic and in the countries of far and near abroad on the following branches of sciences: philological sciences, historical sciences and archeology, philosophical sciences;
- development of international collaboration in the spheres of linguistics, literary criticism and archeology, philosophy;
- providing researchers with availabilities of publishing the results of scientific explorations;
- elucidation of actual problems and prospective trends in philological, historical and philosophical sciences;
- quest of new knowledge for spiritual and social development of the population of Tajikistan Republic upon the whole and its separate areas in particular;
- propaganda of the achievements of scientific-research activities obtained by the scholars of the Tajik State University of Law, Business and Politics and also by those ones working in other higher schools and institutes of education and science of Tajikistan Republic.

Terms and Conditions of Publication of Articles in the Journal “Bulletin of TSULBP, Series of Humanitarians Sciences”

- the journal editorial board accepts for consideration and publication scientific articles, reviews, scientific surveys, comments reflecting scientific opinions, results and achievements of fundamental theoretical and applied researches on the following branches of knowledge: linguistics, literary criticism and archeology, philosophy;
- solution on publication or on refuse in it is adopted according to the character of the materials submitted: their actualness, novelty and scientific significance;
- an author (authors) bears (bear) all the completeness of responsibility for authenticity of the presented scientific information and all the data contained in articles, commentaries, surveys and reviews;
- all the materials submitted to the editorial board are subjected to compulsory monitoring on **antiplagiat.ru** site after what the editorial board notifies authors (co-authors) about the results of a manuscript assessment and informs about an acceptance of materials for further review or about refuse in it;
- articles, commentaries, surveys and reviews in case of a positive answer after the monitoring in question are referred to internal review with the aim of their expertise assessment by leading specialists in a respective branch of knowledge;
- articles admitted to internal review should be framed in full correspondence with the requirements for the publications allocated on the journal site: www.vestnik.tj;
- If a review contains recommendation on corrections or improvement remarks and suggestions of a reviewer (without information about him\ her) it is sent to the author (authors);
- an improved material is submitted to the editorial board and referred to the second review together with the author's answer on every item of remarks;
- the editorial board has a right for recension of articles without changing its scientific contents. Spelling and stylistic mistakes are corrected by a proof-reader without coordination with an author (authors);
- a variant of the article sent to author (authors) for improvement should be returned to the editorial board in a stipulated term with amendments and alterations in the terms of a hard copy and e.mail.ru;
- articles non-accepted for publication are not returned to the author (authors). In case of refusal in publication the the editorial board sends a motivated rejection to the author (authors);
- the editorial board gives reviews to RF ESM HAC (Higher Attestation Commission under Education and Science Ministry of Russian Rederation) expert councils if requested.

Requirement for Framing Articled (Surveys, Commentaries, Reviews) Sent for Publication into the Scientific-Theoretical Journal (Bulletin of the Tajik State University of Law, Business and Politics, series of Humanitarians Sciences

1. For allocation the journal accepts scientific articles (surveys, commentaries, reviews) on respective scientific specialities never published anywhere before: **07 00 00 – Historical sciences and archeology; 09 00 00 – Philosophical sciences; 10 00 00 – philological sciences.**

The following papers ought to be submitted by authors to the editorial board compulsorily:

- the text of the article (in Russian and English, with Russian translation) or in Tajik with an obligatory author s (authors`) signature (-s) on a hard copy of the article;
- a review of Dr. or Candidate of sciences certified in a staff registration office under the establishment of a reviewer`s place of work;
- certificate from the place of studies (for post-graduates and master`s degree students).

Hard copies of documents are sent to the editorial board according to the address: 785700, Tajikistan Republic, Sughd viloyat, Khujand, microdistrict 17, building 1, TSULBP, main building, office 367. Electronic versions – e-mail address: info@vestnik.tj; vestnik-tsulbp@mail.ru. Telephone for reference, 8 (3422) 2-05-63 , site address, www.vestnik.tj.

In accordance with RF ECM HAC requirements the article should contain:

- UDC index (to be located at the beginning of the article by a separate line from the left);
- LBC index (to be located ibidem);
- author`s last name, first name, patronymic, nomination and code of scientific speciality (according to the range) the research is conducted - in Russian, English or Tajik, Russian and English;
- post-graduates, claimants for Candidate and Doctoral`s degrees, teachers specify a department and an educational establishment (master`s degree students specify speciality of learning) in English or Tajik, Russian and English;
- position, place of work, city, country should be presented in Russian and English, or in Tajik, Russian and English;
- E-mail.ru;
- the title of the article in Russian and English or in Tajik, Russian and English (in capital letters, **print Times New Roman 14** or **Times New Roman Tj 14**, center alignment);
- abstract in Russian and English (**print TNR 14**), italics alignment, width alignment in the range of 100-250 words with indication of goals and objectives of research, brief course of work and major conclusions containing scientific novelty;
- key words in Russian and English (5-7 words or word-combinations of two or three words, through a comma, **print TNR 14**, italics alignment, width alignment);
- the article should compulsorily contain a list of reference literature with indication of cited works only.
- The list of literature is adduced at the end of the article with a general amount of pages of the original source. The bibliographical list of the literature used is framed in alphabetical order in concordance with **GOST** (State Standart).
- references are given in brackets where you should indicate the number of the used original source according to the literature list followed by a cited page.

Articles are accepted throughout a year. The editorial board is entitled to the right of selection in reference to materials and of reduction in regard to the article bound to being published.

The text of the manuscript sent is to be a final one, it must have been verified and corrected thoroughly. Articles sent to the editorial board with violation of the above-mentioned requirements are not accepted for consideration.

Full responsibility for competence and contents of the materials published rests on authors and reviewers.

Editorial-board of the journal

ЗИ-02.1.099ТJ

ИНДЕКС: 77746

Ахбори ДДХБСТ.
Силсилаи илмҳои гуманитарӣ
2015, №4 (65) 154 с.

Мухаррирон:
Шамурадова О.Б.
(муҳаррири русӣ),
Балтина С.П.
(муҳаррири англисӣ)
Мухаррири техникӣ:
Ҳақимхоҷаева М.К.

Вестник ТГУПБП.
Серия гуманитарных наук
2015, №4 (65) 154 с.
Редакторы: Шамурадова О.Б.
(редактор материалов на
русском языке)
Балтина С.П.
(редактор-переводчик)
Технический редактор:
Хақимходжаева М.К.

Bulletin of TSULBP.
Series of Humanitarian Sciences
2015, №4 (65) 154 p.
Editors:
Shamuradova O.B.
(Russian texts)
Baltina S.P.
(English texts)
Technical editor:
Khakimkhojayeva M.K.

Суроғаи маҷалла: 735700, Ҷумҳурии Тоҷикистон, ш. Хучанд, микроноҳияи 17, бинои 1, ДДХБСТ.
Тел. сармуҳаррир: 8(3422)2-38-11, тел. идора: 8(3422) 2-05-63;
e-mail: info@vestnik.tj; vestnik-tsulbp@mail.ru

Гунаи электронии маҷалла дар сомонаи www.vestnik.tj қойғуз аст.

Адрес редакции: 735700, Республика Таджикистан, г. Худжанд, 17 мкр, дом 1, ТГУПБП.
Тел. гл.редактора: 8(3422)2-38-11, тел. редакции: 8(3422) 2-05-63;
e-mail: info@vestnik.tj; vestnik-tsulbp@mail.ru

Электронная версия журнала размещена на сайте www.vestnik.tj

Address of the editorial-board: 735700, Tajikistan Republic, Khujand, microdistrict 17, building 1, TSULBP.
Editor-in-chief's telephone: 8 (3422) 2-38-11, editorial board's telephone: 8 (3422) 2-05-63
e-mail: info@vestnik.tj; vestnik-tsulbp@mail.ru

Full textual version of the journal is placed on site www.vestnik.tj

Ба чопаш 15.01.2016 имзо шуд. Андоза 84x108/16. Коғази офсет. Чопи офсет. 16 ч.ч.
Теъдоди нашр 420 адад. Супориши № 67. Нарҳаш шартномавӣ.

Наширети «Нури маърифат»-и ДДХ ба номи акад. Б.Гафуров, 735700, ш. Хучанд, кӯчаи Ленин, 52

Парки технологияи ДДХБСТ

Подписано в печать 15.01.2016. Формат 84x108/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. 16 п.л.
Тираж 420 шт. Заказ № 67. Цена договорная.

Издательство «Нури маърифат» ХГУ им акад. Б.Гафурова, 735700, г. Худжанд, ул. Ленина, 52

Технологический парк ТГУПБП

Signed for printing 15.01.2016. Format 84x108/16. Paper offset, offset print. Circulation 420 copies.
Order 67. Price on contractual agreement

The publishing house "Nuri ma'rifat", 735700, Khujand, Lenin's street # 52

The publishing house "Technopark" TSULBP

Напечатано согласно предоставленному редакцией оригиналу-макету